

ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Ю.Б. Щегловин

**РАЗМЫШЛЕНИЯ
О СИРИЙСКОМ КОНФЛИКТЕ**

Москва 2018

Ю.Б. Щегловин
РАЗМЫШЛЕНИЯ О СИРИЙСКОМ КОНФЛИКТЕ
М., 2018. 218 с.

ISBN 978-5-89394-292-7

ISBN 978-5-89394-292-7

© Институт Ближнего Востока, 2018
© Ю.Б. Щегловин, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие издателя	4
Введение	7
Глава 1. Ситуация в Сирии накануне начала русской военной операции	10
Глава 2. Сценарий действий России в Сирии на первом этапе	60
Глава 3. Действия России на втором этапе военной операции в Сирии	107
Глава 4. Основные проблемы американской практики участия в локальных конфликтах	143
Глава 5. Что дальше?	159
Заключение	175

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Все, что написано в настоящем тексте – небольшой книге или большой брошюре, на усмотрение читателя, написано профессионалом-практиком высочайшего класса. Немногие люди в стране прошли такой жизненный путь и получили тот опыт, которым он располагает. Значительно меньшее число обладает такими аналитическими способностями, трезвостью мышления и способностью к отстранению от личных симпатий и антипатий, ведомственных интересов или популярных штампов. Рекомендовать настоящую работу, посвященную войне в Сирии – или, если угодно, операции в этой стране российских ВКС 2015–2017 гг., можно не только широкой публике, студентам и аспирантам профильных вузов, академическому сообществу (единому в неприятии любых мнений, кроме членов собственной корпорации, некоторые из которых на деле разбираются в предмете своего изучения, но большинство демонстрирует приверженность к теоретическим изысканиям, для которых скучная практика не только не обязательна, но даже вредна). Это труд профессионала, написанный для тех, кто способен оценить его по достоинству, – других профессионалов. Такие работы редки. И в этом их главная ценность.

Скажем больше: эту книгу имеет смысл прочесть людям, принимающим решения на высшем уровне. Поскольку управлять государством, принимая решения о вступлении страны в войну и, что еще важнее, о ее своевременном завершении, вопреки мнению публики, не слишком легко. И делать это лучше, опираясь на опыт предшественников, особенно удачный – а кампания российских военных в Сирии против «Исламского государства» и всех прочих

радикальных исламистских группировок, поставивших эту страну на грань уничтожения, захватив большую часть ее территории (как и в соседнем Ираке), несомненно, была удачной для российской армии и российского государства, впервые за десятилетия. Победы на поле боя далеко не всегда трансформируются в общенациональный триумф. Примеров тому масса, и отечественная история ими изобилует в полной мере. Однако что бы ни происходило далее на Ближнем Востоке в целом и в Сирии, в частности (история никогда не кончается, и впереди еще много неприятных сюрпризов, тем более, что многочисленные региональные и внешние игроки продолжают раскачивать ситуацию), на сегодня можно зафиксировать успех России в Сирии.

Он особенно показателен на фоне коллапса американской политики в Афганистане и многолетней стагнации в борьбе с ИГ, которую продемонстрировала в Ираке возглавляемая США контртеррористическая коалиция, членами которой являлись и по сей день являются главные спонсоры международного исламистского терроризма: Саудовская Аравия, Катар, Турция и Пакистан. Три страны из этого списка были и остаются инициаторами сирийской гражданской войны и попытки свержения правящего в Сирии режима и президента Башара Асада. Именно их усилиями к моменту ввода в страну ВКС РФ западное сообщество, включая политиков и дипломатов, военных и разведчиков, журналистов и правозащитников, сплотилось против Дамаска, полагая, что сирийский режим обречен, как все его предшественники в «арабской весне». Переломить это намного сложнее, чем выиграть войну у террористических группировок, щедро спонсируемых, вооружаемых и тренируемых американцами, англичанами, французами и немцами, не говоря уже о турках, иорданцах и арабах Залива. Именно поэтому переговоры о деэскалации конфликта с успехом шли и идут в Астане, но буксуют в Женеве, где под эгидой ООН ее чиновники занимаются не столько примирением враждующих сто-

рон, сколько попытками удовлетворить амбиции спонсоров – и своих, и войны против Асада в Сирии.

Обо всем этом – помимо истории действий ВКС России на сирийских фронтах и того, как преодолевались почти неразрешимые проблемы, как возникшие к началу операции, так и те, которые проявлялись в ходе военных действий, написано в книге, которую читатель держит в руках. От лица руководства института и от себя лично, я хотел бы выразить самую искреннюю признательность ее автору, военнослужащим, которые воевали и воюют в Сирии, чтобы не пришлось воевать с террористами, которых они там уничтожают, в России, а также российским дипломатам, которые вели и ведут сражения на своем собственном поле боя – в Женеве и за ее пределами. Благодаря тому, что руководство Министерства Обороны оказало Институту Ближнего Востока честь и привлекло его к своей работе, в течение сирийской кампании он был и остается частью военного и аналитического сообщества, которое действовало и продолжает действовать в интересах России на Ближнем Востоке. Так что это и наша война – причем автора настоящей книги это касается в первую очередь.

Евгений Сатановский,
президент Института Ближнего Востока

ВВЕДЕНИЕ

Эта брошюра имеет своей целью попытку проанализировать первые итоги участия России в сирийском конфликте. Прежде всего не в чисто военной составляющей – это дело военных профессионалов, хотя этому также будет уделено определенное внимание. Основной упор мы предполагаем сделать все-таки на сравнительном анализе действий Москвы и Вашингтона в рамках своей деятельности в условиях локальных конфликтов средней и высокой интенсивности. На примере Сирии мы имеем в принципе уникальный и беспрецедентный случай присутствия в одной зоне локального конфликта одновременно российских и американских войск, которые по факту воюют против одного и того же врага в лице «Исламского государства» (ИГ). Сравнительный анализ их действий представляется нам крайне интересным с точки зрения прежде всего тех выводов, которые сделали Москва и Вашингтон на основе своих неоднозначных по результатам афганского и вьетнамского опытов соответственно.

В случае с Россией мы бы учитывали и, в общем-то, очень показательный опыт двух чеченских кампаний, а применительно к американцам, безусловно, стоит обратить внимание на опыт их участия в войне в Афганистане и Ираке. Эпопеи с участием советских войск в Афганистане и американских во Вьетнаме полагаются большинством экспертов как неудачные, что породило в общественном мнении практически единодушное убеждение в том, что участие в локальных конфликтах вдалеке от своих границ является делом заранее провальным просто в силу местных реалий и «отсталого» менталитета местного населения. Другими словами, «трудно быть богом».

И, в общем-то, этот тезис практически полностью возобладал в политическом сознании элит США в период правления президентов от Демократической партии Билла Клинтона и Барака Обамы. Особенно на фоне абсолютно провальных по своим итогам военных вторжений США в Ирак и Афганистан в период правления президента от Республиканской партии Дж.Буша-младшего. Но тогда американскую нацию объединял общий патриотический порыв после известных событий «11 сентября» и общее убеждение американцев в своей избранности. Политику Б.Обамы, которая предусматривала жесткий лимит на участие американских войск в широкомасштабных военных кампаниях за рубежом в этом контексте можно назвать «горьким похмельем», наступившим через определенный период на фоне патовых перспектив участия США в военных действиях в Ираке и Афганистане. Эти две кампании, которые сейчас получили второе дыхание благодаря последнему по времени выплеску американского шовинизма со стороны старой и уже не вполне адекватной американской элиты в лице престарелых республиканцев, даже задали в экспертном сообществе очень популярную тему для дискуссий, общий смысл которой сводился в принципе к осознанию того факта, что классические армии не способны решать задачи в рамках локальных конфликтов, а их техническое оснащение является бесполезной «игрушкой» на фоне партизанской и террористической войны.

Россия уже доказала в Сирии, что это совсем не так. И вопрос в данном случае не в принципах формирования армии, а в жесткой сцепке военного и политического компонентов участия «сверхдержав» в том или ином локальном конфликте и четком первоначальном анализе всего комплекса составляющих оперативной обстановки в зоне того или иного локального конфликта. В случае с Сирией Москве удалось в общем и целом уйти от пагубной практики «подгонки фактов под видение проблемы со стороны политического руководства страны», и тем самым выра-

ботать оптимальный алгоритм своих действий, исходя из реального, а не желаемого положения дел. Россия смогла на фоне далеко не рекордных финансовых затрат найти оптимальный баланс военного и политического компонентов своих действий на сирийском направлении и в целом успешно решить крайне непростую задачу по купированию исламистской угрозы и дестабилизации целого региона Ближнего Востока. И этот опыт, безусловно, открывает новые перспективы участия мировых держав, и России прежде всего, в вопросах локализации подобных угроз на «дальних рубежах» в рамках наступления эпохи «ренессанса политического исламизма», который мы наблюдаем сейчас в исламском мире в самых различных его проявлениях.

Глава 1

СИТУАЦИЯ В СИРИИ НАКАНУНЕ НАЧАЛА РОССИЙСКОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Ситуация в Сирии для режима Башара Асада к середине 2015 года складывалась более чем печально. Власти контролировали только порядка тридцати процентов территории страны, были потеряны Идлиб, Восточное Алеппо, бои шли практически в самом Дамаске в лагере палестинских беженцев Ярмук и столичных пригородах. Резко обострилась ситуация в Хаме и Хомсе. Были потеряны все нефтяные месторождения и прерваны основные логистические водные и сухопутные артерии. Появились даже слухи, что Б.Асад ведет переговоры о получении политического убежища за рубежом, что говорило вроде бы о колебаниях в сирийской элите.

Правительственной армии был нанесен огромный урон: от довоенных 325 тысяч человек в вооруженных силах осталось не более 100 тысяч. И это совершенно не означало, что правительственные войска потеряли 225 тыс. человек. Реальные потери в данном случае были гораздо меньше. По оценкам ряда экспертов, за практически четыре года конфликта армия потеряла убитыми и ранеными около 75 тыс. военных (нам эта цифра представляется, мягко говоря, избыточной), а остальной убыток образовался в результате банального дезертирства. К тому же из этих 100 тыс. военных далеко не все были реально боеспособными. На тот период времени в армии еще находилось некое количество суннитов, и их старались дислоцировать подальше от активных зон боевой активности. В частности, их пытались сконцентрировать

в районе тех же Голанских высот, которые на тот момент были еще относительно «безконфликтной зоной». Подробности и чисто профессиональные оценки боевого потенциала сирийской армии на тот период времени мы в данной брошюре рассматривать не будем, оставим это военным аналитикам. Ограничимся общим пунктирным перечислением сил и средств противостоящих сторон, поскольку это даст возможность сделать один из самых главных выводов о ситуации в Сирии накануне начала российской военной операции в этой стране, и отметим важный тезис для нашего дальнейшего исследования: ***на середину 2015 года правительственная армия испытывала огромный дефицит живой силы и техники, что не позволяло вести широкомасштабные боевые действия на всей территории Сирии. И, кроме того, наступил момент невозврата, который был обусловлен потерей в силу выхода из строя подавляющей части ВВС Сирии. В условиях дефицита сухопутной силы именно мощные ВВС являются залогом поддержания боеспособности армии и сохранения на фронтах баланса сил.***

Правительственные силы

Сирийская арабская армия (САА) – основные военные силы правительства. Перед началом войны численность сирийских вооруженных сил оценивалась, как мы уже говорили, в 325 тыс. регулярных войск, куда входили также флот, морские пехотинцы, ВВС и войска ПВО. С 2011 года это число уменьшилось к 2015 году в три раза – до 100 тыс. – из-за дезертирства, а также в результате боевых действий, которые привели к потере до 75 тыс. человек личного состава. На период середины 2015 года основной боевой силой армии была 4-я механизированная дивизия под командованием брата президента Махера Асада, насчитывающая 25 тыс. контрактников,

на вооружении которой состояли ударные вертолеты и последние модели российских танков. Среди реально боеспособных частей также надо отметить полки сирийского спецназа и дивизии Республиканской гвардии.

Национальные силы самообороны (НСС)

В 2012 году на базе так называемых «народных комитетов», созданных для поддержки правительства Башара Асада, были развернуты Национальные силы самообороны (НСС), полувоенные формирования, призванные помогать правительственной армии в борьбе с отрядами вооруженной оппозиции и экстремистскими силами. Вначале их роль была довольно скромной, но по мере нарастания потерь в регулярной армии они стали принимать все более активное участие в боевых действиях.

Первоначально костяк НСС составляли боевики так называемой «шабихи» (иррегулярные формирования, сформированные в основном по территориальному признаку действия) молодежных алавитских отрядов, существовавшие еще в довоенной Сирии, чьей целью было наведение порядка в стране и внесудебные расправы с зарвавшимися оппозиционерами. Впрочем, в рядах «шабихи» состояли и состоят не только алавиты, но и сунниты, участвовавшие в боях с джихадистами в Алеппо и Идлибе. В состав «шабихи» входили в свое время и криминальные элементы. Однако со временем в рядах НСС стали доминировать более организованные и идеологически мотивированные элементы, представляющие те или иные политические движения. Централизованное и четкое командование получили эти формирования только в начале 2013 года.

На сегодняшний день среди них можно выделить отряды друзей «Джейш аль-Муваххидун» («Армия сторонников единобожия»), алавитские отряды во главе с Али Кайяли и вооруженные формирования Сирийской социально-национальной партии (ССНП). По заявлениям сирийского правительства, их численность равна 100 тыс. человек,

что, безусловно, сильно завышенная цифра. В реальности можно было говорить на тот период времени об активных 30–40 тыс. человек. По сути, это ополчение – и по качеству экипировки, и по уровню оснащения тяжелыми видами вооружений и бронетехникой. Представители многих сирийских меньшинств (алавиты, друзы, христиане) состоят в НСС. Причина – прямая угроза расправы со стороны суннитских боевиков. Также члены НСС получают денежное довольствие и военное обучение за счет правительства и преимущественно служат в своих родных провинциях. Создание НСС усилило сирийскую армию прежде всего с точки тыловой поддержки и высвобождения сил для участия в реальных боевых действиях и наступательных операциях. По данным ряда аналитиков, НСС в обороне не уступает армейским подразделениям и даже способно довольно эффективно выполнять боевые операции. На вооружении имеется стрелковое вооружение и артиллерия. Мы бы с такой оценкой не согласились в первую очередь из-за присутствия в подобном рода иррегулярных формированиях четкого территориального признака. То есть действуют они наиболее эффективно в местах своего традиционного проживания при отсутствии четкой военной иерархии в основном для тыловых зачисток или выполнения задач национальных спецслужб.

Попытку эту ситуацию изменить сейчас предпринимает Иран в лице главы элитного подразделения «Эль-Кудс» Корпуса стражей исламской революции (КСИР) генерала К.Сулеймани, организовывая его сирийский аналог и тем самым превращая шиитские милиции в Сирии в некий универсальный в национальном масштабе военный механизм. Одной из частей этой иррегулярной армии шиитов надо считать и сирийскую «Хизбаллу» (около 1800 человек) – чисто шиитское ополчение, которое было сформировано в июле 2013 года. Это ополчение состоит из сирийских алавитов и шиитов из Алеппо, Идлиба, Хомса, Тартуса, и Дамаска и лично подчинялось К.Сулеймани.

Бригада Баас

Сирийская баасистская организация, состоящая из добровольцев-членов сирийской правящей партии Баас, находится на начальном этапе формирования под командованием Мухаммеда Кхаддаура. Большинство бойцов этой организации являются мусульманами-суннитами, которые лояльны к правительству Сирии. Обучаются и контролируются сотрудниками из элитной Республиканской гвардии. Сформирована в 2012 году, основной задачей этой милиции является поддержка сирийской армии в бою и установка контрольно-пропускных пунктов. Наиболее активно они были задействованы в боях наряду с сирийской армией против оппозиционных сил в Алеппо, организация насчитывает около 3 тыс. бойцов.

Сирийское сопротивление – сирийская марксистско-ленинская организация. Была сформирована в 2011 году и сотрудничает с армией для борьбы с сирийской оппозицией. Глава этой организации Михрач Урал скрывается под псевдонимом Али Кайяли. Он работает во многих районах по всей Сирии, таких как Латакия, Хомс, Джиср-эш-Шугур. Данная организация насчитывает около 2 тыс. бойцов, большинство из них – сирийские алавиты и близкие к ним турецкие алевиты, которые были набраны из турецкой провинции Хатай. Али Кайяли, гражданин Турции и выходец из семьи турецких алевитов, в 70-е – 80-е годы прошлого века был активистом левацкой Рабочей партии Турции. Затем с помощью сирийских спецслужб организовал Фронт освобождения Искандеруна, выступавший за возвращение Сирии отторгнутой от нее в 1937 году провинции Хатай. Известен своей дружбой с лидером Рабочей партии Курдистана (РПК) Абдаллой Оджаланом. С началом гражданской войны в Сирии прибыл в САР, где занялся организацией отрядов самообороны в средиземноморских районах этой страны. Весной 2014 года его отряды участвовали в отражении нападения джихадистов на Латакию. В этой связи добавим, что указанная группа

по факту является одним из силовых компонентов главной спецслужбы страны – разведки ВВС Сирии – в рамках деятельности в курдских районах на севере Сирии в формате противотурецкой активности.

Народный фронт освобождения Палестины – Главное командование. Леворадикальная марксистская военизированная организация, выступающая за создание независимого Палестинского государства. Основал ее и возглавил Ахмед Джебриль. Эта милиция находится в лагере Ярмук (район Дамаска), который является домом для крупнейшей общины палестинских беженцев в Сирии. Сторонники НФОП-ГК в союзе с сирийским правительством участвуют наряду с сирийской армией в борьбе с оппозицией в САР. Эта организация насчитывает около 2 тыс. бойцов. С этой группировкой вообще много неясного. Так, некоторые аналитики отмечают, что в период восстания исламистов в лагере Ярмук племянник А.Джебриля вместе со своими сторонниками оказывал фактически логистическую поддержку восставшим. После разгрома восстания в основном силами ливанской «Хизбаллы» и серьезных чисток «колеблющихся» А.Джебриль вновь официально заявил о своей приверженности режиму Б.Асада, и его отряды участвовали в ряде боевых операций по освобождению Восточного Алеппо совместно с бойцами еще одной просирийской палестинской группировки – Армии освобождения Палестины.

Сирийская арабская гвардия (САГ) – добровольное военизированное формирование, созданное в апреле 2013 года и действующее на территории Сирии. Участвует в вооруженном конфликте на стороне правительственных сил Башара Асада. Организация носит светский характер и придерживается идеологии арабского национализма, выступая против этнического и религиозного экстремизма. Членами организации являются как лояльные правительству сирийцы, так и арабские националисты из других

государств Ближнего Востока и Северной Африки. Некоторые из них ранее принимали участие в конфликтах на территории Ливии и Ирака. На данный момент в рядах САГ находится около 1000 бойцов.

Вооруженные формирования Сирийской социально-национальной партии (ССНП) насчитывают около 12 тыс. человек, в 2015 году были наиболее организованной силой среди проправительственных милиций. Эта политическая сила имеет давнюю и непростую историю взаимоотношений с сирийскими властями. ССНП является старейшей политической партией Сирии. Она была создана в 1932 году ливанским православным христианином Антуном Сааде. Идеологией партии является доктрина «Великой Сирии» в составе территорий нынешних Сирии, Палестины, Ливана, Иордании, Ирака и Кипра. Кроме того, партия выступает за возвращение отторгнутой турецкой провинции Хатай. Партия изначально была организована по образцу итальянских фашистов, но сам Сааде отрицал свою близость к фашистской идеологии. «Наша партия построена не на фашистских или гитлеровских принципах, но на принципах, изначально присущих сирийскому народу», – заявлял он. Эмблемой партии является красный ураган (заубаа), немного похожий на свастику. Одним из элементов партийной идеологии является восхваление доисламского прошлого Ближнего Востока, возведение в ранг национальных героев ассирийских царей вроде Ашурбанипала и Хаммурапи. В 1949 году Антон Сааде бежал из Ливана в Сирию, затем был выдан сирийским правительством Ливану, где был расстрелян по обвинению в государственной измене.

Сторонником идей ССНП был военный диктатор Сирии в 1951–1954 годах Адиб Шишакли. После его отставки и бегства из страны ситуация для популярной на тот момент партии стала резко ухудшаться. В 1955 году она была официально запрещена в Сирии. Национальные социалисты со своей пансирийской идеологией вошли

в жесткое противоборство с баасистами с их панарабскими устремлениями. Панарабизм был для них неприемлем, так как большинство членов партии принадлежало к религиозным меньшинствам и боялось «раствориться в мусульманском море». В то же время в Ливане, где большая часть активистов ССНП принадлежала к православной или греко-католической общинам, они выступали против доминирования маронитов. В программе партии официально записана ее внеконфессиональная природа, что способствовало притоку в ее ряды не только христиан, но и представителей других религиозных меньшинств – шиитов, друзов, исмаилитов. После прихода партии Баас к власти в 1963 году ССНП подвергалась в Сирии достаточно жестоким репрессиям. В 60-е – 70-е годы прошлого века ее активисты, работавшие в подполье, арестовывались и подвергались внесудебным расправам. Так, один из лидеров ССНП Али Хайдар, министр по делам национального примирения в нынешнем сирийском правительстве, более десяти лет провел в тюрьмах. Тем не менее в Ливане партия в период гражданской войны встала на просирийские позиции, последовательно боролась с правохристианскими силами и израильской оккупацией. В 2005 году после убийства бывшего премьер-министра Ливана Рафика Харири и вывода сирийских войск из страны ССНП присоединилась к Коалиции 8 марта, возглавляемой движением «Хизбалла». В настоящее время в ливанском парламенте представлены два депутата от ССНП.

Присоединение ССНП к просирийской коалиции в Ливане побудило правительство Башара Асада в том же году снять запрет на ее деятельность в Сирии. В 2005–2012 годах партия входила вместе с баасистами и частью сирийских коммунистов в состав Национально-патриотического фронта (НПФ). На легализацию партии повлияло и то, что в начале двухтысячных годов баасисты уже не видели в национальных социалистах серьезных конкурентов. Тем не менее гражданская война в Сирии способствовала резкому росту популярности ССНП. Особенно велик ока-

зался приток христианской молодежи. Расправы джихадистов над христианами в Адре, Кассабе и Дейр эз-Зоре поставили на повестку дня создание христианских отрядов самообороны. Именно этой миссией занялась ССНП. В 2013 году вооруженные отряды партии принимали активное участие в боях с джихадистами в Набеке, Саддаде и Махине, в 2014 году – в Маалюле и Хомсе. Активные боевые действия против джихадистов отряды ССНП вели и в Сейднае. После взятия этого предместья Дамаска под контроль вооруженными формированиями партии христиане вернулись туда. В ноябре 2013 года местный лидер ССНП в Хомсе Субхи аль-Эйд погиб в боях за город Саддад. После освобождения от боевиков старого города в Хомсе именно активисты ССНП занялись налаживанием здесь мирной жизни и сейчас доминируют в городском самоуправлении. Нынешний руководитель отделения партии в Хомсе Нухад Сааман объясняет активное участие ССНП в войне на стороне правительства Асада тем, что оно защищает светские принципы и равноправие всех сирийцев. «Мы еще помним погромы 1860 года в Дамаске и не собираемся становиться жертвами религиозных экстремистов», – говорит он. В настоящее время ССНП возглавляет мусульманин Назир аль-Асма. В партии около 100 тыс. членов, среди которых присутствуют представители всех конфессий, но большинство составляют христиане. Интернет-портал «Аль-Монитор» называет ССНП «боевой христианской партией».

Исходя из изложенного, целесообразно сделать вывод о том, что продолжение гражданской войны в Сирии ведет к повышению роли внешне полунезависимых вооруженных формирований, милиций, оказывающих сирийскому правительству важную помощь в борьбе с джихадистами. После завершения конфликта силы, подобные ССНП и отрядам Али Кайяли, будут важными компонентами в новой политической архитектуре Сирии. Но сейчас

мы затронули эту тему по другой причине. На примере ССНП очень четко можно проследить одну важную тенденцию, которая имеет значение для нашего анализа: **к середине 2015 года произошла полная поляризация противоборствующих сил в Сирии, вне зависимости от той истории взаимоотношений с Дамаском, которая существовала до этого. Хотя, что касается ССНП, то справедливости ради, надо сказать, что она давно, еще с начала 1980-х годов находится в плотной орбите влияния спецслужб нынешнего сирийского режима. Но суть не в этом, а в том, что эти иррегулярные формирования являются тем самым «гражданским обществом» сирийского разлива, которые концентрируют в своих рядах ярких оппонентов той модели правления, которую предлагает сейчас исламистская оппозиция. Другими словами, гражданский конфликт предопределил резкую поляризацию противоборствующих сил, в основе которой лежат не идеологические и клановые предпочтения, а вопрос физического выживания.**

Выбор зарубежными спонсорами в лице КСА, Катара и Турции «исламистской модели» оппозиции, что позволяло привлекать в их ряды огромное количество зарубежных джихадистов, сыграл свою роль и в единении различных конфессиональных и национальных антиисламистских сил вокруг нынешнего режима как единственной силы, которая может этой опасности противостоять. Что, кстати, во многом и обуславливает выживаемость режима в Дамаске. В этой связи вспомним чеченский опыт, когда именно неприятие со стороны подавляющей части чеченской элиты идей жесткого исламизма по аравийским лекалам привело, в конечном счете, к изоляции наиболее радикальной части сопротивления и ее уничтожению. Таким образом, нельзя было говорить, как это делали и делают американские аналитики, о том, что оппозиции

противостоит в Сирии исключительно алавитская община, которая составляла порядка 10–15% от численности всего довоенного населения страны, а в настоящее время 20–30%. Это важный момент, поскольку данное обстоятельство фактически уравнивает силы противостоящих сторон. Если не в жестком численном компоненте, то прежде всего по зонам компактного и традиционного проживания той или иной общины. То же самое справедливо и по отношению к выводам западного разведсообщества по поводу раскола в алавитской общине. Сама ситуация с исламистской экспансией не оставляла алавитам иного выхода, кроме как сплотиться возле нынешнего режима как единственной гарантии своего биологического выживания. Другой вопрос, что эта тенденция до входа российских войск не опиралась на жесткую вертикальную структуру. Ее фактически не было, иранцы в данном случае не смогли сыграть роль такой скрепы и поддержать ее своим военным авторитетом просто в силу отсутствия подобного опыта работы с другими конфессиями. Для Ближнего Востока одного ощущения мало, необходим некий нейтральный с точки зрения религии и национальности центр силы, который стал бы катализатором центростремительных тенденций оппонентов исламистской модели устройства. В нашем случае – консолидация вокруг Дамаска.

Иностранные союзные вооруженные группы

Корпус стражей исламской революции (КСИР) Ирана под командованием генерала Касема Сулеймани. КСИР сотрудничал с сирийским правительством и помог подавить суннитское восстание с 2011 года, отправив своих военных в Сирию. Также занимается подготовкой кадров и формированием бригад, состоящих из иностранных

(в очень малой степени) и местных шиитских бойцов, чтобы помочь сирийским вооруженным силам. Численность в разные времена гражданской войны колебалась от 1500 до 5000 иранских солдат и офицеров. «Наконецником копья» этой группировки являются члены элитного подразделения «Кудс» КСИР, численность которого в Сирии, по разным оценкам, насчитывает около 1200 человек. В их функции, помимо чисто диверсионных и военных, входит также обеспечение безопасности клана Башара Асада. Иранцы действуют в тесной координации с ливанской шиитской группировкой «Хизбалла». Это основное боевое крыло иностранного контингента в Сирии, который воюет на стороне Дамаска. Постоянно в Сирии находится порядка 18–20 тыс. ливанских шиитов. Эта же группировка понесла во время боев и самые большие потери, которые, по разным оценкам, могут составлять до трех тысяч погибших.

Бригада иракских шиитов «Абу аль-Фадль аль-Аббас». Бригада, состоящая из иракских шиитов, сформирована в 2012 году с целью защиты святыни Сайида Зейнаб, которая находится в Дамаске. Это одна из первых и крупнейших шиитских группировок в Сирии, большинство ее бойцов шииты Ирака, сирийцы и ливанцы. Ее роль больше оборонительная, чем наступательная, и заключалась в основном в охране шиитских святынь в Сирии, а также основных логистических коммуникаций снабжения Дамаска из Ирака. Общая численность этой бригады в Ираке составляет примерно 7000 бойцов, ее командиром является Абу Аджиб. В 2014 году в самой Сирии бойцов бригады было примерно 3000. Сейчас иракцев здесь практически нет, а на их место в страну при содействии иранцев прибыли афганские хазарейцы приблизительно в таком же количестве для выполнения аналогичных функций тылового охранения. В боях за Алеппо на более поздних этапах развития конфликта участвовали члены еще одной иракской шиитской милиции «Асаиб

аль-Хак». Ее возглавляет Махди Хадж. В Сирии в основном группа представлена снайперами. Численность ее не более 200 человек.

Исходя из сказанного, отметим, что иностранцы на момент начала российской военной операции в Сирии составляли чуть ли не половину всего активного личного состава, который в реальности участвовал в боевых операциях на фронтах. Это говорит о жестком дефиците сухопутной силы у правительственных войск, что в условиях падения преимущества в воздушной поддержке стало критическим моментом для выживания всей структуры режима. Но вот что важно: исламистские группы типа ИГ и «Джебхат ан-Нусры» также процентов на шестьдесят, если не больше, состоят из иностранных джихадистов. **Этот показатель вообще очень важен с точки зрения оценки потенциала противостоящих в любом локальном конфликте сторон с перспективой участия в нем на стороне одного из противников.**

Курдские союзные вооруженные группы

Отряды народной самообороны (ОНС/YPG) – Сирийская курдская региональная военная сила, которая была сформирована в 2011 году. Это организация имеет 50000 бойцов, YPG командует Сипан Хамо, который является основным командиром этой группировки наряду с другими командирами в Алеппо, Камышлы, Рас-эль-Айне, Эфроне и Кобани. При этом сейчас курды входят в проамериканскую коалицию «Силы демократической Сирии» (СДС), что делает их очень условными союзниками Дамаска. Отметим, что уже к середине 2015 года отношения между правительственными силами и курдами были неровными. Курды несколько раз предпринимали попытки полностью зачистить свои анклавы от гарнизонов сирийской армии и структур центрального управления.

Необходимо понимать и традиционный для арабов любой идеологической окраски солидарный тренд на отказ на любые формы независимости курдов в составе своих государств. Но при этом на середину 2015 года, да и сейчас, этот момент являлся определяющим для организации и функционирования «санитарного кордона» на севере Сирии в рамках сдерживания военной экспансии прежде всего Турции и лояльных ей групп сопротивления. И не только турецкой, но и ИГ и «Джебхат ан-Нусры». А это объективно оттягивает силы исламистов от противостояния с сирийской армией и ее союзниками, а также максимально затрудняет тыловое снабжение боевиков из Турции. При этом, несмотря на имеющиеся разногласия, рабочие контакты между Дамаском и курдами существуют постоянно в силу общей антитурецкой направленности и наличия общего врага в лице исламистов.

Союзные курдам вооруженные группы

Джейш Ас-Санадид – Сирийская арабская племенная милиция, сформирована в 2013 году и в основном присутствует в северо-восточной части Сирии или в Джазире, которая является частью Сирийского Курдистана. Племя во главе с шейхом аль-Хамиди Дахам аль-Хади, который является его лидером в Сирии. Милиция принимала участие во многих сражениях наряду с курдским YPG против «Исламского государства». Им удалось победить ИГ в Телль-Хамисе и Тель-Браке. Данная организация насчитывает около 3 тыс. бойцов.

Сирийский военный совет (СВС) – Ассирийская военная сила, которая была сформирована в январе 2013 года, чтобы защищать ассирийцев в Сирии. Военный совет борется в основном в населенных ассирийцами районах провинции Хасеке. СВС является крупнейшей христиан-

ской группировкой в Сирии, финансируется христианскими организациями из Европы и США. Насчитывает около 2 тыс. бойцов, также их поддерживают курдские Отряды народной самообороны и европейские добровольцы. СВС вместе с ОНС и пешмергой участвовал в наступлении в иракской провинции Ниневия, чтобы защитить местных курдов-езидов от сторонников ИГ. Бойцы СВС участвовали наряду с ОНС во многих наступательных операциях против «Джебхат ан-Нусры» и «Исламского государства» на севере Сирии, также данная организация обеспечивает безопасность в христианских районах.

Все эти формирования, в общем-то, составили костяк и основную боевую мощь созданной под эгидой США коалиции «Силы демократической Сирии» (СДС), которые вели бои при штурме сирийской «столицы» ИГ – Ракки. ***Для нашего анализа в данном случае важен момент ориентирования курдов на середину 2015 года, а она имела четко выраженный антиисламистский подтекст.***

Сирийская оппозиция

Прежде чем приступить к краткому перечислению основных противостоящих Дамаску сил сопротивления, отметим, что на тот период времени ситуация в оппозиции характеризовалась активизацией исламистской радикализации всего нового компонента оппозиции, что произошло во многом благодаря беззубой политике Вашингтона и доминированию на площадке политического спонсирования движения сопротивления КСА и Катара. Но об этом моменте мы поговорим ниже.

На середину 2015 года безусловно доминирующей военной силой в Сирии было «Исламское государство» (ИГ). Мы не будем сейчас подробно останавливаться на истоках и причинах возникновения ИГ. Об этом говорилось уже много, и мы также внесли в это свою лепту. Обратим внимание на один факт: до 2013 года и изменения

своего названия «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) большой боевой активности не проявляло. Восстание иракских суннитов и взятие Мосула и других городов в «суннитском треугольнике» произошло уже после того, как в Сирии их «однопартийцы» создали необходимые для этого условия. Этому суннитскому восстанию в Сирии предшествовала серьезная штабная и организационная работа. И в данном случае вновь видна организующая роль Дохи. Именно ее действия с заменой в Сирии ливийцев на чеченцев-кистинцев в качестве ударной силы позволило ИГИЛ вообще закрепиться в этой стратегически важной для нее стране. Стратегически важной прежде всего потому, что Сирия необходима суннитской элите в качестве страны-транзитера контрабандной нефти в Турцию. Без этого любые восстания суннитов в Ираке не имеют никакого значения, поскольку без надлежащего финансирования ни о какой экспансии не могло быть и речи. Ну и соответствующая материально-техническая поддержка людьми и оружием идет опять же через турецкую территорию. Подчеркнем, что такая схема действий требует сноровки и соответственного стратегического мышления.

Снова возьмемся утверждать, что основными стратегами в данном случае выступали именно катарцы. Активной фазе иракского суннитского восстания предшествовала не только организационная и очень недешевая работа по созданию сирийского плацдарма, но и подготовка пропагандистского компонента. Сейчас снова обратимся к моменту замены ливийцев. Доха, безусловно, понимала, что резкий отход ливийских отрядов из Сирии не должен привести к образованию вакуума, который сразу был бы заполнен просаудовскими группами, что для катарского руководства неприемлемо. В этой связи в 2010–2011 гг. катарцами был осуществлен поиск необходимой наемной военной силы, которая смогла бы составить тот костяк сирийского филиала ИГИЛ, который был бы способен не только противостоять «чужеродным группировкам» в оп-

позиции, но и со временем объединить вокруг себя прибывающих «добровольцев».

Такой военной силой объективно стали чеченцы-кистинцы, которые на тот период времени объединились вокруг руководителя «Имарата Кавказ» Д.Умарова. Последний фактически утратил какой-либо боевой потенциал в самой Чечне, а кроме того, к тому времени уже окончательно разошелся «в идеологических воззрениях» с посланцами «Аль-Каиды». По сути, расхождения были вызваны, конечно, не идеологией, а в первую очередь, недостаточностью финансирования со стороны «Аль-Каиды» и попытками руководить банддвижением на всем Северном Кавказе. С тех пор Д.Умаров, в общем-то, ничего из себя не представлял в качестве серьезного командира и прозябал на базе в Панкиссии. Известны разовые заказы ему со стороны грузинских спецслужб, которые во времена президентства М.Саакашвили активно использовали «чеченский фактор» для проведения террористической деятельности на территории России. Последним таким известным случаем стал аэропорт Домодедово, теракт в котором был осуществлен в качестве мести за участие российской армии в южноосетинском вооруженном конфликте.

Катарцы фактически купили обанкротившуюся организацию «Имарат Кавказ», включая и сайт организации. Чеченцев начали перебрасывать через Турцию в Сирию и формировать из них собственно боевую инфраструктуру. Возглавил их зять Д.Умарова Умар аль-Шишани. Позже к ним стали примыкать чеченцы-эмигранты из Турции, а также многочисленные добровольцы как из Ирака, так и из того же Йемена. Например, стало известно, что еще в период т.н. «йеменской революции» катарцы набивали в этой стране примерно 800 человек для «работы в Катаре». Как выяснилось позднее, подавляющая часть этих «гастарбайтеров» была переправлена в Сирию, где и погибла в боях. Отметим, что на тот период времени сторонники ИГ категорически уклонялись от боев с сирийской

армией, зато вступали в ожесточенные схватки с просаудовской «Джебхат ан-Нусрой» и частично с курдским ополчением. То есть они берегли силы и накапливали их, параллельно решая задачу создания плацдарма на приграничной к Турции и Ираку территории. Если брать еще грубее, то сторонники ИГ в Сирии старались оседлать основные логистические пути из Ирака в Турцию транзитом через сирийскую территорию по течению реки Евфрат и нефтяные поля в Дейр эз-Зоре.

Собственно, на середину 2015 года основные силы ИГ и располагались примерно там же. Плюс прибавилась Пальмира. Такая тактика ввела даже западных экспертов в заблуждение, и довольно долгий период времени в их среде бытовала версия о том, что ИГ было создано сирийскими спецслужбами с целью «расколоть исламистский сегмент» сопротивления. Таким образом, обозначим 2011–2013 гг. как период накопления сил и создания необходимых условий для функционирования и финансирования своей материнской организации в виде иракского ИГ. Одновременно катарцы начали разыгрывать и палестинский фактор. Практически полностью перекупив руководство палестинского ХАМАСа и переселив уже полностью на тот момент политически обанкротившегося главу политбюро организации Х.Машаля в Доху, катарцы начали активно привлекать ХАМАС на сторону ИГ. Прежде всего это выразилось в том, что палестинские спецы из военного крыла «Бригады Иззеддина аль-Кассама» стали передавать свой богатый опыт сторонникам ИГ, особенно в области организации диверсий и минно-фугасной войны, а также строительства подземных коммуникаций и бункеров. После захвата ряда из них теми же ливанскими шиитами они вдруг с удивлением обнаружили, что бункера ИГ являются копией того, что они делали сами в Ливане, а затем обучали этому ремеслу своих палестинских братьев.

Еще одним важным достижением катарцев в рамках выстраивания своей стратегии в Сирии через усиление

ИГ стал союз с Турцией. Собственно, роспуск турками своей креатуры в виде Сирийской свободной армии (ССА) в 2013 году стал, в том числе, возможен и в результате начальных договоренностей между Дохой и Анкарой по вопросу выработки совместных действий на сирийской площадке. Логичным завершением этого «долгое время неофициального альянса» стал договор о военном сотрудничестве между Турцией и Катаром в 2015 году.

Свободная сирийская армия (ССА). Одна из крупнейших повстанческих группировок в Сирии, которая была сформирована 29 июля 2011 года. Она была создана офицерами-дезертирами сирийской армии, в основном суннитами. Одним из основателей армии был полковник ВВС Сирии Риад аль-Асаад. Благодаря его усилиям ССА координируется с сирийской Национальной коалицией. В начале войны многие военнослужащие-сунниты дезертировали и присоединились к ССА. К июню 2013 года, по разным оценкам, число сирийских военных, которые перешли на сторону ССА, было около 40 тыс., а к концу 2013 года в этой группировке насчитывалось уже 80 тыс. человек. Мы бы не стали слишком доверять этой цифре. Цифра 80 тыс. – это общее количество дезертиров из сирийской армии. В реальности же численность ССА можно к середине 2015 года оценить примерно в 10 тыс. «активных штыков», которые небольшими отрядами были разбросаны по всей стране. Остальная часть дезертиров либо примкнула к исламистским группировкам, либо в большей части просто дистанцировалась от участия в гражданской войне.

В 2013 году был взорван автомобиль Р. аль-Асаада в Дейр эз-Зоре, и он получил тяжелые ранения, был эвакуирован в Турцию и отошел от политической деятельности. В этой связи отметим, что покушение на Р. аль-Асаада можно расценивать с двух сторон. Прежде всего подчеркнем, что ССА считалось «светской» оппозиционной силой, которая являлась проектом Национальной разведывательной

организации (МИТ) Турции. В данном случае покушение на Р. аль-Асаада было совершено в момент начала жесткой конфронтации светской и радикально-исламистской части оппозиции. Сам факт покушения в этом контексте надо расценивать прежде всего с точки зрения сознательной политики Дамаска по нивелированию роли именно светской оппозиции, что и произошло в итоге, и перевести ее на рельсы монопольного доминирования исламизма. Цель в данном случае очень прозаична – поляризовать идеологическую составляющую оппозиции в абсолютно ущербном для мирового общественного мнения джихадистском ключе. То есть оставить за бортом внутрисирийского процесса силы, которые могли участвовать в процессе реформирования власти с чисто светских позиций.

И это удалось, поскольку мы сейчас воочию наблюдаем, что США и их союзники в условиях доминирования исламистов в оппозиционном движении оказались предельно лимитированы в своих действиях в Сирии и выборе там своих сторонников. С другой стороны, в этом случае Вашингтон, Анкара и западные союзники совершили очень серьезную стратегическую ошибку, отказавшись от массовой поддержки ССА, и тем самым позволили Саудовской Аравии и Катару фактически установить в оппозиции диктат радикалов. Все эти моменты привели к фактическому исчезновению ССА из активной политической жизни и минимизации ее боевого потенциала. После этого командир данной группировки Абдуала аль-Башир принял решение фактически слиться с протурецкими повстанческими группами типа «Ахрар аш-Шам».

Возвращаясь к теме ИГ в Сирии, отметим лишь, что к середине 2015 года оно играло одну из доминирующих военных ролей в движении сопротивления, и его численность на тот период времени приближалась к 15 тыс. активных боевиков. Контроль же над обширными территориями был обусловлен не большим количеством отрядов, а благодаря четкой политике руководства ИГ по вопросу предоставления

местным суннитским племенам широкой социально-экономической автономии (то есть ровно то, что отказывался делать режим Б.Асада). ИГ контролировало не только основные суннитские районы (за исключением Идлиба), но и смогло оседлать важнейшие логистические пути из Ирака в Турцию как по воде, так и сухопутным путем, и основные нефтяные поля в Дейр эз-Зоре и Пальмире. Наличие в ИГ серьезного чеченского и дагестанского фактора, безусловно, несло в себе перспективу попытки реанимации экспансии джихадизма на нашем Северном Кавказе.

Вторая знаковая оппозиционная боевая сила в Сирии на тот (да и нынешний) момент времени – **«Джебхат ан-Нусра»**, которая являлась детищем Управления общей разведки (УОР) КСА. И речь в данном случае идет не просто о материально-технической помощи с турецкой территории, но и о прямом участии саудовских разведчиков и спецназовцев в боях на стороне этой группировки. Основана 23 февраля 2013 года. За время своего участия в гражданской войне в Сирии прошла несколько этапов реорганизации в рамках усиления своего боевого потенциала и увеличения своей численности за счет дружеского или военного поглощения ряда групп сопротивления. К середине 2015 года «Джебхат ан-Нусра» приобрела репутацию самой быстрорастущей и агрессивной части вооруженной сирийской оппозиции в основном за счет массовой финансовой помощи. В частности, она приняла на себя ответственность за 57 из 70 атак террористов-смертников, совершенных за время от начала конфликта в Сирии до начала июня 2013 года. В рядах группировки воюют сирийцы, а также граждане Саудовской Аравии, Ирака, Пакистана, Ливана, Туркмении, России, Франции, Великобритании и других стран. Лидеры организации планируют в своей первичной декларации после окончания войны в Сирии атаковать Израиль. Это к вопросу о том, что Иерусалим, полагая сейчас главной угрозой для своей безопасности усиление Ирана в Сирии, фактически игно-

рирует исламистскую угрозу. Общая численность «Джебхат ан-Нусры» на середину 2015 года не превышала 10 тыс. человек. При этом группировка, в общем-то, выбрала оптимальную на тот период времени тактику действий, и именно она решила бросить все свои основные силы на установление контроля над Идлибом, который первоначально планировалось использовать как плацдарм для дальнейшей экспансии исламистов в рамках свержения режима Б.Асада. На тот момент к этой группировке в той или иной степени примыкал ряд внешне автономных оппозиционных групп. При этом заметим, что турки и катарцы также контролировали в то время несколько активных террористических групп и отрядов. Среди них надо отметить следующие формирования.

«Ахрар аш-Шам». Группа основана суннитскими политзаключенными, содержавшимися в дамасской тюрьме Седная до освобождения в рамках амнистии в мае 2011 года. В конце 2011 года «Ахрар аш-Шам» насчитывала около 25 отрядов, распределенных по Сирии. Впоследствии количество отрядов увеличилось: в июле 2012 года их было 50, а в середине января 2013 года – уже 83. Эта же цифра, в общем-то, справедлива и к середине 2015 года. Большинство штаб-квартир этих подразделений расположено в деревнях провинции Идлиб, хотя многие из них находятся в Хаме и Алеппо. Участниками активных боевых действий становятся в основном бригады (катибат) «Коуафиль аш-Шухада» («Караваны шахидов»), «Ансар уль-Хакк» («Поборники справедливости» в Хан Шейхуне, в Идлибе, «Катаиб ат-Таухид уаль-Иман» («Бригада единобожия и веры») в Мааррат ан-Нуаман, в Идлибе, «Катаиб аш-Шахбаи» («Бригады серого», серый – эпитет города Алеппо) в Алеппо, «Катаиб Хасана бин Сабата» в Дарат Азза, в Алеппо и «Катаиб Абуль-Фидаа» (Бригада «Отец искупления») в Хаме. В своем первом видеообращении «Ахрар аш-Шам» заявила о том, что ее цель – свержение правительства Асада и установление исламского государства в Сирии, однако признала, что надо учитывать сиюминутные нужды

населения. Группировка «Ахрар аш-Шам» сотрудничала со светскими оппозиционными движениями (например, с ССА), однако не поддерживала на тот момент отношения с про-саудовским сегментом оппозиции. Действия «Ахрар аш-Шам» направляются из Сирии, и в своем обращении группа подчеркивает, что она основана именно для Сирии, а не для глобального джихада.

Нуредидин аз-Зенки. Сирийская исламистская вооруженная оппозиционная группировка, которая была сформирована в конце 2011 года религиозным деятелем Шейхом Тауфиком Шахабудином на северо-западе Алеппо. Она находится только в городе Алеппо и считается одной из наиболее важных оппозиционных групп в Алеппо. Несмотря на то, что организация считалась ориентированной на Анкару, она получала финансовую поддержку и из Саудовской Аравии, а также США в 2014 году передали им ПТРК BGM-71 Tow. Данная группировка насчитывает около 4 тыс. бойцов, в основном это арабы и туркоманы, которые являются жителями Алеппо.

Сирийская туркоманская армия (СТА). Вооруженная оппозиция, которая была сформирована сирийскими туркоманами в 2012 году, чтобы бороться против сирийских правительственных сил и их союзников. Сирийская туркоманская армия связана с Сирийско-туркоманской ассамблей, которая также является частью Национальной коалиции сирийской оппозиции. Структура СТА состоит из нескольких комбинированных бригад, расположенных вокруг Латакии, Алеппо и Идлиба. СТА во главе с полковником Эбу Бекиром насчитывает около 3–4 тыс. бойцов. Турецкие спецслужбы обучают, спонсируют, а также снабжают боевиков СТА.

«Армия моджахедов» (АМ). Объединение ряда полевых командиров различных исламистских группировок, участвующих в сирийском конфликте как против правительственных войск Башара Асада, так и против другой исламистской организации – ИГ. Сформирована 2 января 2014 года для борьбы с ИГ и сирийским правительством.

Командиром «Армии моджахедов» является Мухаммед Шакерди. АМ насчитывает около 5 тыс. бойцов, действует в основном в городе Алеппо и его пригородах. Группировка пользуется военной поддержкой США и монархий Персидского залива. Так, еще в сентябре 2014 года Соединенные Штаты заявляли о готовности начать поставки оружия боевикам, выступающим против ИГ, в том же месяце 50 членов группировки прошли военную подготовку на территории Катара. 6 мая 2015 года АМ и еще 13 повстанческих группировок, действующих в пригородах Алеппо, приняли участие в совместной операции.

«Шам Легион» (ШЛ). Сирийская исламистская вооруженная оппозиция, которая была сформирована 10 марта 2014 года для борьбы с сирийским правительством и ИГ. ШЛ состоит из 19 исламских оппозиционных бригад, которые находятся в Алеппо, Хомсе и Идлибе. Главой ШЛ является Мохдер Сарас, группировка насчитывает около 5 тыс. бойцов. Она связана с сирийскими «Братьями-мусульманами», которые состоят в оппозиционной сирийской Национальной коалиции.

«Альвия аль-Фуркан». Сирийская исламистская вооруженная оппозиция, которая была сформирована в 2013 году для борьбы с сирийским правительством, но через некоторое время из-за разногласий с ней начала воевать с ИГ. Данную группировку возглавил Мухаммед Маджид аль-Хатиб, в ней насчитывается около 2 тыс. бойцов. Группировка сотрудничает с другими вооруженными оппозиционными группами и «Аль-Каидой» в Южной Сирии.

Военная оперативная обстановка в Сирии на середину 2015 года

Важными моментами, которые характеризуют оперативную обстановку в стране на середину 2015 года, были следующие. На тот период времени КСА и Турция фактически объединили свои усилия в рамках свержения режи-

ма Б.Асада, в связи с чем проводились регулярные встречи на уровне спецслужб (к ним также примыкал стратегический союзник Анкары в лице Дохи), а также была выработана фактически совместная программа поддержки «Джебхат ан-Нусры». В частности, турецкие военные присутствовали в штабах этой группировки, обеспечивая координацию усилий по захвату Идлиба.

Интересно, что на тот период времени Эр-Рияд фактически согласился с условиями катарско-турецкого альянса по инкорпорации «Братьев-мусульман» в политическую жизнь страны. Это мы к вопросу нынешних обвинений со стороны Саудовской Аравии в отношении Катара по поводу его спонсирования «глобального движения «Братьев-мусульман»». Тогда этот момент Эр-Рияд особенно не волновал, ему надо было решить задачу создания с помощью Анкары и Дохи плацдарма в Идлибе для своей экспансии во всесирийском масштабе. На этот момент обращаем внимание, поскольку он имеет самое непосредственное отношение к теме анализа оперативной обстановки в Сирии с точки зрения выработки необходимого алгоритма начала российской военной операции.

Теперь про операцию по захвату Идлиба. Она была проведена в апреле 2015 года и носила характер молниеносной операции, что было обусловлено подавляющим влиянием суннитов в этой провинции. На исламистских сайтах тогда это событие называли не иначе, как «Битвой победы». Можно выделить несколько значимых моментов этого нового наступления боевиков. Во-первых, им удалось занять ключевой город в провинции Идлиб – Джиср аш-Шугур, предварительно захватив плацдарм с юга и оседлав ряд ключевых высот на юге провинции. Это позволило им перерезать две автомагистрали с юга, включая хайвей М4. Таким образом, силы сирийской армии оказались фактически блокированными в треугольнике Фриках-Ариша-Мастамах в Идлибе. На тот момент сирийская армия еще могла снабжать заблокированные части через

узкий коридор между городами Фриках и Кардур, но большая часть этого отрезка пути является труднопроходимой. Одновременно ситуацию осложняли вылазки диверсионных групп, которые обстреливали автоколонны и устраивали минные ловушки. Положение окруженных частей серьезно облегчили подошедшие подразделения сирийской армии, переброшенные из столичного округа, которые в значительной степени сумели разблокировать логистические пути материально-технического снабжения заблокированных правительственных сил и стабилизировать ситуацию. Но при этом решение главной задачи – возвращение контроля над утраченными во время последнего по времени наступления радикалов территориями – не было достигнуто. Во-вторых, на востоке провинции Идлиб исламисты из «Джебхат ан-Нусры» захватили военный лагерь Кармид. При этом были разбиты и рассеяны в значительной степени силы сирийской армии, которые пытались контратаковать и вернуть под свой контроль единственную транспортную артерию.

Это еще больше осложнило обстановку для правительственных войск. Взятие Кармида позволило противнику занять стратегически выгодный плацдарм для развития наступления и рассечения находящихся в блокаде (т.н. «идлибском кармане») сирийских войск путем флангового охвата с южного направления и выхода к населенному пункту Ариша. В случае реализации этой тактической задачи сирийские войска, находящиеся в «идлибском кармане», испытывали бы постоянное вооруженное давление со всех сторон при дефиците боеприпасов, что предопределило бы во многом их скорую капитуляцию. Повторим, что резкое усиление наступательной активности просаудовских боевиков из «Джебхат ан-Нусры» и аффилированных с ней террористических групп стало прямым следствием достижения между Эр-Риядом и Анкарой тайного соглашения о поддержке Турцией тыловых баз боевиков непосредственно на турецкой территории и обеспечении их перехода через турецко-сирийскую гра-

ницу. Это привело к численному превосходству исламистов на конкретном участке фронта и позволило маневрировать силами и средствами. Эксперты также указывают на то, что в рамках саудовско-турецкого сотрудничества подразумевалась координация усилий в области снабжения отрядов исламистов оружием и боеприпасами, тренировка и оказание поддержки в планировании наступательных операций. Поставки вооружения и тренинг осуществлялись саудовцами, Анкара в данном случае только оказывала логистическую и штабную поддержку.

В этой ситуации примечательна позиция Вашингтона, который отказался участвовать в совместных усилиях по поддержке «Джебхат ан-Нусры», по-прежнему квалифицируя ее как «террористическую группу». При этом, однако, никаких резких шагов по пресечению такой поддержки со стороны Анкары и Эр-Рияда от Белого дома не последовало. Это было обусловлено прежде всего стратегическим замыслом американцев, которые стремились постоянно подавлять Дамаск «исламистскими руками», не давая ему возможности достигнуть конечного замысла по искоренению основного сегмента сопротивления в лице исламистов. Но одновременно в Вашингтоне были не заинтересованы и в окончательном падении режима Башара Асада, справедливо полагая, что в таком случае Сирия превратится в еще один оплот радикального исламизма с трудно предсказуемыми последствиями. В частности, ЦРУ США в своем докладе о перспективах реализации такого сценария пришло к выводу, что консолидации антиасадовских сил в случае его ухода с политической арены, не последует. По оценке американской разведки, наиболее реальным вариантом развития событий при обвале сирийского режима будет «ливийский сценарий» с возникновением многочисленных фронтов и противодействием друг другу различных группировок, причем не обязательно сформированных исключительно по конфессиональному признаку. ***В частности, предсказывалось, что основной линией противодействия прак-***

тически однозначно будет противостояние между «идеологически однородными» «Исламским государством» (ИГ) и «Джебхат ан-Нусрой» в силу просто кардинально разноречивых устремлений на сирийском направлении КСА и связи Катар-Турция. Такой сценарий сам по себе представлял серьезный вызов системе стабильности в регионе. Аналогичной оценки, в принципе, придерживались аналитики силовых структур Израиля и Иордании.

Анкара, несмотря на все призывы к свержению режима Б.Асада, уже в то время начинала испытывать все большее беспокойство по поводу перспектив развития ситуации после его ухода. В частности, турецкие исламисты высказывали серьезные опасения по вопросу будущего сосуществования с сирийскими «единомышленниками», которые придерживаются ярко выраженной салафитской идеологии. Эта тема уже тогда активно обсуждалась в ближнем круге президента Турции Р.Т.Эрдогана и руководстве правящей Партии развития и справедливости (ПСР) с целью выработки оптимального алгоритма действий, который позволил бы избежать резкого усиления салафитского сегмента сирийской оппозиции. Учитывался и фактор усиления в самой Турции основных оппонентов правящей партии в лице «светских партий», которые практически однозначно консолидируются в связи с возникновением «салафитской угрозы» в соседней Сирии. Обратим внимание на вышеприведенные оценки. Они практически полностью совпадали с оценками российских военных аналитиков.

То есть ситуация со взятием Идлиба четко указывала на ясную перспективу реализации вышеприведенного сценария развития событий и превращения Сирии в исламистский анклав с последующей обязательной экспансией исламистов в соседние страны. При этом, несмотря на глубинные противоречия, Анкара, Доха и Эр-Рияд действовали в тот период времени скоординированно, в том числе и

в рамках синхронизации действий подконтрольных себе террористических групп в лице прежде всего ИГ и «Джебхат ан-Нусры» соответственно.

Между тем май 2015 года только подтвердил развитие ситуации в Сирии по самому плохому варианту. Правительственные вооруженные силы явно испытывали серьезные проблемы с количеством боеспособных подразделений для ведения эффективных действий против наступающих частей исламистов из «Джебхат ан-Нусры» и «Исламского государства» (ИГ). Их негласный альянс, позволивший оппозиционерам разделить зоны ответственности и, соответственно, растянуть оборону сирийской армии, стал для Дамаска и Тегерана неприятной неожиданностью. В условиях крайнего дефицита боеспособных частей Дамаск был вынужден выравнивать линию фронта, оставляя «второстепенные» участки и концентрируя свои силы на защите основных направлений. После падения Идлиба сирийская армия во многом сознательно уклонилась от продолжения противостояния в этой провинции и вывела оттуда свои части для прикрытия Латакии, Алеппо, Дамаска и Хомса. Сделано это было и в связи с тем, что дальнейший после Идлиба удар оппозиция планировала нанести на вотчину алавитов Латакию, а не Дамаск, что в случае реализации фактически означало ликвидацию естественной точки опоры для режима Б.Асада. На тот момент в Идлибе правительственные силы контролировали лишь один небольшой анклав, который сирийские военные просто не успели покинуть и теперь вынуждены были действовать в котле, получая помощь только с помощью воздушного моста.

На юге страны самым негативным образом на развитии ситуации сказалась потеря ключевого логистического узла Пальмиры, который перешел под контроль ИГ. Это фактически отрезало Дамаск от основных каналов материально-технического снабжения из Ирака, что являлось для режима Б.Асада принципиально важным. В этой ситуации констатируем, что сирийская армия утратила

на тот период стратегическую инициативу, и основной задачей для нее являлось принятие мер по стабилизации положения. Снова отметим, что основными элементами сдерживания исламистов из «Джебхат ан-Нусры» и ИГ были только авиация и тяжелая артиллерия с рейдами локального значения. Следует также отметить и тот момент, что где-то в подсознании у представителей алавитской верхушки уже тогда созрело представление о том, что в случае дальнейшего негативного развития ситуации им придется покинуть большинство крупных городов Сирии и сосредоточить свои усилия исключительно на местах компактного проживания алавитской общины страны, таких как Дамаск и Латакия. ***Таким образом, Сирии грозила участь Ирака с фактическим распадом на несколько частей и перманентным вооруженным противостоянием.***

Позиции основных международных игроков по сирийскому досье на середину 2015 года

По поводу позиции основных международных игроков на сирийском направлении для нашего исследования отметим в первую очередь стратегию США. С этой точки зрения очень знаковыми нам кажутся итоги специального слушания Палаты представителей Конгресса США именно в середине 2015 года. Оно было связано как раз с невнятной и явно выжидательной позицией Белого дома в отношении угрозы со стороны ИГ. На указанном совещании присутствовали специальный представитель анти-ИГ коалиции из Государственного департамента США Джон Аллен и два представителя из Министерства обороны – Майкл Фантини и Грег Олсен. Основной вопрос, по мнению председателя Эдварда Ройса, заключался в возможности применения военной силы, о чем администрация неоднократно просила Конгресс. Однако подобное решение невозможно было принять без предварительного

взвешивания всех аргументов «за» и «против». В то же время следовало учитывать общественное мнение и проблему финансирования какой-либо военной операции против террористов.

«Цели ИГ совершенно очевидны: разрушить всех и вся на своем пути, создать халифат и распространить его влияние на соседние территории. Созданная коалиция ведет активную борьбу с данной группировкой, но успехи весьма скудны. Мирное население по-прежнему гибнет, террористы из ИГ продолжают захватывать новые территории, иракская армия и курды все еще остро нуждаются в обмундировании и оружии, усиливается раскол между суннитами и шиитами в регионе. Многие из этих вещей неизвестны обычным людям, многие не понимают всей сложности ситуации, и это нужно исправить», – заявил Эдвард Ройс. Он также сделал акцент на внутривнутриполитической проблеме Ирака и влиянии Ирана на иракские политические институты, что неразрывно связано с вопросом стабильности в регионе. «Любое промедление ведет к уменьшению доверия к действиям США среди американских союзников по коалиции, а также дает ИГ больше возможностей для экспансии», – добавил Э.Ройс.

Специальный представитель анти-ИГ коалиции из Государственного департамента США Джон Аллен начал свое выступление с подведения итогов действий коалиции на текущий момент: было нанесено более 3000 авиаударов по позициям боевиков ИГ, в результате которых были уничтожены некоторые из ключевых командиров группировки, инфраструктура и тренировочные лагеря террористов. В целом с момента начала кампании против ИГ группировка потеряла до четверти захваченных территорий в Ираке. Однако, по словам Джона Аллена, в случае Сирии говорить об успехах куда сложнее. США «продолжают работать совместно с региональными партнерами, обучать и всячески поддерживать умеренную сирийскую оппозицию, которая в свою очередь достигла относительных успехов в борьбе с ИГ, а благодаря авиаударам коа-

лиции свобода перемещения и военные возможности ИГ стали носить ограниченный характер. В Ираке авиация коалиции помогает иракской армии проводить операции по ликвидации террористов ИГ». Специальный представитель анти-ИГ коалиции считал, что в настоящий момент необходимо обеспечить освобожденные от ИГ территории надежным контролем, поскольку военные должны двигаться дальше, а оставлять местность без контроля полиции или специальных сил нельзя. Более того, население данных областей нуждается в защите и помощи, а во многих случаях речь идет и о восстановлении разрушенного жилья и базовой инфраструктуры.

«Для успешной стабилизации ситуации необходимо, чтобы во время военных операций соблюдались принципы честности, равной ответственности перед законом. Мы восхищаемся иракскими лидерами, которые призвали к защите мирного населения, недопущению случаев вандализма и насилия. Этот призыв также включал необходимость защиты школ, больниц, библиотек и музеев. Мы считаем, что подобные меры положили начало процессу объединения Ирака и выстраиванию доверительных отношений между различными сообществами внутри страны», – заявил Дж.Аллен. «Безусловно, подобные меры могут быть успешно реализованы лишь в случае тесного сотрудничества между правительством, военными и гражданским обществом. Мы также знаем, что меры по стабилизации требуют значительных ресурсов. Мы, как коалиция, продолжим всячески помогать Ираку, хотя у нас нет необходимых ресурсов для удовлетворения всех нужд Ирака. В то же время мы уверены, что сами по себе деньги, будь они выделены США, правительством Ирака или какой-либо организацией, не способны решить имеющиеся проблемы без предварительного планирования и выстраивания приоритетов», – добавил он. «В настоящее время партнеры США по коалиции прилагают все усилия для того, чтобы остановить рекрутирование террористами ИГ граждан соседних государств за счет ужесточения по-

граничного контроля, обмена информацией между службами безопасности и проведения реформ в правовой сфере», – добавил он. По мнению Дж.Аллена, необходимо продолжать работу в данной сфере, что поможет отследить наемников на пути в Сирию и Ирак, а обмен информацией между спецслужбами поможет перекрыть пути финансирования ИГ. Если говорить о финансировании, то в последнее время коалиции удалось заблокировать часть банковских счетов ИГ, перекрыть поток частного финансирования и ограничить возможности ИГ получать доход от продажи нефти.

Наиболее важной задачей на тот момент, по оценке выступавшего, являлось противодействие информационной пропаганде ИГ. В феврале 2015 года президент США Барак Обама объявил о создании специального центра, отслеживающего информационное поле на предмет пропагандистской деятельности ИГ. США совместно со своими партнерами по коалиции также поддержали инициативы ООН по снабжению продуктами и предметами первой необходимости населения в пострадавших от террористов зонах. Дж.Аллен подчеркнул, что единственный способ помочь населению Сирии и Ирака – ослабить, а затем уничтожить ИГ как в военном, так и в идеологическом плане. Безусловно, это займет несколько лет. Президент Б.Обама обратился в Конгресс с просьбой разрешить применение военной силы против ИГ, что, по его мнению, является единственным адекватным ответом на агрессию со стороны данной группировки. «Мир должен увидеть, что мы едины в стремлении одержать победу над ИГ. США особенно сильны как государство, когда администрация и Конгресс едины в таких вопросах, как применение военной силы. Более того, борьба с ИГ будет более эффективной, если администрация согласует свою тактику с Конгрессом», – подытожил Дж.Аллен.

Представитель Министерства обороны Майкл Фантини подтвердил слова Дж.Аллена касательно того, что американская стратегия противодействия ИГ представля-

ет собой комплекс различных мер, реализуемых непосредственно правительством США при поддержке их союзников по коалиции. По его словам, перед США стоит несколько важных задач: во-первых, ликвидировать районы, контролируемые террористами, во-вторых, способствовать укреплению позиций правительства Ирака и сил иракской армии, в-третьих, обучить и предоставить необходимые ресурсы умеренной сирийской оппозиции.

«Коалиции удалось остановить продвижение ИГ, лишив его преимущества на поле боя. Благодаря авиаударам удалось уничтожить ряд военных командиров ИГ, склады и транспортные средства. Были нарушены линии продовольственных и оружейных поставок, перекрыты финансовые потоки. В целом позиции ИГ в Ираке значительно ослабли», – заявил М.Фантини. «Однако США остро нуждаются в союзниках в лице региональных государств, поэтому Вашингтон заинтересован в укреплении позиций иракского правительства и армии, а также в поддержке бойцов курдской пешмерга. В Сирии же необходимо сначала создать ту силу, на которую можно опираться. В связи с этим Вашингтон прилагает все усилия для того, чтобы подготовить умеренную сирийскую оппозицию для борьбы с ИГ и для дальнейшего управления страной. Программа поддержки и тренировки умеренной оппозиции в Сирии была, в частности, поддержана такими региональными державами, как Саудовская Аравия, Катар и Турция», – добавил он.

Одним из наиболее острых вопросов, возникших у конгрессменов, был следующий: насколько большим должно быть вмешательство США в дела региона, и каким образом должно соотноситься участие США и региональных государств в операциях против ИГ. По словам приглашенных докладчиков, основную роль в операциях должны играть страны региона, а задача США – помочь и обучить региональные силы. Дж.Аллен отметил, что действия США должны носить вспомогательный характер, но

само американское вмешательство необходимо в любом случае. При этом ряд конгрессменов высказал мнение, что администрация скорее заинтересована в том, чтобы сохранить целостность Ирака, нежели в уничтожении террористов ИГ. **Более того, некоторые даже отметили, что Ирак – это искусственно созданное государство, где слишком много внутренних противоречий, и поэтому не стоит пытаться сохранить его целостность.**

Еще одним важным вопросом являлись взаимоотношения между суннитами, шиитами и курдами в Ираке. По мнению конгрессменов, ситуация усложняется с каждым днем, учитывая, что боевики-шииты уничтожают суннитов на территориях, отвоеванных у ИГ, что в свою очередь делает ИГ в глазах суннитов единственным их защитником. Иракские власти неоднократно призывали к поддержанию порядка и отказу от насилия, однако это не помогло. Более того, по словам представителей Министерства обороны США, часть суннитов считает, что ИГ может быть отличной альтернативой нынешнему правительству Ирака.

Если говорить о влиянии Ирана на Ирак, то Дж.Аллен заявил, что не видит в этом никакой угрозы, т.к. Ирак и Иран – это слишком разные страны, и Тегеран не сможет оказать влияние и привлечь на свою сторону значительное число иракцев. Заключительный вопрос касался бюджета, необходимого для ведения военных операций против ИГ в ближайшие 2–3 года. Конгрессмены, в частности, И.Рос-Лейтинен, поинтересовались, хватит ли, по мнению представителей Министерства обороны, у США финансовых средств для войны в Ираке. Генерал Грег Олсен ответил, что в настоящее время выделенных средств вполне хватает на проведение всех запланированных операций, и в ближайшее время значительного увеличения бюджета не потребуется.

Таким образом, летом 2015 года Вашингтон пришел примерно к следующему итогу своей политики на сирий-

ском направлении. Белый дом при активной лоббистской деятельности ЦРУ и Пентагона сумел добиться от Эр-Рияда смещения самого главного своего антагониста в лице бывшего руководителя Управления общей разведки (УОР) КСА принца Бандара, являвшегося основным локомотивом накачивания вооруженного сегмента сирийского сопротивления откровенными исламистами. Такая позиция Вашингтон, безусловно, не устраивала, вне зависимости от его отношения к Б.Асаду. При этом американцы не имели никакой внятной альтернативы. Сирийская свободная армия (ССА), считавшаяся условно «светской» и создававшаяся при прямой финансовой и организационной поддержке Анкары, ими в качестве таковой не учитывалась. Формально – по причине «слабой поддержки среди сирийского населения», реально – в силу того, что руководство США категорически было не готово признавать ведущую роль Анкары (читай – ярого антагониста Б.Обамы в лице турецкого лидера Р.Т.Эрдогана) на сирийском направлении. Широко объявленные планы создания совершенно нового вооруженного отряда сирийской оппозиции администрация Б.Обамы озвучила еще осенью 2014 года, но до реального воплощения этих планов в жизнь дело так и не дошло.

Опять же их осуществление тормозилось по причине скрытой оппозиции таким планам со стороны Эр-Рияда и Анкары, которых категорически не устраивал предложенный американцами формат и требования к членам будущего вооруженного формирования. В частности, Турция решительно противилась намерению американцев привлечь в ряды вновь сформированных отрядов вооруженной оппозиции курдов, которые связаны в той или иной степени с Рабочей партией Курдистана (РПК). В Эр-Рияде, естественно, были недовольны тем, что американцы оставляли «за бортом» лиц, связанных с просаудовскими исламистскими группировками, прежде всего «Джебхат ан-Нусрой». **Отсюда последовали совершенно разрозненные действия союзников**

по антиасадовской коалиции в конце 2014 года и начале 2015 года. Видимым результатом таких разногласий стала история блокады курдского анклава Кобани на приграничной к Турции сирийской территории. Анкара в данной ситуации решила руками исламистов максимально ослабить нелояльных им курдов и фактически блокировала поступление обороняющимся боеприпасов и добровольцев. США же наоборот пошли на фактический союз с Ираном и организовали совместно с ним воздушный мост для поддержки курдов. Одновременно они начали жестко прессинговать Анкару на предмет организации логистического коридора через турецкую территорию с целью переброски в Кобани подразделений отрядов пешмерга из Иракского Курдистана. В ответ Турция демонстративно объявила о создании альтернативных от контролю ЦРУ США лагерей по подготовке боевиков на турецкой территории.

В этой ситуации говорить о реальном создании какой-либо внятной военной силы, способной на равных, как минимум, противостоять исламистам из «Джебхат ан-Нусры» и ИГ, уже не приходилось. По крайней мере, в среднесрочной перспективе: для этого не было ни экономических, ни политических предпосылок. Теперь об основных итогах вышеприведенного слушания в Конгрессе США. Из него можно сделать только один вывод. Американцы в то время прекрасно осознавали реальное положение дел. При этом никакой внятной политики противодействия ИГ ни в Ираке, ни тем более в Сирии (заметим, что сирийская тема вообще упоминается в процессе этих слушаний исключительно факультативно) на тот момент не проводилось. Была политика нейтралитета с явным креном в пользу усиления оппозиции режиму Б.Асада. В том числе и ее исламистского крыла. Если мы вспомним почти миллиардную по стоимости программу по подготовке т. н. «умеренной сирийской оппозиции», то вновь повторим ее основные контуры. Американцы потратили такую сумму денег официально практически впустую, под-

готовив за время ее действия несколько десятков оппозиционеров, которые после переправки их в Сирию практически в полном составе перешли на сторону «Джебхат ан-Нусры» вместе с переданным им вооружением.

В этой связи, зная о трепетном отношении американского Конгресса к бюджетным средствам, целесообразно сделать вывод о том, что вся эта программа была реализована исключительно для прикрытия тайных операций ЦРУ по передаче вооружения радикальной исламистской оппозиции. Открыто сделать это США не могли в связи с весомыми репутационными рисками. Но иной влиятельной и общесирийской силы, которая могла бы свергнуть Б.Асада сугубо насильственными действиями, на тот момент просто не было. Курды в силу своей локальной зоны ответственности, которая была ограничена исключительно территорией их компактного проживания, на эту роль просто не подходили. И нынешний локальный фронт их действий под эгидой американцев это лишний раз доказывает. При этом надо учитывать тот момент, что Б.Обама был ярым противником всяческого прямого участия США в любого рода локальных конфликтах.

В этой связи любопытно мнение по этому поводу и вообще по вопросу эффективности ближневосточной политики Б.Обамы, которое дал вскоре после своей отставки директор Центрального разведывательного управления (ЦРУ) Джон Бреннан в интервью телекомпании Си-Эн-Эн. «Я считаю, что в Вашингтоне, в том числе среди ряда представителей администрации, имелись нереалистические ожидания, что «арабская весна» выжмет авторитарные режимы, а демократия расцветет только потому, что народы желают этого», – скептически заметил Дж.Бреннан, говоря о волне акций протеста, прокатившейся по арабскому миру в 2011 году и повлекшей за собой смену власти в Тунисе, Египте и Йемене, гражданские войны в Ливии и Сирии, массовые демонстрации в Алжире, Ираке, Марокко, Омане и других странах. Вместо этого оказалось, что на самом деле там хотят «свободы для

себя, своего племени или группы». «Концепция демократии по-настоящему не привилась у многих народов и во многих культурах», – посетовал директор ЦРУ. Специалист по Ближнему Востоку Дж.Бреннан, который долгое время проработал в посольской резидентуре ЦРУ в Эр-Рияде, не мог не знать того, что он говорит сейчас. Но для нас слова уже бывшего директора ЦРУ ценны в другом аспекте. Он фактически впервые и четко обозначил основные мотивы действий американской администрации на внешнеполитическом треке применительно к «арабской весне». Это совсем не теория «управляемого хаоса». Вообще хаосом невозможно управлять, поскольку природа этого явления неуправляема, поэтому он так и называется. То, что в течение восьми лет делали Б.Обама, Х.Клинтон и толпа воинствующих теток-демократок в ООН и Госдепартаменте США, мы бы назвали «демократическим идиотизмом». Его отличает крайний цинизм, простота суждений по принципу «черное-белое» и святая уверенность в том, что все люди принадлежат к одной цивилизационной стране.

Вот именно этим объясняется полное пренебрежение со стороны Белого дома к судьбе своих союзников в лице престарелых диктаторов, которых свергали в период «арабской весны». При этом американцы совершенно упускали из виду два момента. Первый – такая политика, безусловно, вредила имиджу США «как страны, которая может и должна защищать своих союзников». Это разочарование сейчас, по итогам правления Б.Обамы, конечно же, сидит на подкорке практически у всех монархов и президентов на Ближнем Востоке. Обратим внимание в этой связи на противоположную тактику Москвы, которая на примере Сирии (да и не только там), очень четко продемонстрировала, что «русские своих не бросают».

Для стран «третьего мира» такая позиция крайне важна и принципиальна. Раз надеяться на Вашингтон в вопросах сохранения гарантий своей безопасности более нельзя, значит ближневосточные лидеры начинают

выстраивать такую систему сами, безусловно имея в виду обладание ядерным и ракетным оружием. Про такой аспект внешней политики нынешней администрации, как неформальный толчок ближневосточной гонке вооружений уже в сфере ядерного и ракетного оружия, а также самых совершенных технологий, включая спутниковое наведение на цель, Дж.Бреннан забыл упомянуть. Еще он забыл сказать о втором аспекте: Вашингтон рассматривал в рамках своего «демократического эксперимента», в котором американцы были наблюдателями, но не архитекторами, массовый приход к власти «Братьев-мусульман» как естественный компонент развития стран Ближнего Востока. В недрах Госдепартамента США родилась даже соответствующая концепция, которая подразумевала опору именно на это глобальное движение в рамках сохранения регионального американского влияния. И когда эта концепция нарушалась, как, например, в Египте, американцы, безусловно, осуждали военных и военный переворот и накладывали эмбарго на военное сотрудничество с Каиром. При этом никто в Госдепартаменте США почему-то не задумался, что, например, во всех арабских монархиях (кроме Катара) «Братьев-мусульман» полагают угрозой своей национальной безопасности не меньше, чем в Иране. То есть одним движением Вашингтон взял и понизил градус доверия к себе в глазах монархий Персидского залива до совсем неприличного предела.

Итог политики Б.Обамы на Ближнем Востоке ужасен для него репутационно. Сложно найти ближневосточного лидера, с которым бы у уходящего президента США были реально доверительные отношения. Политика – это ситуационный компромисс со своей совестью ради глобального выигрыша, а не публичные лекции правозащитных НПО. Последним легко, они ни за что не отвечают. Президент и его разведка отвечают за выстраивание долгосрочной линии поведения с подсчетом всех рисков и битв в пути. В этом аспекте роль ЦРУ США не проглядывается.

Обратим внимание еще на одно высказывание Дж.Бреннана. Он выразил мнение, что вывод американских войск из Ирака стал не первопричиной, а одним из факторов, содействовавших появлению террористической группировки «Исламское государство». «Я не думаю, что это было причиной. Я думаю, что это был фактор, содействовавший тому, что произошло. Потому что нас там уже не было, мы не могли продолжать военную подготовку, инструктажи и помощь», – пояснил Дж.Бреннан. «Выбрали бы мы такой же курс, если бы мы знали наперед, на что способно ИГ в плане взрывного размножения в Ираке и доминирования потом в Сирии? Возможно, нет», – признал он. Директор ЦРУ также допустил вероятность иного сценария событий в Сирии в случае оказания более активной поддержки вооруженной сирийской оппозиции на первом этапе. «Возможно. В то время сирийский режим шатался и был более уязвим», – пояснил он. «Но слепая поддержка оппозиции и переброска оружия в Сирию могли привести к худшему исходу, чем сейчас», – добавил Дж.Бреннан.

В данном случае поправим директора ЦРУ. Присутствие американских войск никоим образом не влияло на возникновение ИГ, поскольку это явление совершенно иного системного порядка. ИГ – это квинтэссенция суннитского недовольства по поводу блокирования всех попыток инкорпорирования в политическую и экономическую элиту Ирака, а затем уже экспансия в Сирию как средство для организации необходимого транспортного и логистического коридора. И ошибка американцев в данном случае – это не «недостаточный тренинг местных войск», а неспособность в нужном ключе надавить на шиитов и курдов с целью создания в Ираке новой системы сдержек и противовесов. В Сирии американцы из-за личных амбиций и обид президента Б.Обамы на турецкого коллегу пропустили момент, когда можно было запустить процесс создания реальной светской вооруженной оппозиции. Вместо этого они фактически добровольно отдали эту «площадку» на откуп радикалам и исламистам.

В этой связи созрела единственная возможная на тот момент политика США на сирийском направлении. **Она замыкалась на следующие моменты. США выступали за безусловное смещение Б.Асада, пусть и руками имеющейся оппозиции, в которой в тот период уже доминировали откровенные исламисты самого радикального разлива. При этом Белый дом выступал за безусловный нейтралитет во всей этой истории, практически просто демонстрируя некую борьбу с ИГ, но фактически ничего не делая по сути. Вашингтон просто сознательно вел дело к превращению Сирии в еще один очаг хаоса и оплот самых радикальных сил с фактическим распадом этой страны. В рамках такой стратегии США сознательно или нет, но упустили момент для создания действительно светской оппозиции. Безусловно, по причине того, что это требовало исключительного напряжения финансовых и организационных усилий. Но и также по причине сложных межличностных отношений между Б.Обамой и президентом Турции Р.Эрдоганом. В этой связи американцы отказались от поддержки единственного механизма для создания такой светской оппозиции в лице ССА просто в силу нахождения ее под влиянием Анкары.**

Что же касается позиции КСА, Турции и Катара, то в условиях фактического дистанцирования Вашингтона от активного участия в сирийском досье (в том числе и в рамках отказа от массированных поставок оружия оппозиции и создания «бесполетных зон»), то они образовали временный альянс и координировали свою политику в рамках работы с оппозицией в полной мере. При этом им удалось фактически установить доминирование именно радикально-исламистского компонента в движении сопротивления, что предопределило идеологический характер будущего режима в Сирии. Но в этой связи очень важно отметить следующее. Альянс КСА, с одной стороны, и связки Турция-Катар, с другой, безусловно, носил

ситуативный характер и определялся только моментом необходимости свержения Б.Асада. Мы уже отмечали и повторим, что идеологические устремления этих временных союзников были разновекторными.

Эр-Рияд открыто ставил на подконтрольный себе салафитский сегмент сопротивления, Анкара и Доха в качестве будущего Сирии видели в одной ее части безусловное политическое и военное доминирование ИГ, что открывало им контроль над логистическими путями экспорта углеводородов из «суннитского треугольника» в Ираке, а в другой – полное политическое доминирование сирийских «Братьев-мусульман». В этой связи напомним, что «Братья-мусульмане» наряду с Ираном полагаются в Саудовской Аравии главным вызовом национальной безопасности королевства. ***Это означало, что альянс между этими силами и соответственно подконтрольными им оппозиционными группировками является временным, и его разрыв обусловлен только вопросами перспектив политического и военного выживания режима Б.Асада. Осознание бесперспективности военного свержения режима в Дамаске являлось той самой миной под этот союз, что мы воочию и увидели и видим в 2017 году. Этот процесс начался сразу же после входа российских войск в Сирию, а закончился после взятия Восточного Алеппо. Последний момент был вообще в большей части важен и принципиален именно по этой причине наряду, конечно, с чисто военным компонентом этой операции. То есть в среде зарубежных спонсоров не было ни единства и монолитности, ни общей долгоиграющей стратегии, что исключало создание единого фронта сопротивления после начала российской военной операции в Сирии. Как это было в том же Афганистане в период советского присутствия. В этом одно из кардинальных отличий афганской ситуации от нынешней сирийской.***

Таким образом, сделаем несколько главных выводов, которые российское политическое и военное руководство учитывало при принятии своего решения по направлению в Сирию российской группы ВКС. Эти выводы, безусловно, во многом являются универсальными с точки зрения целесообразности принятия решения о формате и участии в том или ином локальном конфликте.

1. Общая военная обстановка с учетом боевого потенциала правительственных войск и способностью уверенно контролировать ситуацию, а также проблемы военного строительства и состояния этих вооруженных сил. В случае с сирийским вариантом налицо была основная проблема: жесткий дефицит правительственных сухопутных сил из-за их традиционного конфессионального деления. В этих условиях единственным вариантом поддержания паритета сил, как минимум, было резкое усиление формата огневой поддержки военного присутствия российской группы, и объективно этим форматом стал резко выраженный вариант усиления группировки ВКС в рамках предоставления сирийской армии достаточных гарантий воздушной поддержки. Одновременно авиация (а затем и силы ВМФ) была тем самым механизмом, который стал базисом восстановления наступательного потенциала сирийской армии и ее иностранных союзников. Кроме того, именно авиация и силы ВМФ были в состоянии дистанционно разрушить или, по крайней мере, самым серьезным образом развалить и дестабилизировать тыловую и оборонительную инфраструктуру противника. То есть был не просто восстановлен «статус-кво», который существовал перед активной фазой боевых действий и на их первом этапе, когда сирийская авиация обеспечивала своей сухопутной армии господство в воздухе, но этот компонент теперь был качественно усилен. Только при стабилизации ситуации, для чего и был выбран этот оптимальный формат усиления авиационного компонента, можно было заниматься вопросами военного строительства сирийской армии в рам-

ках восстановления ее боеготовности и резервного потенциала, а также налаживания координации действий на фронтах сирийцев, иранцев и ливанцев.

Таким образом, была решена основная задача, которая стоит перед любым военным руководством страны, собирающейся участвовать в локальном военном конфликте – выбор оптимального формата своего участия, который смог бы обеспечить преимущество лояльной себе стороне конфликта, и в то же время минимизировал бы возможные потери. Этот первоначальный формат в дальнейшем, безусловно, дополняется и корректируется в зависимости от складывающейся оперативной ситуации, но главное в данном случае – не ошибиться в самом начале, на этапе подготовки такого входа в тот или иной конфликт. Выбор правильного варианта российского участия в сирийском конфликте практически сразу же изменил ситуацию и стабилизировал ее. Российские советники смогли приступить ко второму этапу, то есть восстановлению системы управления войсками и поднятию уровня боеготовности и численности сирийской армии. **Дефицит живой силы на фронтах при этом восполняли иранцы и ливанцы, а также подтянутые позже подразделения иракской шиитской милиции.** Этот фактор также, безусловно, учитывался при принятии решения о начале военной операции в Сирии и определения первоначального формата российского участия.

2. Вторым важным моментом является анализ соотношения сил противоборствующих сторон. В этой связи многие эксперты говорят о том, что попытка спасти правящий режим в локальных конфликтах реальна только в том случае, когда его поддержка имеется со стороны не менее 70% населения. Поэтому, мол, попытка РФ заранее была обречена на провал, поскольку более 70% мусульман Сирии составляют враждебные режиму сунниты. Посмотрим, так ли это. В этой связи важно напомнить конфессиональный состав населения Сирии, поскольку

гражданский конфликт, безусловно, носит характер межконфессиональной розни. Подавляющее большинство из 20,8 млн. жителей Сирии (по данным Фонда ООН в области народонаселения на 2011 г.) – сирийские арабы (ок. 90%). Крупнейшей по числу последователей религий в Сирии является ислам; в 2010 году мусульмане составляли 93% населения страны. Большинство сирийских мусульман – сунниты (74%), преимущественно ханафитского мазхаба. Значительное влияние в стране получило шиитское направление ислама (13%), представленное алавитами, исмаилитами и двенадцатниками. Еще около 3% населения Сирии составляют друзы, положение которых в религиозной классификации неоднозначно.

Доля христиан в 2010 году оценивалась в 5–6% населения. На протяжении всего XX века доля христиан в общем населении страны неуклонно снижалась – с 16% в начале века, к 7,8% в 2000 году. Это было связано как с более высоким естественным приростом у мусульман, так и существенной эмиграцией христиан в Северную и Южную Америку и более богатые страны Персидского залива. Численность католиков в 2010 году оценивалась в 430 тыс. человек. Большинство из них – верующие пяти восточнокатолических церквей (мелькиты, сиро-католики, марониты, армяно-католики и халдо-католики). Православные представлены Антиохийской православной церковью (260 тыс., 2010 год). Немало в стране и сторонников древних восточных церквей – Сирийской православной церкви (195 тыс.), Армянской апостольской церкви (150 тыс.) и Ассирийской церкви востока (70 тыс.). Примерно половина протестантов (40 тыс.) являются реформатами, остальные – верующие англиканских, перфекционистских, баптистских и пятидесятнических общин. В 2011 году община езидов в Сирии насчитывала 80 тыс. человек. Помимо вышеперечисленных в стране имеются весьма малочисленные группы сторонников веры бахаи, зороастрийцы и иудеи.

То есть 22% населения, как минимум, являлись убежденными противниками суннитских оппонентов Б.Асада. Вместе с курдами, которые совершенно очевидно были жесткими антагонистами исламистов, эта цифра вырастет за одну треть населения. В этой связи повторим еще один важный тезис о том, что к моменту входа российских сил в Сирию произошла полная поляризация населения по принципу – «за» или «против» исламистской модели будущего устройства страны. Речь в данном случае шла о простом физическом выживании несогласных с ней, а это самый лучший стимул. «Против», таким образом, было более трети населения.

Но и в остальной суннитской части населения единства по этому вопросу не было. Надо иметь в виду, что на протяжении всего руководства страной Хафезом Асадом и позднее его сыном Башаром в головы военных, а среди них большую часть составляли сунниты, упорно вбивался тезис о полном неприятии исламизма, и эта пропаганда, безусловно, свои плоды принесла. Очень существенная часть суннитского населения (некоторые эксперты оценивают это число в половину от всего состава этой конфессии) либо примыкала к отрядам светской оппозиции, либо фактически от войны уклонилась и в значительной своей части просто эмигрировала. Мы уже говорили, что во многом благодаря «дальновидной» политике Вашингтона произошла исламизация основного ядра сопротивления не без финансовой помощи со стороны КСА, Катара и Турции, что фактически не оставило выбора или «третьего пути» для очень значительной части суннитов. В этой связи количество членов светской ССА, которые перешли на сторону джихадистских групп не было значительным, большинство из них вообще ушли от активного участия в боях и по большей части либо вернулись к мирной жизни, либо эмигрировали. Таким образом, ядро исламистского сопротивления сумело сконцентрировать вокруг себя не более 35% от всего суннитского населения страны. То есть, грубо говоря, количество сторонников или ситуа-

тивных союзников режима в лице курдов и его противников различалось примерно на 10% соответственно.

И ровно по этой причине спонсоры сирийского сопротивления в его исламистском сегменте вынуждены были начать активную кампанию по вербовке и направлению иностранных джихадистов в лояльные себе отряды. Без этого компонента силы сопротивления просто не будут обладать достаточной степенью боевого потенциала. Это справедливо как по отношению к ИГ, так и к «Джебхат ан-Нусре». Их количество составляет в этом сегменте от 60 до 70%. **Таким образом, относительный паритет в противостоянии «на земле» был восстановлен входом лишь одной сравнительно немногочисленной группы ВКС РФ с последующим созданием перевеса на фоне фрагментации основной питательной базы сопротивления режиму в лице местной суннитской общины и консолидации антиисламистских сил вокруг существующего режима как единственной гарантии их физического выживания. Роль входа российской группировки в данном контексте помимо чисто военного аспекта важна и с точки зрения образования мощного центра силы, нейтрального по отношению ко всем участникам антиисламистского фронта, вокруг которого они и сплотились.**

3. Наличие фрагментации среди противников режима, как минимум, по линии КСА, с одной стороны, и Катара-Турции, с другой. Это выразилось и в части существования в Сирии двух полярных центров сопротивления, которые в своей пропаганде и идеологическом обосновании собственных действий использовали чисто джихадистскую риторику, но при этом боролись друг с другом за доминирование в исламистском секторе повстанческой борьбы. Несмотря на сиюминутные альянсы между этими зарубежными спонсорами, которые были продиктованы одной локальной задачей – свержением военным путем режима Б.Асада, между ними существовали глубинные и принципиальные противоречия в отно-

шении будущей политической архитектуры Сирии. Все это происходило на фоне фактического нейтралитета со стороны США, которые в ситуацию не вмешивались и тем самым упустили важный момент создания действительно эффективного аппарата своего влияния на ситуацию «на земле».

Этот момент плюс чисто джихадистский настрой основной массы вооруженной оппозиции не давал возможность США активно влиять на ситуацию после начала российской военной операции, в том числе и путем использования «афганских схем» в рамках массированных поставок антиасадовским силам современных средств ПЗРК. В данном случае существовали и существуют серьезные репутационные риски с одновременной потенциальной угрозой силам ВВС американской коалиции. Локальные же поставки ПТРК ситуацию в корне не решали. **Таким образом, вводом российской группировки ВКС решалась задача стимулирования дальнейшего размежевания временного альянса зарубежных спонсоров в силу формирования у них четкого понимания невозможности реализации сценария силового свержения Б.Асада и стимулирования их тем самым на поиски мирного решения выхода из кризиса. Таким образом разрушалась единственная мощная скрепа, которая обеспечивала временный союз между ними.**

4. Еще одним важным обстоятельством, которое необходимо учитывать при входе в тот или иной локальный конфликт, является ментальность местного населения страны. В случае с Сирией надо, безусловно, отметить, во-первых, традиционно хорошее отношение сирийцев к русским, вне зависимости от конфессиональной принадлежности. А во-вторых, левантийские арабы не являются традиционно воинственными. Если проще, то они, скорее, купцы, чем воины. То есть в данном случае мы имеем совершенно иной вариант внутреннего менталитета населения, нежели в тех же Афганистане или Чечне. Для сирийцев это более чем типично. По неглас-

ной классификации самих арабов, сирийцы, в общем-то, это лучшие торговцы и рестораторы, а вот самыми жестокими и воинственными считаются иракцы и алжирцы вкупе с йеменцами. Арабы по своему складу не настроены на долгий конфликт, это некомфортная для них среда. Они в этом плане скорее спринтеры, чем стайеры. Они очень быстро «устают» от войны, что, в принципе, мы сейчас и наблюдаем. ***И этот фактор являлся одним из важных, с точки зрения оценки долговременности конфликта, или вернее – внутренней готовности основной массы населения к такому сценарию.***

Глава 2.

СЦЕНАРИЙ ДЕЙСТВИЙ РОССИИ В СИРИИ НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ

В связи с вводом российской группы ВКС в Сирию ситуация там кардинальным образом поменялась. Мы договаривались не рассматривать подробно чисто военный аспект этой операции, сделав акцент прежде всего на анализе политических рецептов решения проблемы. Тем не менее отметим, что присутствие российской авиации сняло проблему дефицита воздушной поддержки сирийских войск и их союзников. При этом до серьезных наступательных операций дело на первом этапе российского присутствия не дошло: необходимо было сначала провести ревизию боевого потенциала сирийской армии и определить пути налаживания координации между сирийцами и их союзниками в лице иранцев и ливанской «Хизбаллы».

Отметим, что в данном контексте в отношениях между ними было далеко не все гладко. В сирийской армии в то время еще в основном была у власти старая плеяда генералов и офицеров старшего звена, которые столкнулись на примере действий того же ИГ с необычной для них системой гибридной войны, которая отличалась большой гибкостью и новой моделью нанесения отвлекающих ударов, что при общем дефиците сухопутных сил растягивало фронт и не давало возможности военным сконцентрировать силы на каком-то одном или двух принципиальных участках. Фактически отсутствовал единый штаб, о качестве работы которого надо говорить отдельно. Иранское командование было представлено в основном выходцами из КСИР, которые традиционно

подозрительно относились к регулярной армии. На фоне негативной ситуации на фронте начались взаимные упреки, которые концентрировались главным образом вокруг одной темы: обвинения в обоюдной трусости на поле боя. Бензин в костер взаимного недоверия подливала инициатива командующего иранским экспедиционным корпусом и ливанскими шиитами в Сирии, возглавлявшего элитное подразделение «Кудс» КСИР генерала К.Сулеймани о необходимости трансформации регулярной армии Сирии в иррегулярные формирования наподобие ливанской «Хизбаллы», что практически весь сирийский генералитет во главе с братом президента Махером Асадом принял в штыки. Они подозревали, что таким образом Тегеран планирует отправить на политическую периферию значительную часть военной элиты алавитов с установлением полного контроля над вооруженными силами. Кстати, К.Сулеймани до сих пор не успокоился со своими планами реорганизации армии и постоянно эту тему будирует. Правда, сейчас он отошел от своей прежней концепции отказа в полной мере от обычной армии и предложил сирийским военным некоторый гибридный вариант. В дополнение к классической армии иранец предлагает создать аналог сирийского КСИР плюс некое широкое народное шиитское ополчение по типу иранского Басиджа. Эти структуры должны быть полностью автономны от военного командования, но при этом иметь статус «составной части вооруженных сил».

Это, кстати, практически полностью противоречит позиции Москвы по этому поводу. По оценкам Министерства обороны РФ, классическую армию в Сирии, безусловно, необходимо сохранить с ее поступательной модернизацией. Также предлагается создать несколько ударных элитных подразделений в рамках сил быстрого реагирования. Это, конечно же, актуально с учетом тактики того же ИГ в Сирии и Ираке, которое очень уверенно маневрировало силами и средствами, нанося отвлекающие удары в разных частях страны. По планам российских военных,

большую часть охранных функций основных объектов социально-экономической инфраструктуры (ТЭС, ГЭС, нефтяные поля, склады и арсеналы и т.п.) при этом должны на себя взять частные охранные компании (ЧВК). **Вообще сирийская кампания знаменательна по-своему тем, что российское военное руководство впервые стало активно использовать этот очень важный компонент в лице ЧВК в рамках локальных конфликтов. Прежде всего с точки зрения высвобождения сухопутных сил для решения более актуальных военных задач. И к чести российского военного командования эта задача стала реализовываться на практике в предельно сжатые сроки, особенно учитывая факт несовершенного российского законодательства в этой области.**

Но мы затронули эту тему в связи с тем, что хотели подчеркнуть скрепляющий момент самого факта ввода российской группы в Сирию в рамках нивелирования негативного воздействия на ситуацию с точки зрения брожения между ближайшими союзниками режима в Дамаске. Российские военные, в общем-то, нашли оптимальный алгоритм своих действий в этой ситуации: они грамотной работой вывели сирийскую армию из штопора, сняв остроту дискуссий о ее кардинальной перестройке; успокоили тем самым страсти, разгоревшиеся между иранцами, ливанцами и сирийцами, и обеспечили воздушное прикрытие проведения сухопутных операций. Другими словами, ситуация была сначала стабилизирована даже не на фронте, а внутри коалиции. И стабилизирована сочетанием двух факторов: грамотной штабной работой и усилением воздушной поддержки.

Вторым важным моментом на этом этапе присутствия российских военных в Сирии было преодоление естественной негативной реакции Турции-Катара и КСА на появление нового реального игрока на сирийском направлении, что кардинально меняло военно-политическую ситуацию в Сирии. И не в пользу, естественно, основных

спонсоров сирийского сопротивления. Реакция Анкары и Катара была очень грубой и на грани фола. Мы имеем в виду, безусловно, подрыв российского пассажирского самолета над Синаем в ноябре 2015 года и уничтожение российского Су-24 истребителем турецких ВВС. Теракт над Синаем был совершен в спешном порядке сразу же после начала российской военной операции в Сирии. В этой связи в арабских монархиях и Турции сразу поняли, что эта операция меняет перспективы развития ситуации на сирийской площадке кардинальным образом. Прежде всего в силу невозможности в ближайшей перспективе ухода Б.Асада и падения режима в Дамаске. Собственно, эта задача ставилась Турцией, Саудовской Аравией и Катаром в качестве приоритетной и должна была быть выполнена до конца 2015 года. Это даже вынудило их пойти на беспрецедентные договоренности о разделе зон влияния и нейтралитете. Российская военная операция все поменяла и поставила на повестку дня уже не вопрос о Б.Асаде, а о непоправимом ущербе прокатарским и просаудовским группировкам.

Это вызвало истерику в Дохе, там быстро все поняли, в отличие от Эр-Рияда, который еще некоторое время тешил себя иллюзиями, что «русские будут воевать только с «Исламским государством» (ИГ)». Напомним, что спустя несколько дней после начала действий российской авиагруппы министр иностранных дел Катара Халед аль-Аттыйя грозил всем «третьей мировой войной». Отметим, что его родной брат Хамад аль-Аттыйя занимал тогда пост министра обороны Катара. Реакция отработки соответствующих заданий «по сдерживанию Москвы» последовала практически моментально, что свидетельствует о хорошей скоординированности и управляемости террористических групп на Синае и в Египте в целом. Управляемость, естественно, со стороны именно Катара. И данном случае абсолютно неважно, кто из местных террористов озвучил исполнителю приказ. Организовать такой теракт было возможно только при одном условии: очень солидном

финансировании. Служащий аэропорта, который подложил закамуфлированную под банку прохладительного напитка бомбу в авиалайнер, ставил в данном случае на карту все, и цена этого шага была соответствующей. При этом необязательно, что он был сторонником исламистов, который до поры, до времени находился «в спящем режиме». Это мог быть человек, которого просто элементарно купили. Отметим, что организаторами были боевики из прокатарской группировки «Вилайет Синай», что значительно позже подтвердили и выводы ЦРУ США. При этом выбор цели был проведен в Дохе максимально быстро и оптимально, что говорит о том, что катарцы находились в крайней степени раздражения и делали, в общем-то, нетипичные для них ранее шаги. Доха в своем антироссийском запале сознательно ударила по египетскому туристическому бизнесу, на который наложено негласное табу при проведении терактов. При этом надо учитывать, что именно Каир является злейшим антагонистом Дохи в отношении ее экспансии в Ливии. Из этого теракта, таким образом, было выжато все возможное: и предупреждение российскому руководству в связи с вводом группы ВКС в Сирию; и удар по самой жизнеспособной и доходной отрасли АРЕ в рамках регионального противостояния.

В ноябре 2015 г. турецким истребителем был сбит российский Су-24. Этот инцидент явился логичным продолжением атаки на российский гражданский авиалайнер на Синае. Только там финансировали эту операцию катарцы, а в случае с российским военным самолетом настал черед выступить и туркам. В этой связи сделаем несколько замечаний по поводу их мотивировки. Начало российской военной операции в Сирии со всей очевидностью поставило перед ними вариант политической непопулярности режима Б.Асада, а значит, на горизонте ясно замаячили перспективы необходимости поиска компромисса путем организации мирных переговоров. В отличие от Эр-Рияда у Анкары не было тогда таких «гражданских

структур», которые могли бы участвовать в мирных переговорах. Фактически отсутствовало и политическое крыло сирийских «Братьев-мусульман». Ни в Дохе, ни в Анкаре такой «мирный» вариант просто не рассматривали и не удосужились сделать что-нибудь практическое в этом направлении. Отсюда и жесткость в их тактике, особенно с учетом того, что основной целью РФ в Сирии была обозначена борьба с ИГ, в проект создания которого катарцы и турки вложили массу сил и средств, что будет иметь самые негативные последствия, прежде всего для Турции. Таким образом, эти страны зафиксировали свою позицию по вопросу участия российских ВКС в уничтожении инфраструктуры «Исламского государства», без которой говорить о каком-то решающем влиянии этих двух стран можно будет только в прошедшем времени.

Анкара и Доха были готовы на решительные меры, и именно это они продемонстрировали. В этой связи на фоне указанных печальных инцидентов мы выскажем крамольную мысль. Мы полагаем и полагаем, что остановить кампанию террора против России возможно лишь одним способом, помимо, естественно, активизации действий российской авиации в Сирии и «профилактических мер» по бандподполью на Северном Кавказе и в иных мусульманских регионах РФ. Надо было послать ясный сигнал Катару о нашем недовольстве. Так, например, как он был послан Анкаре в свое время, когда в Турции «в результате борьбы за контроль над финансовыми потоками» было убито сразу несколько ключевых фигур в системе финансирования незаконных вооруженных формирований в Чечне. Теперь настал черед Катара, и сигнал ему был послан довольно оперативно.

Уже в декабре 2015 года в Ираке были похищены неизвестными 26 катарцев, в том числе несколько членов правящей в Катаре семьи, которые выехали на соколиную охоту в пустыню Наджаф и разбили лагерь в районе Бусайа возле города Эс-Самава. Эта история разрешилась только в июне 2017 года. Власти Катара в апреле

перечислили боевикам террористических группировок около одного миллиарда долларов, чтобы освободить взятых в плен в Ираке членов правящей семьи. Об этом 5 июня 2017 г. сообщила газета «Файнэншл таймс» со ссылкой на близкие к ситуации источники в правительстве и военном командовании Катара. Кроме того, средства были направлены на освобождение 50 человек, захваченных боевиками в Сирии. Выплаты предназначались для террористических группировок, связанных с «Аль-Каидой» (запрещена в России) в Сирии, и силами безопасности Ирана, утверждает газета. Вообще надо отметить, что уровень публикаций британских газет, в том числе вроде бы авторитетных типа «Файнэншл таймс», сильно деградировал в последнее время. Связывать вместе боевиков из просаудовской «Аль-Каиды» и из проиранских шиитских группировок могут только люди, которые вообще с трудом представляют себе ситуацию на Ближнем Востоке. В этой связи внесем ясность.

Операция по освобождению членов правящей семьи Катара активизировалась в марте 2017 года, и через месяц она была завершена. Напомним, что катарцев в Ираке в 2016 году похитили проиранские боевики из малоизвестной шиитской вооруженной группировки «Асаиб Ахи аль-Хак» («Лига праведников»), которую возглавляет Кайс аль-Хазали. Последний является агентом разведслужбы иранского КСИР. Доха об этом была в курсе, собственно и по этой причине весной 2016 года состоялось несколько встреч в Бейруте между оперативниками Управления государственной безопасности (УГБ) Катара и разведслужбы «Хизбаллы». На них согласовывались детали сделки, которая подразумевала не только выплату выкупа непосредственно за катарцев в Ираке, но и обмен населением в Сирии. Из под Дамаска и Хомса в Идлиб выезжали суннитские боевики с семьями, а из Идлиба эвакуировались две шиитские деревни, которые находились фактически в осаде. Кстати, во время выезда шиитов просаудовская агентура попробовала этот процесс сорвать, устроив ре-

зональный теракт с использованием смертника. Причина в данном случае также прозаична: таким образом в Эр-Рияде попытались препятствовать переброске в Идлиб членов группировок, которые были лояльны Анкаре и Дохе и являются серьезными конкурентами за влияние в Идлибе просаудовской «Джебхат ан-Нусры» (ныне «Тахрир аш-Шам», запрещенной в России). Когда все детали были согласованы, то Доха выбрала фирму-посредника, через которую деньги должны были быть доставлены адресатам. Подчеркиваем, что таковыми являлась не «Аль-Каида», а иранцы и официальные власти в Багдаде.

В этой связи напомним перепалку в сентябре 2017 года между министром иностранных дел Катара и премьер-министром Ирака на саммите ЛАГ по вопросу как раз этого самого выкупа: иракец делал вид, что он ничего не слышал об этой сделке, а катарец предлагал ему вернуть выплаченные деньги, раз они ему не нужны, и он ничего о них не знает. То есть Доха была раздражена суммой, которую пришлось, в конечном счете, отдать за неудачливых горе-охотников, и публично нарушила правила игры. В качестве посредника была выбрана американская консалтинговая фирма Global Strategies Council.

Эта фирма, предоставляющая, согласно официальному сайту, «услуги в сфере безопасности», абсолютно неизвестна на мировом рынке подобного рода контрагентов. Она была основана в Остине (США) в 2014 году. Возглавляет ее довольно загадочный и малоизвестный этнический грек и гражданин США Митиадис Гудаманмис, который создал довольно компактный коллектив «из числа бывших разведчиков и дипломатов». До сегодняшнего дня она проявляла себя только в трейдинге в нефтяном бизнесе. Это логично, поскольку сам М.Гудаманмис ранее был руководителем Эллино-Азиатского совета по развитию и торговле в Афинах. Сейчас грек является советником техасской Helix Oil. До этого он короткое время работал менеджером в фирме «Александрос» (Делавер),

которая специализируется на морской нефтяной логистике. Ее владелец и выходец из одной из богатейших греческих семей, также гражданин США Маркос Фьюжн активно работает в Ираке с компанией Quemet Al Estegama Co, которую возглавляет Алаа Алдин Тахер Рашид. Собственно через «Александрос» эта сумма и была передана специально уполномоченным людям в Багдаде. Сумма выплачивалась в три этапа. После первого освобождались члены правящей семьи. После второго начинался обмен населением и пленными. Третий, самый маленький транш, выплачивался по окончании. Другими словами, мы имеем налицо проведение классической операции Kidnap&Ransom (K&R), то есть «похищение-выкуп». За свои услуги Global Strategies Council получила гонорар в 2 млн долларов США. Вот такую цену Дохе пришлось заплатить за свою крайне опрометчивую политику в рамках сдерживания «российской экспансии в Сирии». И это при условии того, что все это время Доха резко публично дистанцировалась от сирийского досье, не говоря уже об организации каких-либо новых акций против российских целей, так как катарское руководство очень быстро все поняло.

Уже в январе 2016 года в Москву приехал эмир Катара Тамим бен Хамад Аль Тани и провел очень «успешные» по оценке МИД двух стран переговоры на высшем уровне. Как следствие, начались катарские инвестиции в нефтегазовую сферу России, крупнейшим из которых стал вклад катарского бизнеса в проект приватизации «Роснефти». И само по себе это четко продемонстрировало, что меры России по охлаждению «горячих голов» в Дохе были выбраны правильно и в соответствии с правилами этикета и ментальности на Ближнем Востоке.

С Турцией дело обстоит несколько сложнее, в первую очередь в силу существующего серьезного турецко-российского экономического сотрудничества и по причине того, что в силу своего географического положения она играла весомую роль в сирийском конфликте. В данном

случае президент Турции Р.Т.Эрдоган пошел «ва-банк», разыгрывая свою сложную партию одновременно с США и ЕС, с одной стороны, и на сирийской площадке, – с другой. Миграционный кризис, который был искусно спровоцирован Анкарой, принес ей приличные дивиденды в виде смягчения визового режима для турецких граждан в ЕС и более 3 миллиардов долларов в качестве транша на обустройство лагерей для сирийских беженцев. Это, видимо, было расценено Р.Т.Эрдоганом как оптимистичный процесс, позволявший развить успех и на сирийском направлении. Плюс ко всему он с трудом, но добился желаемого результата на парламентских выборах 1 ноября 2015 года, что, видимо, окончательно вскружило ему голову. Дав команду на уничтожение российского бомбардировщика, турецкий президент тем самым сделал принципиальный шаг в сторону давно вынашиваемых планов по созданию фактической бесполетной зоны над сектором безопасности в приграничном к Турции районе Сирии. Сделал он это по-восточному хитро и использовал те же самые ультимативные методы, что ранее разыграл с американцами и европейцами. С США это был вопрос с арендой базы ВВС Инджирлик в обмен на поддержку политики по вооружению сирийских туркоман и дислоцированию их в зоне турецких жизненных интересов. Про ЕС мы сказали выше.

Отметим, что все предыдущие попытки Анкары втянуть американцев и европейцев в реализацию проекта по созданию бесполетной зоны окончились ничем. Ни Вашингтон, ни Брюссель такой вариант категорически не поддержали. Это вынудило президента Р.Т.Эрдогана реализовать его «не мытьем, так катаньем», разыграв при этом популярную на Западе сейчас антироссийскую карту. Он посчитал, что сам по себе этот факт будет благоприятно воспринят, прежде всего в США. При этом он попросту подставил своих союзников по НАТО, поставив их своими действиями в сложную позицию. США и Европа уже подустали от турецких взрывов, и это было за-

метно по реакции по итогам совещания министров иностранных дел стран НАТО, экстренно созванного по просьбе Анкары.

Вопрос, который часто задавали тогда российские политологи: почему Турция сразу же обратилась в Брюссель, не предприняв никаких попыток объясниться с российской стороной, имеет очевидный ответ. В той комбинации, которую затеял Р.Т.Эрдоган, позиция Москвы большого значения не имела. Принципиально важной для Анкары являлась позиция НАТО по вопросу военных гарантий альянса функционирования т.н. «зоны безопасности» на турецко-сирийской границе. И в данном случае турецкий президент явно не получил того, на что он рассчитывал. Реакция НАТО была очень сдержанной. Прозвучали традиционные в таких случаях дипломатические формулировки типа «каждая страна имеет право на оборону своего суверенитета». Они звучат для проформы и фактически нивелируются отсутствием ясно артикулированных тезисов о том, что НАТО поддерживает версию Турции о причинах инцидента. Более того, в комментариях к заявлению было ясно очерчено, что НАТО считает этот инцидент двусторонним эпизодом российско-турецких отношений.

В этой связи турецкой стороне было «рекомендовано закрыть свои границы для инфильтрации террористов». Американская администрация, отыграв положенный ей этюд об «атлантической солидарности», тут же дала ряд утечек в СМИ о том, что «Белый дом находится в курсе того, что российский самолет находился на момент атаки в сирийском воздушном пространстве». Это был плохой сигнал для Анкары, который означал, что воевать за них никто не собирается. Или вернее: никто не собирается из-за позиции турецкого президента ввязываться в военный конфликт с Россией. США в данном случае преследовали только одну цель. Они не собирались идти на поводу Анкары по пути эскалации противостояния с Россией и старались при этом сохранить нынешний формат своего

участия в сирийском конфликте. При этом не будем забывать и то, что между Вашингтоном и Анкарой до сих пор стоит нерешенный «курдский вопрос». Напомним, что американцы и тогда, и сейчас по-прежнему ставят на силы курдской Партии демократического союза (ПДС), которая является фактически сирийским филиалом Рабочей партии Курдистана (РПК), которая рассматривается Анкарой в качестве главной террористической угрозы.

Еще одной причиной резких движений Анкары эксперты называют и попытку сорвать ход переговоров в Женеве по сирийскому урегулированию. Несмотря на сетования российских политологов о «бесполезности» таких консультаций, отметим две принципиальные вещи, которые были на них достигнуты. Это солидарная позиция сторон о сохранении Сирии как светского государства при любых вариантах развития ситуации. И составление перечня террористических организаций, в который попали и прокатарское и протурецкое «Исламское государство» (ИГ) и просаудовская «Джебхат ан-Нусра». Это, в общем-то, лишает Анкару, Доху и Эр-Рияд поля для маневра в случае ухода Б.Асада, поскольку лояльные Турции туркоманы имеют очень сложный характер взаимоотношений с арабским населением и, соответственно, очень локальную зону своего влияния. А остальные протурецкие группы, конечно, не могут сравниться по своему боевому (и соответственно политическому) потенциалу ни с ИГ, ни с «Джебхат ан-Нусрой». Отсюда попытки Анкары любой ценой торпедировать переговорный процесс в Женеве.

Надо учитывать в этой связи и кровную заинтересованность ближайшего окружения Р.Т.Эрдогана в нелегальном нефтяном бизнесе, что одновременно финансирует и казну боевиков из ИГ. Это важный момент, но, по нашей оценке, не главный. Для Анкары было тогда важно установить «красные линии» для Москвы на сирийском направлении и де-факто обозначить «зону своих национальных интересов». Отсюда и последовавшие после инцидента обращения в ООН по поводу якобы бом-

бардировок туркоманского ополчения российской авиацией, и соответствующий демарш российскому послу в Анкаре. Напомним, что протурецкое туркоманское ополчение состояло примерно из тысячи бойцов, которые были объединены в 1-й береговой дивизион, 2-ю береговую бригаду и бригаду «Шам». За все время своей деятельности они сумели на тот момент отбить у сторонников ИГ две деревни, но, собственно, они создавались не для этого, а для того, чтобы охранять логистические пути контрабанды нефти и материально-технического снабжения тех же ИГ и «Джебхат ан-Нусры». Своими действиями по расстрелу российского летчика туркоманы фактически поставили себя вне формата переговоров в Женеве. Это вряд ли не учитывалось при организации всего этого хорошо срежиссированного действия. ***Что лишний раз доказывает тот момент, что Анкара не рассчитывала в тот период на мирный процесс в принципе.*** В противном случае она бы сконцентрировала свои усилия на том, чтобы посадить за стол переговоров максимальное число лояльных себе группировок.

Ответный удар российской стороны в отличие от катарского случая носил более массовый, публичный и скоординированный характер. Он включал в себя меры жесткого экономического и военного давления, не говоря уже о мерах пропагандистского характера. Как следствие, Турция запросила через посредников мира уже менее чем через год. Некоторые обозреватели связывают это прежде всего с экономическим давлением. Это безусловно так, но мы склонны считать наиболее эффективным оружием именно те меры, которые были предприняты в самой Сирии. А там помимо военного воздействия на протурецкие группы типа туркоман, был предпринят целый комплекс мер, из которых основной упор был сделан на двух принципиальных моментах.

1. Российская авиация стала еще более массированно бомбить караваны с нефтью из Ирака, что резко обострило ситуацию с торговлей углеводородами лично

для семьи турецкого президента. Об этом стараются не говорить, но своими ударами по этим караванам Москва фактически нивелировала на тот момент процесс распада Ирака, особенно на фоне массированных поставок оружия курдской пешмерге со стороны Запада и фактического обособления от центральной иракской власти районов традиционного проживания суннитов, где действовало ИГ. Эта нефть шла из тех районов, которые были в то время под контролем сторонников ИГ, проходила через территорию Иракского Курдистана (ИК), там она смешивалась с чисто «курдской» нефтью и уже шла караванами через Сирию в Турцию. Причем это была нефть в основном президента ИК М.Барзани. Операция российских ВКС в этой ситуации очень жестко нанесла удар по личному бизнесу связки Барзани-Эрдоган с участием ИГ. Таким образом, глава ИК лишился значительной части своих доходов, которая позволяла ему довольно уверенно чувствовать себя в диалоге с Багдадом на предмет своих претензий на государственное обособление.

Если же брать эту тему шире, то выбор Москвы в пользу этого одного из своих алгоритмов действий в Сирии на первом этапе был сделан, безусловно, правильно. Был разрушен уже созданный на тот момент очень серьезный бизнес-альянс между турками, курдами и иракскими боевиками. Тем самым той же Анкаре было очень наглядно показано, что проект ИГ не имеет права на жизнь, и в этой связи ей необходимо будет искать новые алгоритмы своей деятельности на этом направлении. Изменение позиции Анкары было трудным, не без срывов и не одномоментным, но оно произошло, а значит, вариант действий Москвы был просчитан правильно. И сейчас мало кто помнит, что еще в середине 2015 года глава турецкой Национальной разведывательной организации (МИТ) Хакан Фидан абсолютно серьезно публично предлагал признать ИГ официально в качестве государственного образования. Этот факт мы приводим в качестве

иллюстрации настроения турецкого руководства по сирийскому вопросу на тот период. Правильно ли поступила тогда Москва, можно судить хотя бы потому, как эта позиция Анкары трансформировалась сейчас. Но об этом мы напишем ниже.

2. Еще одним шагом Москвы на предмет приведения Анкары в чувство был, бесспорно, курдский фактор. Через очень короткий срок после инцидента с Су-24 сирийскими спецслужбами были активизированы контакты с отрядами ПДС, и к ним стало поступать оружие. Помимо этого, Дамаск практически сразу же организовал совещание турецких курдских и левацких группировок, на котором было принято решение активизировать подпольную борьбу в самой Турции. В связи с этим помимо резкого усиления боевого потенциала отрядов ПДС в Турции началась с новой силой террористическая война и городская герилья. Активизировались отряды Рабочей партии Курдистана (РПК), в результате чего в курдские районы Турции были введены регулярные войска, там начались настоящие бои. И все это происходило на фоне практически определенной и неприкрытой ориентации США на выбор курдов из ПДС в качестве своей основной опоры «на земле». В том числе, и в рамках разгрома отрядов ИГ в Ракке. Причем такой выбор фактически четко означал отказ Вашингтона от любых форм сотрудничества в этой сфере собственно с турецкой армией. Это означало только одно: Анкара получила крайне враждебный себе фронт с двух сторон: из курдских районов и со стороны правительственных сил. И это при условии, что эти сирийские курды и Дамаск имели надежный зонтик безопасности со стороны двух государств в лице США и РФ соответственно. Это делало любую военную операцию Турции по сохранению своего влияния в Сирии предельно опасной с точки зрения рисков прямых военных столкновений с двумя главными военными державами, а значит, и бесперспективной. Вот эта патовая ситуация, по нашей оценке, и стала основным мотивом для Р.Т.Эрдогана резко по-

менять свою позицию и начать искать пути компромисса с Москвой через ряд посредников. То есть в двух этих случаях Катар и Турцию пришлось успокаивать не просто силовым давлением, применяя понятные им методы воздействия, что можно было сделать только с учетом чисто страноведческих анализов их ментальности и побудительных мотивов их действий, но искусно используя имеющиеся между Анкарой и Вашингтоном фундаментальные разногласия по вопросу дальнейших действий на сирийском направлении.

Поэтому, видимо, есть смысл остановиться более подробно на позиции Вашингтона и его союзников по НАТО в связи с началом операции российских ВКС в Сирии. Начнем с того, что сама переброска российского контингента в Сирию стала для западных спецслужб полной неожиданностью. Они не смогли вскрыть такие намерения Москвы ни на этапе подготовки, ни на этапе непосредственного входа, а с учетом того, что общая позиция США по сирийскому кризису состояла в отказе от поддержки каких-либо эффективных сил оппозиции «на земле», что фактически привело к доминированию исламистов в этом сегменте, то вход России в Сирию поставил их в тупик. Прежде всего по той причине, что в силу геополитических амбиций и нежелания потворствовать Москве в качестве превращения ее в «главного победителя ИГ» им пришлось спешно менять свою политику и фактически догонять Россию. Причем при абсолютно неподготовленных условиях для этого. Напомним, что все первоначальные проекты Вашингтона по созданию «умеренной» вооруженной оппозиции провалились, и у США не было какой-либо силы в Сирии, на которую они могли бы опереться в отличие от Москвы. Американская программа подготовки т.н. отрядов «умеренной» сирийской оппозиции «Обучи и оснасти» была признана неэффективной. В сентябре 2015 г. в Конгрессе состоялись слушания на тему реализации этой инициативы, в ходе которых глава Центрального командования США признал, что

реально «на земле» из всех подготовленных США «умеренных оппозиционеров» сражалось не более 5 человек.

9 октября 2015 г. Белый дом объявил, что США прекращают программу «Обучи и оснасти». Это автоматически поставило американцев в позицию «догоняющих». Другими словами, американская разведка, по-простому говоря, «прошлепала» ситуацию, что говорит о ее невысоком потенциале. В этой связи очень примечателен доклад американской разведки президентской администрации США по итогам ввода российской группы в Сирию. По оценкам американской разведки, правительственная армия Сирии сумела при поддержке российских ВКС переломить ситуацию в стране и сохранять положительную динамику наступательных операций на позиции оппозиционеров. Американцы при этом предполагали, что сторонники режима Б.Асада смогут продолжать наступательные операции в среднесрочной перспективе. Однако в глобальном смысле это не приведет к коренному перелому ситуации в силу дефицита у Дамаска живой силы. Этот момент будет основным сдерживающим фактором, который не позволит в достаточно полной степени сирийскому режиму контролировать значительную часть Сирии, а значит, противостояние будет сохраняться. Восполнить же дефицит живой силы за счет «Хизбаллы», иранского КСИР или иракских шиитов Дамаск не сможет в силу тенденции по выводу этих подразделений из Сирии.

Такой чисто технический вывод специалистов из ЦРУ США является классическим примером «технократической логики» западных разведок, которая подразумевает, что дважды два всегда четыре. При этом то, что верно для арифметики, может совершенно не работать применительно к отношениям между людьми, особенно на Ближнем Востоке и в Африке. Для того, чтобы это понять, вернемся немного назад, когда сирийский кризис только начинался. Тогда западные аналитики в один голос говорили о скором конце сирийского режима в силу простой конфессиональной пропорции между суннитами и алави-

тами. При этом, правда, совсем не учитывались черкесы, друзья, христиане и, что самое главное, – курды. Но главное даже не это, а превосходство в воздухе. Именно последний аспект позволяет сохранять баланс сил, и как только он был нарушен в силу потери аэродромов, технического старения сирийских ВВС и дефицита боеприпасов, ситуация стала для режима кризисной. Эффективная авиационная поддержка силами фактически одного полнокровного полка российских ВКС изменила баланс сил на сто восемьдесят градусов. Но дело не в техническом превосходстве. Американские аналитики совершенно не учитывают человеческий фактор, а он на племенном и клановом Ближнем Востоке очень важен.

При этом анализ российского экспертного сообщества говорил совершенно об ином. Если мы возьмем победную экспансию «Исламского государства» в Ираке и Сирии, то мы увидим, что сторонники ИГ воюют на двух фронтах силами двух полнокровных дивизий, что составляет порядка тридцати тысяч боевиков. При этом они, согласно выкладкам тех же американских аналитиков, успешно контролировали на тот момент треть территории Сирии и чуть ли не половину Ирака. Отметим, что вопрос о дефиците живой силы у ИГ, если исходить из классической военной науки, американцев почему-то не волнует. Именно по той причине, что отряды ИГ не стоят гарнизонами в каждой деревне и населенном пункте. Ключ секрета успешной экспансии ИГ – это децентрализация суннитских районов Ирака и Сирии с предоставлением им широкой хозяйственной автономии. В том числе и по вопросам социальных программ.

Это и позволяет сторонникам ИГ при очень скромной численности боевых подразделений сохранять контроль над обширными территориями. При этом приверженцы ИГ оказывают необходимое им воздействие на ситуацию путем контроля над опорными точками. Это позиции на Евфрате, что дает контроль над водными ресурсами и путями водной логистики; нефтяные месторождения, что

обеспечивает контроль над экспортом нефтепродуктов; основные трассы и КПП на границе, по которым переправляются грузы и товары. Вот, в принципе, и все. Крупные города в данном случае имеют по большей части символическое значение. И по этой причине иракский Мосул и сирийская Ракка являлись единственными из крупных городов, которые тогда контролировало ИГ. Эти города необходимо обеспечивать с социальной точки зрения, что сложно. Ровно то же самое и будет влиять на успех или неуспех наступления сирийской армии (и иракской, кстати говоря). Если еще проще, то политическая выживаемость сирийского режима зависела тогда и теперь только от того, насколько грамотно он сможет скопировать эту схему хозяйственной и социальной автономии, которая эффективно себя зарекомендовала.

Остается еще вопрос собственно суннитского населения той же Сирии. По оценкам американцев, оно никогда не сможет примириться с алавитским правительством и постоянно будет источником некой вооруженной фронды. Отметим в этой связи, что, во-первых, сунниты и алавиты вполне себе хорошо сосуществовали в период правления Асада-старшего. Во-вторых, не надо рассматривать настроения суннитского населения как некую константу. Их приверженность ИГ была обусловлена очень простым условием: оно не мешало им зарабатывать деньги и установило справедливую систему налогов. И еще: сторонники ИГ на тот период были единственным гарантом безопасности. После того, как уверенность в способности ИГ обеспечивать эту безопасность была сильно поколеблена авиаударами российской авиации, встал естественный вопрос о физическом выживании. В этой ситуации абсолютное большинство племен, безусловно, стало выбирать мирный компромисс при условии сохранения существующей сейчас системы фактической автономии.

Вот такой простой секрет контролирования обширной территорий малыми силами. Он универсален для всех

войн. ***Если поставить население в безальтернативную систему выбора союзника (а в Сирии это делается путем технического военного давления в первую очередь), то это, в конечном счете, приводит к глобальному перемирию.*** Несмотря на всю жестокость гражданской войны. Кто не верит, пусть обратит свои взоры на Чечню.

Еще один важный момент жизнеспособности сопротивления в Сирии – это внешняя спонсорская помощь, а если сказать проще, – покупка лояльности. Эта помощь никуда не исчезнет и будет продолжаться и далее. И главный вопрос здесь не в том, что на эти деньги будут спонсироваться отряды противников Б.Асада, которые в своей подавляющей части состоят из иностранцев, а в том, в какой степени эта подпитка дойдет до местных кланов и племен. Есть все основания полагать, что в очень малой степени, исходя из общей динамики мировых цен на нефть. И вот именно этот аспект и необходимо рассматривать в общем контексте умиротворения в Сирии, а ни в коей мере не скатываться к голому анализу ситуации исключительно с точки зрения военной науки или доктрины.

Такие анализы и общая неподготовленность к военному присутствию в Сирии вынудили американцев тогда прибегнуть к единственно возможному варианту своих действий. То есть активизации формирования своего альянса с курдскими отрядами в совокупности с запуском инициативы о немедленном объявлении перемирия в Сирии. 18 декабря 2015 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию 2254, в которой не только поддержал установление общесирийского прекращения огня (причем ясно прописал связь между ним и политическим процессом), но и поручил офису спецпосланника ООН по Сирии Стаффана де Мистуры подготовить соображения по модальностям такого замирения. При этом небесполезно вспомнить о том, что тема эта начала раскручиваться не по инициативе ООН, а с подачи американцев. Так,

впервые президент США Б.Обама поднял ее во время «Обращения к нации» 6 декабря 2015 г., отметив, что «при американском лидерстве международное сообщество запустило процесс и график установления режима прекращения огня и политического процесса». До этого американцы отказывались от российского предложения поддержать – либо неофициально, либо в СБ ООН – линию Дамаска на установление локальных замирений, мотивируя это тем, что от таких договоренностей, представляющих собой «капитуляцию боевиков», выигрывает лишь режим.

Так что совершенно очевидно, что разработчики подобных предложений преследовали тогда двуединую цель – заморозить продвижение сирийских войск при поддержке ВКС России (других вариантов это сделать просто не было) и закрепить группы вооруженной сирийской оппозиции на занятых ими территориях, делегировав им при этом максимально широкие полномочия (как максимум – легитимизировать их присутствие через выдачу им мандата на мониторинг режима прекращения огня). Учитывая, что «эффективный контроль» над занятыми территориями осуществляют прежде всего террористические структуры (ИГ, «Джебхат ан-Нусра», «Ахрар аш-Шам», «Джейш аль-Ислам»), решается и задача, связанная с попытками сделать джихадистов партнерами по диалогу (очевидно, что с ваххабитскими группами их кураторы проведут работу над имиджем, как это уже было с «Исламским фронтом», который выдается за умеренную группу).

Ответ России на эти маневры также можно расценивать как оптимальный алгоритм действий в подобного рода ситуациях. Москва объявила в феврале 2016 года о своих планах вывода части ВКС из Сирии в связи с выполнением ими поставленных задач на фоне согласия на начало масштабного переговорного процесса. История очень напоминает тактику дзю-до (ни на что не намекаем), когда противник провоцируется на наступление в силу

вроде бы усталости или слабости партнера. Ровно так и произошло. Во-первых, такой сценарий сильно озадачил западное разведсообщество, которое окончательно запуталось в тактике Москвы. До этого оно было единодушно убеждено в том, что Россия будет только наращивать свое военное присутствие. Во-вторых, исламисты и их спонсоры посчитали, что такой шаг свидетельствует о провале политики вмешательства со стороны Москвы, и перешли в решающее наступление. Причем в основном это касалось просаудовской «Джебхат ан-Нусры». На этот раз мы должны похвалить американское разведсообщество, которое в принципе через очень короткий срок после этой российской инициативы нащупало истинный мотив действий Кремля. По оценке американских аналитиков тогда, за время российской военной операции в Сирии потенциал исламистов и остальных оппозиционных групп снизился практически вдвое, они утратили военную инициативу, а контролируемая ими территория сократилась на 300 тыс. квадратных километров. Если называть ситуацию более приземленно, – за полгода присутствия российских военных была снята угроза насильственного свержения президента Б.Асада, а сам он получил законное право полноценного участия в переговорном процессе.

Американцы также отмечают, что Москва не ограничилась исключительно воздушной поддержкой Дамаска, хотя она, по их оценке, была ключом к успеху. Действия российских ВКС были организованы на порядок лучше и качественнее, чем у ВВС международной коалиции, руководимой США. Во-первых, в силу четких задач, которые необходимо было решить. Во-вторых, с учетом налаженной координации с наземными подразделениями правительственных сил, которые постоянно уточняли и наводили самолеты на цель. Само применение авиации позволило не только кардинальным образом разрушить инфраструктуру антиасадовских сил, повысить риски для логистических каналов материально-технического снабжения, но также вынудить противника перейти к действиям мелкими

группами, что резко минимизировало возможность проведения крупных наступательных операций. Одновременно Россия снабдила сирийскую армию рядом современных средств артиллерийской поддержки, связи, приборами ночного видения, что существенно повысило уровень координации и управляемости в целом. Российские советники участвовали в разработке операций в штабах дивизионного и батальонного уровня, что сразу же сказалось на тактике сирийских правительственных сил.

Значительную роль сыграл в этой ситуации Иран. Он также передал Дамаску большое количество оружия, советники из КСИР участвовали в боях и понесли серьезные потери, но самым основным американцы считают то, что Тегеран смог мобилизовать и направить на сирийские фронты несколько тысяч боевиков из шиитских милиций Ливана, Ирака, Афганистана, которые серьезно сократили дефицит живой силы сирийской армии. Сейчас на полях сражений остались только иракцы и афганцы, а ливанцы из «Хизбаллы» сконцентрировали свои подразделения в подавляющей части на ливано-сирийской границе по ее периметру и участвуют в наступлении на Дейр эз-Зор.

Американские эксперты также отмечают, что российское руководство четко уяснило уроки афганской и иракской кампаний США, которые увязли в этих странах. Собственно, неожиданный частичный вывод российской группировки из Сирии объясняется ими не интересами предвыборной кампании в России. В данном случае американские эксперты серьезного уровня, в отличие от доморощенных отечественных «экспертов», не сомневались уже в том, что по сирийской ситуации в российском обществе наблюдается консолидация. Мотивы Москвы в данном случае заключаются в стремлении избежать вероятности увязания в этом конфликте. Ровно то, на что у американцев долгое время не хватало духу.

Американские аналитики также спрогнозировали скорое начало наступления оппозиционных сил, особенно

«непримиримой» ее части в лице «Джебхат ан-Нусры» и ИГ, которые однозначно должны «клюнуть на наживку» и перейти к контратаке. Для них перелом сложившейся динамики развития событий являлся вопросом жизни или смерти. В данном случае американцы не знали, какое количество авиации остается у Москвы на авиабазе «Хмеймим», и достаточно ли ее возможностей будет для того, чтобы нанести удары по вновь сконцентрированным силам противника.

Как показало дальнейшее развитие событий, таких сил у российской группы было достаточно. **В этой связи американцы делали однозначный вывод о том, что в случае провала этих планов оппозиции справедливо и обоснованно можно будет говорить о том, что таким образом создаются оптимальные условия для начала процесса внутринациональной консолидации.** Племена и группы окончательно поймут, что возрождения оппозиции в том смысле, который гарантирует некую стабильность, ожидать не приходится. Собственно, примерно так и произошло. От себя добавим следующее. Частичный вывод российской группировки из Сирии принес самый главный результат. Он вновь поставил в тупик как страны Запада, так и непримиримых сторонников свержения режима Б.Асада в лице Саудовской Аравии, Турции и Катара.

Москва в данном случае использует очень интересную методику своей политики: как только оппоненты настраиваются на игру в определенной системе координат, она волевым образом ее меняет и вновь вынуждает начинать процесс адаптации и брать на себя трудное бремя принятия решений. Это принципиальный момент с точки зрения постоянной сбивки оппонентов с заданного ритма. Лейтмотив первых комментариев политологов тогда заключался в следующем: собственно генеральной задачи по уничтожению радикальных группировок типа «Исламского государства» и «Джебхат ан-Нусры» достигнуто не было. По большому

счету, для того чтобы это сделать, России необходимо было вводить наземные силы, так как очевидно, что собственных сил для этого у Дамаска тогда просто не хватало физически. Это во-первых, а во-вторых, уничтожение структуры ИГ и «Джебхат ан-Нусры» возможно только при примирении режима Б.Асада с подавляющей частью суннитского населения страны и достижения с ним компромисса по вопросу дележа властных полномочий. Как раз с этой целью и был запущен процесс перемирия, который продемонстрировал позитивную динамику, несмотря, естественно, на продолжающиеся обстрелы и бои с «непримиримыми». ***Пожалуй, это надо считать главной задачей группировки ВКС, поскольку исключительно военного пути решения проблемы не существует, в чем те же США убедились, но продолжают это делать в Афганистане и Ираке.*** При этом был запущен еще и женевский формат переговоров с различными группами оппозиции, который с большим трудом пока реализуется. Явных результатов ожидать на этих переговорах не приходится в среднесрочной перспективе, но они важны с другой точки зрения: запуска самого процесса, а не быстрого достижения цели. Зафиксируем этот первый итог операции российских ВКС.

Второй итог – серьезное расширение зоны контроля правительственных сил, освобождение ряда населенных пунктов, зачистка Латакии, создание позитивной динамики наступления в Алеппо и под Пальмирой, восстановление логистических путей снабжения по линии юг-север и т.п. Очень важным является возросший моральный дух сторонников Б.Асада. Если суммировать, то укрепление боеспособности правительственных войск и создание условий для продолжения создавшейся позитивной наступательной динамики ставит сирийского президента Б.Асада в ряд полноправных участников мирного урегулирования в Сирии и фактически отодвигает угрозу его насильственного свержения. В этой связи важно, что вывод российской группировки был

пролонгирован на пять месяцев, что позволит в случае необходимости вновь сдержать военную активность непримиримой оппозиции и восстановить нынешнюю динамику развития событий.

Третий итог – геополитический, т.е. расширение российских интересов на Ближнем Востоке и увязка действий Москвы на этом направлении, в Сирии, с другими принципиальными вопросами российского внешнеполитического актуального досье, включая конфликт в Украине, споры с Евросоюзом и США в отношении антироссийских санкций. Если смотреть еще шире, то это – заявка России на серьезную роль в международной политике с реанимацией модели многополярного мира. И необходимо отдавать себе отчет в том, что авторитет Москвы в международном сообществе сразу же вырос в разы. Одновременно в Сирии Москва смогла продемонстрировать и протестировать свои вооруженные силы, которые претерпевают значительную модернизацию. Упомянем и о возросшем портфеле заказов вооружения и военной техники, испытанных в реальном деле. Важно и то, что военная операция России в Сирии просто вынудила США занять более активную позицию в вопросе разгрома ИГ, определиться со своей стратегией в отношении курдов вразрез с турецкими интересами, и стать коспонсором переговорного процесса в Женеве под эгидой ООН. То есть сделать все то, что Вашингтон явно делать не хотел и долгое время не делал. Кстати, не согласимся с рядом политологов, которые причислили в актив также и то, что выводом своих войск из Сирии Москва якобы минимизирует обвинения в разжигании миграционного кризиса. Главным пунктом таких обвинений является сохранение Б.Асада у власти, а не борьба с ИГ.

Четвертый итог – частичный вывод российской группировки имел следующие очевидные последствия. Это проверка Дамаска на степень политической зрелости, которую он должен проявить в рамках консолидации общества и выстраивания новой модели государственно-

административного устройства Сирии. Другими словами, это тест на политическую жизнеспособность нынешнего режима, поскольку без его успешного прохождения помогать до бесконечности Дамаску нельзя, так как это контрпродуктивно. **Примерно это осознали и США в Афганистане и Ираке, поэтому, собственно, и ограничили свои силы в этих странах исключительно контингентом, достаточным только для недопущения варианта насильственного свержения режимов, оставив площадку для переговоров самим афганцам и иракцам.** К этой же модели сейчас переходит и Россия. Одновременно снижение усилий России должно вызвать оживление в Иране, который почему-то решил, что кто-то будет таскать каштаны для него из сирийского костра. Минимизация российского военного присутствия в Сирии означала пропорциональное усиление на этом направлении Тегерана и его союзников в лице шиитских подразделений из Ливана, Афганистана и Ирака.

Этот сценарий был очевиден по двум причинам. Первая: Сирия для Ирана – это тот оселок, после которого можно говорить либо об обороне от нарастающей суннитской экспансии, либо о начале нового витка собственной. Вторая: вывод российской группировки, пусть и частичный, был расценен зарубежными спонсорами оппозиции как сигнал для начала восстановления своих сильно потрепанных позиций в Сирии. Это автоматически означало усиление материально-технической помощи и направление в Сирию новых «добровольцев». Этот факт активизировал войну с непримиримой оппозицией уже в скорой перспективе на ключевых участках (Алеппо, Идлиб, Хомс), что в условиях российской «пассивности» заставило Иран усилить свое военное присутствие, при этом Россия занимает позицию над схваткой, оставляя себе функции гаранта живучести сирийского режима на сколь угодно долгую перспективу. При этом Москва достигает всех этих целей, оптимизируя затраты на сирийскую кампанию. Это в нынешних условиях экономического кризиса

также момент далеко не лишний. То есть Москва выбрала тактику оптимального присутствия в этом регионе, которая позволяет, с одной стороны, не увязнуть в сирийском «болоте», а с другой, адекватно и своевременно реагировать на возникающие угрозы. Одновременно был запущен процесс внутреннего и внешнеполитического примирения и переговорного процесса, который позиционируется Москвой в качестве единственно возможного сценария выхода из сирийского кризиса.

В этой связи, видимо, стоит более подробно остановиться именно на этом формате действий Москвы в Сирии. На сегодняшний день таковых насчитывается три: женеvский, локальный и введенный сравнительно недавно астанинский. Первый и третий считаются официально-международными форматами, на которых присутствуют представители не только сторон конфликта, но и фактически их зарубежные спонсоры и представители ООН. Причем женеvский, собственно, под эгидой ООН и проходит. Пока остановимся исключительно на локальных перемириях, поскольку, по нашей оценке, они несут исключительно важную определяющую роль в мирном урегулировании сирийского конфликта. Сами по себе они не несут в себе ничего нового и являются заключением перемирия с конкретным полевым командиром или племенным шейхом. Другой вопрос, что Москва в Сирии смогла максимально использовать этот, в общем-то, давний инструмент влияния на ситуацию, что превратило его в своеобразное «ноу-хау». Локальные перемирия вообще полагались очень долгое время единственной альтернативой женеvскому формату, который из-за позиции КСА и США превратился в большей степени в говорильню и спектакль амбиций «эр-риядской группы» сирийской оппозиции.

В этой связи стоит напомнить историю возникновения различных групп сирийской оппозиции, что предельно кратко и в то же время емко сделал российский арабист из ВШЭ Леонид Исаев в одном из своих комментариев.

На середину 2016 года ситуация с этим аспектом развития оперативной обстановки обстояла следующим образом. «Если с режимом Башара Асада все относительно понятно, то расклад сил в противостоящей ему сирийской оппозиции постоянно меняется. Пятилетние метаморфозы сейчас привели к тому, что в оппозиционном лагере сформировалось три основные группы: эр-риядская, московская и каирская. По понятным причинам за скобки выносятся запрещенные в России ИГИЛ (прежнее название ИГ – авт.) и «Джебхат ан-Нусра», которые не участвуют в женевских переговорах по определению, потому что по сравнению с ними даже исламисты из «Джейш аль-Ислам» и «Ахрар аш-Шам» выглядят вполне умеренно. Оппозиционные группы названы условно – по местам их образования, а общая логика создания у всех трех была одинаковая: зарубежная оппозиция, имеющая международное признание и легитимность в глазах мирового сообщества, дополнялась силами, действующими непосредственно в самой Сирии. И те и другие были нужны друг другу, хотя и не особо друг другу доверяли. Разные комитеты и советы сирийских политиков-эмигрантов стремились заручиться поддержкой группировок, воюющих и контролирующих какие-то территории в самой Сирии.

Те тоже в свою очередь были заинтересованы в том, чтобы кто-то представлял их на женевских переговорах. Эта ситуация во многом похожа на ту, которая сложилась в русской эмигрантской среде в первые десятилетия XX века. Тогда тоже большое значение имело то, обладает ли та или иная эмигрантская организация какими-то ячейками в самой России, – наличие таких ячеек значительно увеличивало влияние соответствующей организации. В результате опорой эр-риядской группы стали Исламский фронт и Сирийская свободная армия; московской – Сирийская национал-социальная партия, а также члены Национально-прогрессивного фронта, а каирская видит свою основную опору в курдах и прежде всего в курдской Партии демократического союза. Вообще,

курдский вопрос прослеживался в работе всех трех групп: все они стремились к тому, чтобы включить в свой состав курдских представителей. Ведь поддержка со стороны курдов придала бы группе политического веса на переговорах. Из-за этого курды как отдельная группа в Женеве оказались не востребованными, потому что выделение их в качестве самостоятельного субъекта заметно понижало бы авторитет остальных. В этих же категориях – желание обзавестись дополнительными ликвидными активами перед очередным раундом переговоров – объясняется и старание главы московской группы Кадри Джамиля пригласить в свои ряды каирских представителей.

Внутренние и внешние

Самой влиятельной из трех оппозиционных групп считается эр-рядская, созданная в декабре 2015 года соответственно в Эр-Рияде. За международную часть в ней отвечает Национальная коалиция сирийских революционных и оппозиционных сил (НКСРОС), чей представитель Рийад Хиджаб возглавил Высший комитет по переговорам. А ситуацию на земле в Сирии контролирует Совет сирийского революционного командования, его военный лидер Мухаммед Аллуш до недавнего времени был представителем эр-рядской группы в Женеве. Главные пункты в программе эр-рядской группы: создание переходного органа власти и отставка Башара Асада. Также они позиционируют себя как ведущую оппозиционную силу с наибольшим уровнем международной легитимности, поэтому настаивают на том, что в их ряды должны влиться остальные оппозиционные группы.

Международная часть эр-рядской группы НКСРОС с самого начала задумывалась как наиболее представительный орган сирийской оппозиции, куда вошел целый ряд оппозиционных групп и независимых оппозиционеров, в том числе Сирийский национальный совет – один

из первых коалиционных органов оппозиции с центром в Стамбуле. Кроме того, при НКСРОС был создан Военный совет, куда вошли представители Сирийской свободной армии. Уже к концу 2012 года оформилось не только фактическое, но до определенной степени и юридическое признание НКСРОС со стороны ряда арабских и западных стран, вплоть до того, что на саммите Лиги арабских государств в Дохе НКСРОС оказалась единственным представителем Сирии. Признание НКСРОС означало также и международное признание Сирийской свободной армии, поскольку именно она рассматривалась как фактически единственная реальная сила, представляющая НКСРОС внутри Сирии.

Разделение сирийской оппозиции на внутреннюю и внешнюю наметилось уже в самом начале конфликта. При этом внутренние оппозиционеры, которые непосредственно боролись с режимом, отказывались всерьез воспринимать заседающих в Стамбуле или Дохе внешних оппозиционеров, потому что те, по их мнению, потеряли всякую связь с сирийским народом. Но когда в Дохе впервые появилась широкая коалиция внешних оппозиционеров, которая смогла получить признание в большинстве стран мира, она тут же стала привлекательной и для оппозиции на местах, в частности для Сирийской свободной армии. При всем своем скептическом отношении к внешней оппозиции через нее Сирийская свободная армия получала возможность коммуникации с международным сообществом.

В свою очередь Сирийская свободная армия рассматривалась НКСРОС в качестве серьезного актива на переговорах по сирийскому урегулированию. Постепенно вокруг Сирийской свободной армии стали объединяться и другие оппозиционные группировки и движения, действующие непосредственно в Сирии. В результате к августу 2014 года они сформировали внутреннюю часть эр-риядской группы – Совет сирийского революционного командования (ССРК), во главе которого встал Мухаммед

Аллуш. Туда вошло около семидесяти различных движений, в том числе представители Исламского фронта во главе с лидером «Соколов ислама» в Идлибе Ахмедом Иссой аш-Шейхом, а также Захраном Аллушем (братом Мухаммеда Аллуша) из «Джейш аль-Ислам» и Хассаном Аббудом из «Ахрар аш-Шам», представителями Фронта Леванта. Присоединение последних двух стало возможным из-за той существенной роли, которую сыграли Турция и Катар, стараясь объединить лояльные им группировки оппозиции в регионе Алеппо.

Объединению разнородных оппозиционных группировок также способствовало то, что США с союзниками начали проводить военную операцию «Непоколебимая решимость» против ИГИЛ. Нужно было создать единый координационный центр, который позволил бы обеспечить проведение относительно слаженной политики на земле. ССРК, объединивший значительную часть отрядов сирийской оппозиции, задумывался в качестве такой силы, способной обеспечить наземную наступательную операцию под прикрытием антитеррористической коалиции с воздуха. Однако уже первый съезд ССРК в турецком городе Газиантепе выявил серьезные разногласия между его участниками. Основная линия раскола проходила между исламистами и секуляристами: последние были явно недовольны преобладанием джихадистов в рядах ССРК, что впоследствии привело к выходу из его состава представителей Южного фронта Сирийской свободной армии, пользовавшегося поддержкой Иордании. Еще одна проблема заключалась в неопределенном подходе некоторых участников ССРК к «Джебхат Ан-Нусре». Формально против нее положено было быть всем членам ССРК – как союзникам американской антитеррористической коалиции. Но часть группировок (прежде всего представители Исламского фронта и Фронта Леванта) хоть и вступила в ССРК, но продолжала сохранять союзнические отношения с «Джебхат ан-Нусрой», что не могло не вызвать отторжения со стороны светских структур.

Каир, Москва, Хмеймим

Каирская группа появилась примерно тогда же, когда и эр-риядская, в конце 2015 года, после принятия резолюции Совета Безопасности ООН по положению на Ближнем Востоке, предусматривающей начало межсирийского переговорного процесса. Группу возглавил Хейсам Манна, сирийский писатель и представитель Арабской комиссии по правам человека, глава движения «Камх», сопредседатель (вместе с Ильхамом Ахмедом) Сирийского демократического совета, созданного в декабре 2015 года и действующего преимущественно в курдских провинциях Ал-Хасака и Ал-Маликия. Главным козырь каирской группы – это тесный альянс с наиболее боеспособными курдскими отрядами народной самообороны, военным крылом курдской Партии демократического союза. Именно их участие в каирской группе придало ей определенный политический вес.

В свою очередь курды рассматривали Сирийский демократический совет и саму группу в качестве связующего звена с мировым сообществом, в частности с Западом и арабскими странами, которые не пустили представителей курдской Партии демократического союза участвовать в конференции в Эр-Рияде, где формировали состав Высшего комитета по переговорам, из-за непримиримой позиции курдов в отношении исламистов. Собственно курдский вопрос во многом и стал камнем преткновения для участия каирской группы в Женеве. Поначалу группа бойкотировала переговоры из-за того, что против представителей каирских курдов выступили члены эр-риядской группы. Но позднее лидер каирской группы Хейсам Манна и лидер каирских курдов Салех Муслим решили отправиться в Женеву в составе московской группы.

Московскую группу возглавляет бывший вице-премьер Сирии Кадри Джамиль. Она возникла в результате работы Комитета национального диалога, а также переговорных процессов Москва-1 и Москва-2, проходивших

весной 2015 года. Сам комитет был сформирован в 2012 году в Тегеране и включал в себя Народный фронт за перемены и освобождение Сирии Кадри Джамиля, Сирийскую национал-социальную партию, курдскую Молодежную партию справедливости и развития, а также представителей Национального прогрессивного фронта – коалиции, созданной в 1972 году под руководством партии «Баас». В эр-риядской группе рассматривают все организации, входящие в Национальный прогрессивный фронт, как карманную оппозицию Башара Асада. Но все-таки недооценивать их оппозиционный потенциал было бы недальновидно. В момент политического кризиса они могут сыграть заметную роль, что уже продемонстрировал пример Кадри Джамиля и Рийада Хиджаба. Здесь можно вспомнить, как в Польше в 1989 году на сторону «Солидарности» неожиданно перешли две, казалось бы, карманные оппозиционные партии, что привело к бескровной потере власти польскими коммунистами.

Помимо трех перечисленных, в Швейцарию прибыла еще и четвертая – так называемая хмеймимская группа. Ее представители хоть и не принимали участия в переговорах, но провели встречу со специальным посланником ООН по Сирии Стаффаном де Мистурой, на которой изложили свое видение сирийского урегулирования. Хмеймимская группа была создана в начале марта 2016 г. на российской военной базе Хмеймим и состоит в основном из разных политических активистов, общественных деятелей, журналистов и так далее. Главой хмеймимской группы был выбран Лийан Мусаад, генеральный секретарь партии Национальная конференция, которая выступает за светское государство и установление переходного периода, хотя и не отрицает право Башара Асада на участие в президентских выборах.

Таким образом, размежевание в рядах сирийской оппозиции привело к тому, что уже в самом начале переговоров, стартовавших в Женеве в марте 2016 года, у режима Асада возникли сложности с тем, чтобы опре-

делиться, с кем именно следует вести диалог. Из-за этого одним из главных требований официального Дамаска к Стаффану де Мистуре было определить состав участников с противоположной стороны к следующему раунду, запланированному на апрель 2016 года. Однако к этому времени не только не удалось решить имеющиеся проблемы, но и добавились новые: представители Высшего комитета по переговорам поставили под сомнение будущее женевских переговоров как таковых. И хотя в конце мая Рийад Хиджаб все же допустил возможность возврата эр-рийадской группы за стол переговоров, пока стороны остаются очень далеки от того, чтобы выработать единую позицию по урегулированию сирийского кризиса».

Вот этот, в общем-то, исчерпывающий анализ состояния дел в сирийской оппозиции на тот период четко демонстрировал, что добиться какого-то прогресса исключительно на женевском формате переговоров было практически невозможно просто в силу яркого акцентирования разновекторных позиций сторон, на нем присутствующих. Вообще с учетом фрагментации сирийской оппозиции надеяться на формирование какого-то единого партнера по переговорам было в высшей степени наивно. Поэтому возникает закономерный вопрос: а зачем Россия вообще участвовала в этом формате? По нескольким причинам. Во-первых, такой формат в любом случае делал именно ООН главным куратором переговорного процесса, что было принципиальным условием Москвы в силу попыток тех же США нивелировать окончательно потенциал этой организации и перевести управление основными мировыми кризисами в «ручной режим». Этот же аспект позволял Москве как постоянному члену Совета Безопасности ООН влиять на указанный процесс через свое представительство в данной организации и всерьез сделать заявку на восстановление «многополярной модели мирового устройства».

Во-вторых, женевский формат вынудил США признать необходимость разделения оппозиции на умеренную,

с кем, собственно, можно вести переговоры, и радикальную, которая находится вне закона. С учетом доминирования исламистского сегмента в сопротивлении, к чему сами американцы приложили руку своей беззубой политикой, это резко сужало поле для политических маневров Вашингтона в рамках поддержки какой-то весомой группы «на земле». Этим обстоятельством необходимости разделения «мух и котлет» Москва постоянно «шпыняла» Вашингтон в рамках консультаций и ставила его в заранее невыгодное положение. «Крыть», как говорится, Вашингтону было нечем. Результатом стал крен США в сторону сирийских курдов с соответствующим резким осложнением взаимоотношений с Турцией. А недопущение образования какого-то внятного альянса между ними на сирийском направлении надо полагать основной задачей российской дипломатии. Как, впрочем, и с КСА, что нивелируется опять же тем самым фактом международного неприятия джихадистской оппозиции в качестве легального игрока на сирийском направлении. Этот же момент вкупе с вынужденным участием ВВС США в боевых действиях в Сирии резко ограничил возможности Вашингтона «шалить» с поставками ярым исламистам современных ПЗРК, что помимо репутационных рисков несло в себе потенциальную угрозу атаки с помощью этих систем на собственные самолеты.

Таким образом, основными и оптимальными на тот период времени являлись переговоры на европейских площадках не с сирийскими интеллектуалами (а именно они составляют большую часть переговорщиков со стороны оппозиции), которые мало кого представляют в Сирии, а с реальными племенными и военными лидерами сопротивления в самой стране. Именно эта схема давала необходимый тогда позитивный результат в деле умиротворения суннитского населения. И именно для этого были организованы переговоры в Астане. «Исламское государство», о могуществе которого много говорили, в реальности является лишь механизмом предоставления

местным суннитским племенам той самой автономии (экономической прежде всего), которую в свое время им не давал ни Дамаск, ни Багдад. Собственно, во многом именно этим обстоятельством объясняется то, что ИГ контролировал до недавнего времени такие обширные территории в Ираке и Сирии. Таким образом, если объяснять совсем просто, суть преодоления кризиса лежит в локальных внутрисирийских переговорах об определении условий консенсуса по вопросам хозяйственной децентрализации, что, в конечном счете, приведет к прогрессу и в Женеве.

При этом предыдущая практика такого рода конфликтов убедительно доказывает один неоспоримый факт. Реальные подвижки в этом процессе начинаются только тогда, когда племенные элиты, с одной стороны, начинают испытывать усталость от постоянных военных действий, а с другой, – когда исчезает или серьезно минимизируется иностранное спонсирование партизанского движения. Классический пример – наша Чечня, где в результате долгого вооруженного сопротивления местная элита смогла консолидироваться и определить приемлемые для себя правила игры. Применительно к Ближнему Востоку – иракская провинция Анбар, в период, когда местные племена в середине 2000-х годов фактически уничтожили сторонников «Аль-Каиды» в обмен на обещания инкорпорировать их в военную и социальную структуру государственного устройства Ирака.

Отсюда простой вопрос, который определяет перспективы успеха внутреннего урегулирования в Сирии на том или ином этапе развития кризиса: насколько местная суннитская элита устала от войны, и стоит ли ожидать прекращения иностранного спонсирования сопротивления. На второй вопрос сразу же ответим отрицательно, поскольку и Катар, и Турция, и КСА будут продолжать финансировать и стимулировать внутренний сегмент сопротивления практически до конца. Тем самым они будут до

последнего цепляться за этот фактор поддержания достаточного уровня своего влияния. Главной в этой связи тогда и сейчас является тема отрыва основной части суннитов от исламистского сегмента оппозиции, который на сегодняшний день является самым мощным и боеспособным. Вопрос заключается в формате переговоров. При этом надо четко отдавать себе отчет в том, что он будет носить во многом локальный и сепаратный характер, что уже на середину 2016 года имело примеры своей эффективности. На тот момент основной упор делался именно на локальные договоренности о нейтралитете с каждым племенем в отдельной области. Причем тогда большинство племенных вождей Сирии находилось в режиме выжидания, чего нельзя сказать о нынешнем моменте. И это обстоятельство убедительно доказывает тот факт, что выбранный алгоритм был определен правильно. Вмешательство российской авиации в сирийские события, безусловно, являлось тем самым ключевым моментом, который этот процесс сдвинул с мертвой точки и вынудил суннитов искать новые пути решения проблемы, но это не общий тренд на сегодняшний день. Тогда ситуация характеризовалась тем, что не все еще было окончательно ясно: насколько пришли русские, смогут ли удержать ситуацию и сохранить режим Б.Асада. Многие тогда просто ждали развязки.

В этой связи суннитской элите предстояло сделать нелегкий выбор. Одно дело участвовать в сепаратных переговорах с правительством по локальным вопросам перемирия, доступа гуманитарной помощи, общего пользования источниками воды и т.п. И другое – выйти на широкий официальный формат и тем самым четко артикулировать свою позицию. Первое – вести диалог с нынешним режимом. И второе – отрезать себя автоматически от возможной спонсорской помощи из-за рубежа. Эта история стоит больших денег. У КСА, Катара и США они есть, у России их в достаточном количестве нет. В этой связи возможно было, конечно, организовать некий сбор мест-

ных элит под эгидой России, который был бы посвящен вопросам поиска путей выхода из кризиса. Но у такого варианта было несколько «минусов», в том числе и главный – суннитская элита на середину 2016 года была не готова к своему активному участию в такого рода массовых мероприятиях. К тому же у многих арабских представителей были и существуют сейчас серьезные предубеждения в отношении «нахождения на одной переговорной площадке» с курдами. И это мнение выработано веками независимо от конфессиональной принадлежности.

С учетом этого обстоятельства упор был сделан на заключении локальных перемирий с отдельно взятыми шейхами племен и полевыми командирами по мере продвижения правительственных войск, а не организации каких-то глобальных переговоров с привлечением к ним максимального количества участников. Как показывает, например, суданская практика умиротворения в Дарфуре, все попытки катарских посредников добиться успеха на переговорах по принципу «все группировки – Хартум» провалились, а вот сепаратные переговоры с каждой группой в отдельности очень даже были результативными. В Сирии была та же ситуация: в оппозиции нет единства, и она фрагментирована и по племенному принципу, и по степени ориентированности на внешнего спонсора, и по основным способам получения экономического продукта.

Успех в проведении переговоров с отдельными фрагментами суннитского сообщества будет стимулировать остальных к диалогу. Таким образом, достижение локальных перемирий между официальным Дамаском и представителями оппозиционных групп являлось и является ключевым условием для прекращения гражданской войны и переходу к мирной жизни. В этой связи интересно признание одного из авторитетных лидеров суннитских племен в провинции Идлиб Ахмада Мубарака, подписавшего с властями соглашение о полном прекращении огня. «В нашем районе

произошло примирение многих деревень – и далеких, и близких. Мы надеемся, что подобные решения будут приниматься по всей стране. Это позволит нам остановить кровопролитие», – заявил Мубарак группе российских журналистов.

Таким образом, практически с самого начала присутствия российского контингента в Сирии, применялась комбинация военных и чисто страноведческих гуманитарных методов, которая имела своей целью, с одной стороны, продемонстрировать местной суннитской элите бесперспективность попытки свержения Б.Асада чисто военным путем, что было чревато постоянным силовым прессингом со стороны ВКС РФ и, соответственно, угрозой необратимых демографических потерь (этот довод, кстати, в числе прочих побудил абсолютное большинство чеченской элиты в свое время пойти на принципиальный альянс с Москвой), с другой – показать перспективу выгоды заключения локальных перемирий, что сопровождалось и сопровождается массированными гуманитарными интервенциями. Всего на сентябрь 2016 года было проведено 1610 гуманитарных акций, общий вес доставленного гуманитарного груза – 2158,1 т. Всего медицинская помощь оказывалась 56 412 жителям, в том числе было сделано более 70 сложных хирургических высокотехнологичных операций. Количество населенных пунктов, присоединившихся к процессу примирения, – 2235. Число вооруженных формирований, заявивших о своей приверженности к принятию и выполнению условий прекращения боевых действий, – 233. За этими цифрами сводки МО РФ стоит очень кропотливая и порою очень опасная работа.

Теперь о переговорах в Астане или по астанинскому формату. В данном случае мы немного забегаем вперед, поскольку первый раунд этого совершенно отличного от женевского формата собрания состоялся в январе 2017 года, что стало возможным исключительно из-за резкой трансформации позиции Анкары в пользу восста-

новления своих отношений с Москвой. Саму по себе эту фазу развития сирийского кризиса мы бы отнесли ко второму этапу присутствия российских военных в Сирии. Но раз мы уже коснулись переговорных форматов в принципе, то без астанинского формата в данном случае не обойтись. Сначала об официальном подтексте этого события. Москва, Анкара и Тегеран создают механизм контроля за прекращением огня в Сирии и по предотвращению возможных провокаций. Об этом говорилось в совместном заявлении России, Турции и Ирана по итогам переговоров по сирийскому урегулированию в Астане.

Документ зачитал министр иностранных дел Казахстана Кайрат Абдрахманов. Мы отмечаем этот момент, так как выбор Астаны в качестве места проведения указанных консультаций и, соответственно, «подтягивания» Казахстана в число активных игроков на сирийском направлении принадлежит в общем-то, представителям российского экспертного сообщества. «Делегации Ирана, России и Турции, согласно совместному заявлению глав МИД 20 декабря 2016 года и заявлению СБ ООН и резолюции 2346, поддерживают начало переговоров между правительством Сирии и вооруженными группами оппозиции в Астане 23–24 января, – говорится в документе. – Мы ценим участие в данных переговорах спецпосланника генерального секретаря ООН по Сирии Стаффана де Мистуры». «Мы подтверждаем приверженность принципам суверенитета, независимости и территориальной целостности САР, ее межэтнический и межконфессиональный характер, – подчеркивается в заявлении. – Мы выражаем уверенность, что военного решения сирийского конфликта нет, урегулирование возможно только в ходе политического процесса на основе резолюции СБ ООН 2254». Россия, Иран и Турция «решили создать трехсторонний механизм для мониторинга полного соблюдения режима перемирия, предотвращения провокаций», – говорится в документе. В нем отмечается, что «решено совместно бороться» с экстремистскими груп-

пировками «Исламское государство» и «Джебхат ан-Нусра» (обе запрещены в РФ), и подчеркивается необходимость того, «чтобы вооруженная оппозиция отделилась от террористов». Стороны также считают Астану «эффективной платформой для прямого диалога между правительством Сирии и оппозицией, что требует резолюция СБ ООН 2254». «Поддерживаем желание вооруженной группы оппозиции участвовать в следующем раунде переговоров, которые пройдут в Женеве 8 февраля», – говорится в заявлении.

Вот, собственно, и весь итог первых межсирийских переговоров в Астане. В данном случае отметим, что оппозиционные группы никакого заявления подписывать не стали. При этом отметим, что подписание ожидалось, но не состоялось по очень прозаичной причине. Подписывая его, оппозиционные группировки, которые участвовали в астанинском формате переговоров, автоматически обязывались воевать с «Джебхат ан-Нусрой», которая на сегодня является крупнейшей вооруженной радикальной группировкой просаудовского толка. При этом Анкара под текстом соглашения подписалась, и это было на том этапе самым важным.

Прежде всего в контексте решения главной задачи – стимулирования дальнейшего расхождения между Эр-Риядом и Анкарой по вопросам тактики и стратегии на сирийском направлении Астана дала осязаемый первый результат на этом векторе. И этот вариант развития событий, безусловно, начал сбываться практически сразу же после окончания первого раунда переговоров. Мы сейчас не будем перечислять основные этапы этого турецко-саудовского противостояния, которое началось именно тогда, после первого раунда Астаны, констатируем только лишь, что в итоге на конец 2017 года практически вся провинция Идлиб уже находилась под контролем «Джебхат ан-Нусры», а крупнейшая протурецкая группировка «Ахрар аш-Шам» была расколота и в своей значительной части перешла под

знамена экстремистской ДН. Это тактическое (но пока никак не стратегическое) поражение Анкары по большому счету можно считать очень важным косвенным итогом Астаны, поскольку одной из существенных задач российской военной дипломатии является как раз блокирование любым способом укрепления саудовско-турецкого альянса. ***Вообще надо полагать важной задачей в рамках любых локальных конфликтов поддержание любой ценой фрагментации не только внутренней вооруженной оппозиции, но и их зарубежных спонсоров.***

Второй важный момент, достигнутый на переговорах в Астане, – это продолжение работы мониторинговой группы трех стран на постоянной основе и с центром в столице Казахстана. То есть продолжает действовать перемирие, и, по нашей оценке, это было одной из главных задач этих переговоров. Если мыслить более глобально, важным было сохранение трио в виде Москвы, Анкары и Тегерана как основных коспонсоров решения сирийского конфликта. Итак, в активе – продолжение режима перемирия, создание постоянной мониторинговой группы с центром в Астане, готовность Турции воевать с «Джебхат ан-Нусрой» и ИГ.

И, наконец, третий момент. Присутствие Тегерана в качестве полноправного коспонсора астанинского формата и тот факт, что представители сирийского режима и приехавшей тогда оппозиции сидели впервые за одним столом. Ничего подобного в женевском формате достигнуть так и не удалось. При этом сразу скажем, что попытки подмены и противопоставления этих двух форматов, что делают некоторые российские политологи, на наш взгляд являются некорректными, поскольку переговоры в Женеве и Астане решают разные задачи, о чем мы уже говорили ранее.

В общем-то, во всей этой истории с переговорами в Астане только на первый непросвещенный взгляд не было никакого смысла. Исходили критики при этом из примитивной сиюминутной логики: зачем повторять

женевский, в принципе, не совсем удачный опыт. Но в данном случае все обстояло несколько иначе. Астана стала именно тем самым форматом, на котором решалась главная задача не только по привлечению в прямой ход переговоров Анкары как одной из ведущих сил на севере страны, но и проверка в деле ее потенциала в Сирии в рамках контроля и влияния на подавляющее большинство сегмента сопротивления. То есть насколько турки могли бы обеспечить подавляющий режим перемирия и перехода к конструктивным переговорам по конкретным вопросам будущего обустройства Сирии. В общем-то, такой вывод напрашивался в результате, например, успешного участия Турции в вопросах соглашения об эвакуации боевиков из Восточного Алеппо, о чем мы поговорим отдельно. Но, как оказалось, потенциал Анкары в этом контексте оказался преувеличенным, а успех в рамках эвакуации боевиков из Алеппо был во многом обусловлен заинтересованностью в этом Эр-Рияда, который спасал таким образом костяк своих группировок и перебросил их в Идлиб, но при этом еще и обвинил в сдаче Восточного Алеппо именно турок. Но тогда саудовцы делали это именно в рамках начавшейся конкурентной борьбы.

Анкара еще на протяжении пяти раундов астанинского формата пыталась переломить ситуацию и доказать свою потенцию в рамках убеждения повстанцев сесть за стол переговоров в общем-то со сравнительно невнятными итогами. И кончилось это окончательным размежеванием вооруженной оппозиции и неожиданным смещением центра консультаций с оси Москва – Тегеран – Анкара на ось Москва – КСА. Ну и, естественно, обострением внутривидовой борьбы между Саудовской Аравией и Катаром – Турцией, что, безусловно, отвечает российским интересам. Но об этом позже. Пока же отметим, что астанинский формат не без труда, но состоялся как формат именно практических договоренностей «на земле» с тем набором участников, который был оптимальным для этого. И данный момент, в конечном счете, сыграл свою роль.

В связи с окончанием первого и, как мы показали, в общем успешного раунда межсирийских переговоров в Астане интересно проанализировать американскую реакцию на это событие. Официально это звучит следующим образом. США приветствовали решение о создании механизма по контролю за перемирием в Сирии, достигнутое на переговорах в Астане. Как заявил тогда ТАСС и.о. начальника пресс-службы Госдепартамента США Марк Тонер, американская администрация «видела объявление России, Турции и Ирана об их намерении установить механизм по обеспечению текущего прекращения огня в Сирии». «Насколько мы понимаем, ООН также выразила желание играть мониторинговую роль. Мы приветствуем действия, направленные на то, чтобы устойчивым образом обеспечить деэскалацию насилия и уменьшить масштабы страданий в Сирии», – подчеркнул официальный представитель внешнеполитического ведомства США. По его словам, Вашингтон призывает Москву, Анкару и Тегеран «оказать давление на (правящий в Дамаске) режим, а также на силы, поддерживающие его, и на оппозицию», чтобы те «соблюдали прекращение огня в целях создания атмосферы, в большей степени способствующей межсирийским политическим дискуссиям». «Мы ждем возобновления межсирийских переговоров под эгидой ООН между режимом и оппозиционными группировками – в соответствии с *резолюцией Совета Безопасности ООН 2254*», – добавил М.Тонер. **В общем-то, по последнему моменту можно сделать вывод о глухом раздражении американцев самим фактом межсирийских переговоров, которые не подразумевали с самого начала какой-то активной роли Вашингтона.** Это подтверждают выводы американских аналитиков, которые не были связаны дипломатическими условностями. Они звучали намного резче. Общий и глобальный вывод – переговоры не могли достигнуть какого-то ощутимого успеха по нескольким причинам.

Первая и основная. Оппозиция раздроблена, большинство из фракций не присутствовало в Астане. По оцен-

кам американцев, присутствующие группы оппозиции представляют не более одной трети совокупного объема антиасадовских сил. При этом большое желание договориться демонстрируют в большей степени Москва, Тегеран и Анкара, нежели представители оппозиции. (От себя заметим, что это является главной ошибкой американцев. В данном случае – придание вооруженной оппозиции ореола некой самостоятельной силы, которая сама выбирает свою тактику действий. Без оружия и финансирования вся эта повстанческая фронда фрагментируется и передерется между собой очень быстро). При этом Дамаск, по оценке американцев, при поддержке Тегерана демонстрирует стремление добиться окончания конфликта чисто силовым путем, что автоматически сокращает поле для маневра и достижения договоренности с оппозицией. ***При этом американские аналитики подчеркивают, что 2016 год стал самым тяжелым для противников режима Б.Асада в Сирии, которые потерпели ряд очень чувствительных поражений в Дераа, под Дамаском и, конечно же, в Алеппо.***

По мнению американских аналитиков, антиасадовские силы столкнулись с резким уменьшением материально-технической помощи от зарубежных спонсоров за все время кризиса. При этом американцы оценивали этот уровень «как критический» и также сетовали на то, что пресловутый «план Б» Вашингтона, которым всех пугал тогдашний госсекретарь Дж.Керри, так и не был осуществлен. Честно говоря, по нашей оценке, он и не мог быть реализован, поскольку подразумевал, судя по утечкам в СМИ, прямое вооруженное вмешательство США и поставку оружия явным джихадистам. В то время подпитка антиасадовских сил со стороны американцев вообще была близка к нулю, и, по тогдашним оценкам Пентагона, надежды на возобновление программы поддержки были иллюзорны. Свернулись и все программы ЦРУ США на этом направлении. Все американские силовики ждали

каких-то целевых указаний от новой администрации Д.Трампа и находились на распутье.

При этом три фактора тогда ускоряли фрагментацию и ослабление оппозиции: активизация внутривидовой борьбы; дискуссии и споры между основными спонсорами (на наш взгляд, вещи между собой прочно взаимосвязанные); нанесение американцами авиаударов по «Джебхат ан-Нусре» в Идлибе. Что же касается внутривидовой борьбы между разными оппозиционными группами, то американцы указывали на следующие основные узлы взаимных претензий: это обвинение со стороны Эр-Рияда через лояльных ей полевых командиров в адрес Анкары в том, что отвлечение значительных ресурсов на операцию «Щит Евфрата» привело к сдаче Алеппо. Вообще вся эта операция подвергается растущей критике со стороны командования «Джебхат ан-Нусры». И в этом кроется очень важный поворотный пункт начала серьезного кризиса интересов Эр-Рияда и Анкары на сирийском направлении. И именно эту тенденцию Россия тогда уловила и стала всячески укреплять и развивать, в том числе и через астанинский формат. А вот американцы вновь не смогли разглядеть все «подводные камни», которые этот процесс заложил в дело раздробления единой позиции международных спонсоров исламистов. И вот на этой оптимистичной точке закончим наш анализ военных, политических и страноведческих методов влияния России на сирийский конфликт на первом этапе российской военной операции в Сирии, который, по нашей оценке, окончился именно в декабре 2016 года, когда была завершена операция по взятию Восточного Алеппо, на чем надо остановиться отдельно.

Глава 3.

ДЕЙСТВИЯ РОССИИ НА ВТОРОМ ЭТАПЕ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ В СИРИИ

Прежде чем перейти к действиям России на втором этапе военной операции в Сирии, вернемся немного назад к истории битвы за Восточное Алеппо. Если брать совсем упрощенно, подготовка и реализация этого наступления была главной и приоритетной задачей Москвы после ввода российского контингента в Сирию просто в силу того, что помимо чисто военного стратегического аспекта контроль над этим городом рушил (или, по крайней мере, подламывал самым серьезным образом) планы сирийского сопротивления и его зарубежных спонсоров в рамках реализации планов свержения режима Б.Асада чисто военным путем, используя для этого отработанные в Ливии лекала. Напомним, что там сначала оппозиция захватила один из ключевых городов страны Бенгази, и уже оттуда она стала осуществлять дальнейшую силовую экспансию. В этой связи выбор в пользу Алеппо был не случайным. Этот город, который считается «торговой столицей» страны и, безусловно, находится на стратегическом логистическом участке, последним примкнул к восстанию, на что турецкие и саудовские эмиссары затратили много сил и средств. С потерей Алеппо Дамаск фактически утрачивал инструменты для сохранения своего влияния на севере страны, и при этом надо учитывать и тот факт, что этот город неофициально полагается Анкарой зоной своих стратегических интересов. Именно в нем, кстати, были до гражданской войны сосредоточены основные центры турецкой текстильной промышленности.

Если брать стратегически, то битва за Восточное Алеппо была битвой за выбор дальнейшего пути развития сирийского кризиса. Это был в случае победы оппозиции, безусловно, военный путь с конечной целью свержения Б.Асада, в противном случае – начало этапа осознания зарубежными спонсорами сопротивления бесперспективности такого сценария и переход на пути поиска компромисса с Москвой в отношении дальнейшего политического будущего Сирии. В этой связи процитируем аналитический обзор интернет-издания «Геополитика» от 2 декабря 2016 года, поскольку, по нашему мнению, в нем очень четко отражены основные итоги этой операции, дана оценка действиям российских военных и отражены ее геополитические последствия. «Операция в крупнейшем городе Сирии Алеппо достойна того, чтобы обсудить ее не только сквозь призму откровенных попыток США из всех сил хвататься за однополярную модель мира. – Модель мира, которая, судя по всему, уже приказала долго жить... Чтобы оценить отношение части общественности, интересующейся происходящим в Сирии, стоит обратить внимание на комментарии положения дел в районе Алеппо двух-трех-месячной давности. Немалое число как специалистов, так и обычных граждан высказывались, мягко говоря, в критичном плане, заявляя о том, что «с момента вступления России в операцию на территории Сирии ничего существенного добиться не удалось». Ну, помогли, мол, сирийским войскам занять Пальмиру, ну, организовали раздачу гуманитарной помощи – и все... Однако операция в Алеппо демонстрирует собой важнейшую деталь, используемую Россией в плане осуществления боевых операций.

Во-первых, никакой горячки в стиле «взять Алеппо к такой-то годовщине такого-то события». Во-вторых, никакой массовой отправки российских военнослужащих и никакого массового их задействования в реальных боевых действиях. Это к тем, кто видел в Сирии «второй Афганистан». В-третьих, что вытекает из второго пункта, –

прагматика при поддержке сирийских вооруженных сил, для которых было организовано не «слепое» вооружение всем, что есть в арсенале самих Вооруженных сил РФ, а продуманная помощь, включая и помощь самого настоящего психологического характера. Ведь сирийским войскам сама информация о том, что с их стороны в воздухе звено российских фронтовых бомбардировщиков, могла оказать не меньшую поддержку, нежели прямая поставка оружия к линии фронта. Алеппо освобождают от террористических группировок не кавалерийским наскоком, а так, что это создает максимум возможностей для сохранения жизни как гражданским лицам, так и самим наступающим. Это же создает и максимум проблем боевикам, привыкшим прикрываться женщинами, стариками и детьми, как живым щитом.

В плане операции – перерезание основных артерий снабжения террористов в крупнейшем сирийском городе, причем на фоне предоставления возможности последним сложить оружие, выйти через «коридоры очищения» и приобщиться к нормальной жизни. До тех, из кого западные спонсоры и династические кукловоды монархий Залива, фактически вылепили основные группы для ведения боевых действий, было доходчиво доведено: вы можете и дальше ожидать поблажек от упомянутых спонсоров, но те в любой момент могут вас кинуть. Сначала информация как-то не принимала «бородатых мальчиков». Не принимала, когда еще хватало и оружия, и боеприпасов, и топлива, и срочных телеграмм из-за океана в стиле «Большой Брат с вами зпт Асаду конец тчк». Потом, когда все попытки контратаковать позиции сирийской армии в Алеппо были «обнулены», и когда единый фронт боевиков перестал существовать с одновременным выстраиванием непреодолимых барьеров для подкрепления из того же Идлиба, «бородатые мальчики» начали задумываться о своей дальнейшей судьбе куда более активно. Ситуация для них уже реально свелась к выбору: выход без оружия, признание поражения, но при этом жизнь или же

песчаная яма где-то в юго-восточной части города с фрагментами «умеренно оппозиционного» тельца. Интересно то, что называющие себя «истовыми мусульманами» вдруг как-то, щелк, и перестали мечтать о попадании к девственным пышногрудым гуриям и столам, полным яств. Свои жены показались вполне-вполне..., а отобранная у мирных жителей российская гуманитарка с тушенкой и крупами Центрального Черноземья на вкус превосходила все мечтанья о яствах райских куш... Квинтэссенцией уникальности российской операции в Алеппо становятся вполне, если можно так выразиться, осязаемые сепаратные переговоры боевиков, называемых Западом умеренной оппозицией, с Россией. Давайте отмотаем время на несколько месяцев назад. Что мы с вами вспомним? То, как называющие себя «официальными представителями» всевозможных «комитетов спасения», «оппозиционных движений» и прочего, прочего, с пафосом в голосе заявляли, что не хотят иметь никаких дел с «агрессором Россией» и с представителями «кровавого режима Асада» в Женеве. Даже учиняли демарши в стиле «Все собрались, а мы не приехали». Теперь ситуация кардинально поменялась.

Накануне сразу несколько «координаторов оппозиции» подтвердили сведения о том, что они ведут переговоры с Россией. В чем же здесь «сепаратность»? Ну как же... «Бородатые мальчуганы» решили провести эти самые переговоры без согласования с США. По крайней мере, именно такая трактовка была представлена. Значит, посыл РФ о том, что «умеренных» Вашингтон попросту кинул, и сейчас ему точно не до них, явно срабатывает. А это ведь еще и неплохой шанс выйти к инаугурации нового американского президента с дополнительными козырями в руке. Козыри эти могут быть в том (хотя бы чисто гипотетически), что «умеренных», согласившихся на российские условия, чем сохраняющих себе жизнь, вполне можно использовать уже как средство против самих американских «ястребов». Вряд ли могут быть

сомнения относительно того, что в российском координационном центре не достает специалистов, способных объяснить лидерам «сирийской оппозиции» кое-какую информацию. Например, то, что этих «оппозиционеров» просто использовали, и что при тесном сотрудничестве в новом для них формате у них появится уже реальный, а не декларативный, шанс сформировать оппозиционное политическое крыло для участия в открытых и полностью транспарентных выборах в САР. Вот, пожалуйста, бейтесь с Асадом в честной политической борьбе – все условия могут быть для этого созданы. В итоге можно констатировать, что операция в Алеппо (да и в Сирии в целом) – это умная спайка усилий военной мощи и тонкой дипломатической работы. Особенность операции в том, что никто здесь не собирается тянуть одеяло на себя – ни военные, ни политики. И ведь именно это позволяет добиваться наиболее приемлемых как для России, так и для самой Сирии результатов».

От себя добавим следующее. Сначала процитируем постоянного представителя РФ при ЕС Владимира Чижова. «Сирийский город Алеппо освобожден от террористов, а не пал, как сообщают некоторые СМИ», – заявил он по итогам освобождения восточной части города. «Я думаю, вопрос сводится к тому, как каждый из вас видит, что произошло в Алеппо: было ли это освобождение, во что верю я, или это было падение Алеппо, как гласили некоторые заголовки», – сказал он в эфире телерадиовещательной корпорации Би-би-си. В этой связи напомним некоторую хронику событий. Сирийские войска и ополчение с ноября 2016 года перешли в наступление на востоке Алеппо. 16 декабря российский Центр примирения враждующих сторон в Сирии объявил о завершении операции сирийской армии по освобождению подконтрольных боевикам восточных кварталов города. Как сообщили 15 декабря в российском Генштабе, всего от террористов полностью освобождено 105 кварталов общей площадью 78,5 кв. км. В данном случае мы не совсем согласимся

с представителем российской дипломатии. Если абстрагироваться от дипломатической риторики и перейти на чисто военные термины, то Алеппо, несомненно, пал, причем с очень большой скоростью. Именно эти темпы разложения противника и его внутренней деморализации сейчас являются поводом для пристального анализа ведущих спецслужб как Запада, так и КСА. На основе получаемых данных в Эр-Рияде тогда сделали вывод о том, что причиной такого обвального поражения противников режима Б.Асада в Восточном Алеппо стала хорошая работа сирийских спецслужб, которые полностью переиграли своих оппонентов. По тем же сведениям, сирийские спецслужбы, а именно разведка ВВС Сирии под руководством Джамии Хасана осуществляла долгосрочную и планомерную операцию по инфильтрации в осажденный Алеппо «ложных партизанских отрядов», которые на заключительном этапе своими действиями спровоцировали разброд и шатание, а также растущую паранойю у командования боевиков.

По данным источников в ливанских и иорданских спецслужбах, эта операция называлась «Паутина» и началась за несколько месяцев до активной фазы наступления на город. Сирийцы в данном случае координировали свои действия с российской военной разведкой, которая, в свою очередь, получала разведданные о ситуации в Алеппо через возможности радиоразведки и агентуру, внедренную в ряды боевиков. Вообще, помимо чисто разлагающего противника эффекта, эта операция дала возможность правительственным силам вовремя получать информацию о планируемых командованием боевиков наступлениях и принимать упреждающие меры. Во многом благодаря этому провалились и неоднократные попытки прорвать блокаду Восточного Алеппо. Те же источники утверждают, что именно начало разброда в командовании антиасадовских сил, которое было спровоцировано агентурой сирийских спецслужб, во многом подвигло Анкару на организацию срочных переговоров

с Москвой по вопросу налаживания координации по выводу оставшихся в осаде боевиков в Идлиб.

Истина в данных утверждениях, безусловно, присутствует, но мы не стали бы списывать обвальное отступление боевиков исключительно на происки «троянского коня» в лице ложных оппозиционных групп. Мы вообще сомневаемся, что дело обстояло именно таким образом. Создать и легализовать в среде боевиков созданный с «нуля» отряд очень сложно. Каждая группа имеет свою историю и лидеров с репутацией. Появление абсолютно новых отрядов без этих двух компонентов в ограниченном пространстве, которым является осажденный город, однозначно вызовет подозрения с самого начала. В этой связи спецслужбы используют другие способы инфильтрации в ряды противника. А именно тайные переговоры с уже созданными и зарекомендовавшими себя полевыми командирами с целью склонения их к сотрудничеству. Именно так сирийцы действовали под Хомсом и Дамаском. И, убеждены, что такая же тактика была использована и в Восточном Алеппо, и она требует, естественно, многомесячной работы.

При этом надо учитывать тот факт, что такие переговоры о примирении успешно идут уже после осознания обороняющимися бесперспективности дальнейшего ведения боевых действий. С отрядами оппозиции, которые созданы по этническому признаку (те же чеченцы), дело обстоит проще, но все равно внедрение возможно только после серьезной проверки. При этом отметим, что по сведениям того же ЦРУ США, в данном случае активную работу с чеченским сегментом сопротивления в Восточном Алеппо и вообще в целом по Сирии активно ведут эмиссары Р.Кадырова, которые таким образом организовали несколько сдач стратегических участков сирийским правительственным силам фактически без боя. Тем не менее мы более склонны рассматривать целую комбинацию факторов. Помимо агентуры, которая, безусловно, действовала в городе, надо отметить самый главный момент –

это две провалившиеся попытки прорыва блокады Восточного Алеппо, предпринятые командованием «Джебхат ан-Нусры», которые привели к необратимым потерям в живой силе и жесткому дефициту боеприпасов. Именно после этого колеблющимся полевым командирам стала окончательно понятна бесперспективность дальнейшего сопротивления. На кону в случае неудачи у многих стояла не только своя жизнь, но и жизнь их семей, которые находились с ними в городе. Второе – это решение Анкары под давлением курдского фактора и неминуемого поражения отрядов вооруженной оппозиции пойти на сделку с Москвой и путем эвакуации в Идлиб значительной части боевиков в основном из лояльных себе групп сохранить основное ядро суннитского сопротивления. Это позволяет Турции сохранить, с одной стороны, высокую степень своего влияния в Сирии, а с другой, – заручиться российским и сирийским нейтралитетом по вопросу создания своей зоны безопасности между Джараблусом и Аззасом путем взятия под свой контроль Эль-Баба. При этом, воспользовавшись крайним ослаблением просаудовской «Джебхат ан-Нусры», Анкара стремится насытить Идлиб протурецкими группами и окончательно замкнуть оплот антиасадовских сил там на себя. Успех такого мероприятия делает Турцию основным внешним игроком в сирийском конфликте со стороны оппозиции.

Косвенным подтверждением этого стали начавшиеся тогда и продолжающиеся до сих пор вооруженные столкновения между сторонниками просаудовской «Джебхат ан-Нусры» и протурецкой «Ахрар аш-Шам» в Идлибе. Раскол и разброд между боевиками во многом произошел в Алеппо именно по этой линии, и был спровоцирован не действиями агентуры, а именно этим принципиальным решением Анкары. Ну и, конечно, большую роль сыграла агентура влияния сирийских спецслужб из числа примирившихся полевых командиров, которая не только поставляла информацию о намерениях командования осажденных, но и вносила свою лепту в их раскол.

Таким образом, падение Восточного Алеппо открыло новый этап урегулирования сирийского кризиса, в центре которого уже не стоял вопрос о военном поражении Дамаска и уходе Б.Асада. Оформился процесс координации в сирийском вопросе между Москвой, Тегераном и Анкарой. И не в последнюю очередь, в том числе, и по причине огромных потерь в рядах боевиков, которые они понесли во время безуспешных попыток разблокировать своих осажденных в Восточном Алеппо сотоварищей.

Встреча министров иностранных дел и обороны РФ, Турции и Ирана 23 декабря 2016 года в Москве стала прямым итогом поражения антиасадовских сил в Алеппо, кардинально изменила картину в сирийском урегулировании, показав западным странам, что в решении этой проблемы можно обойтись без них. Такое мнение высказал ТАСС один из лидеров сирийского «Народного фронта за перемены и освобождение», представитель «московской группы» сирийской оппозиции Кадри Джамиль. «Вчерашние трехсторонние переговоры очень полезны для урегулирования в Сирии. Это реальные, настоящие игроки на поле. Если эта «тройка» договорится, то большинство проблем можно решить», – сказал он. «Западные партнеры России вели себя лицемерно и нечестно, – продолжил он. – Но встреча «тройки» в Москве изменила картину окончательно и глубоко, она дала понять всем, что можно решить сирийский кризис, если надо, без них. Это самый большой итог московской встречи». В принципе, суть проблемы сирийский оппозиционер ухватил правильно.

Но мы бы обозначили произошедшее прежде всего как свершившийся факт формирования некоего нового формата сирийского урегулирования, который потом получил название астанинского, и одновременно ясный сигнал Западу и Саудовской Аравии об изменившейся конфигурации сил на сирийской площадке. Самая главная «ахиллесова пята» американцев и европейцев в сирийском конфликте – это отсутствие у них реальных позиций

«на земле». Помимо условно сирийских курдов из Партии демократического союза (ПДС), что автоматически выводит их из реальных партнеров Анкары в формате достижения каких-либо договоренностей стратегического характера, им не на кого опереться. «Эр-риядская группа» жизнеспособна лишь до поры существования «Джебхат ан-Нусры», которая поставила себя после заявления об ответственности за убийство российского посла в Турции вне закона. А под этими договоренностями Анкара полагает прежде всего недопущение образования единого курдского анклава от Кобани до Африна, и сохранение своей зоны влияния между Джараблусом и Аззазом. Это на первом этапе, на втором – фактически однозначно можно предположить намерение турецкого руководства добиться такой архитектуры власти в Сирии, в которой сунниты были бы представлены максимально широко.

Американцы полагали тогда, что стремление запустить альтернативную площадку сирийского урегулирования вызвано мотивацией Москвы нащупать опорные точки «выхода из военного противостояния к какому-либо приемлемому политическому решению», что позволит в значительной степени свернуть российское военное присутствие. В данном случае в этом заявлении нет ничего сенсационного, поскольку с самого начала никто в России не делал большого секрета из того, что Москва не собирается решать сирийский конфликт чисто военными методами. И главное, что тогда не осознали американцы, так это момент поиска новых жизнеспособных форматов для того, чтобы это сделать. При этом присутствие Турции в этом новом формате, безусловно, дало импульс к присоединению к переговорному процессу лояльных ей вооруженных группировок, что способно было кардинально изменить ситуацию в Сирии в рамках фрагментации антиасадовских сил и изоляции «Джебхат ан-Нусры».

Именно Турция является основным игроком в сирийском конфликте, без желания которого участие США и Саудовской Аравии в материально-техническом снабжении

противников режима Б.Асада невозможно. По крайней мере, на севере Сирии, но собственно там и сосредоточены сейчас основные очаги конфликта. В этой связи привлечение именно Анкары как партнера по переговорам во много раз имело большее принципиальное значение, чем просто переговоры с Вашингтоном или Эр-Риядом. Основным моментом начала переговоров «тройки» явилось сочетание нескольких факторов. Это пассивная позиция США, которые не достигли никакого прогресса в достижении совместных усилий на сирийском направлении ни с Москвой, ни с Анкарой. В обоих случаях раздавались авансы, которые не отрабатывались и не находили практического воплощения. Это объективно заставляло турецкую и российскую стороны искать прямых контактов. И это, кстати, не вина госсекретаря Джона Керри, это провал Пентагона и министра обороны Эштона Картера, который оказался очень зашоренным политиком. Второе – это, конечно, освобождение Восточного Алеппо, которое, как мы и отмечали ранее, кардинально изменило ситуацию с готовностью различных сторон конфликта как внутри Сирии, так и вне, идти на переговорный процесс. Повторим, что Алеппо – это «точка невозврата» к ситуации, когда свергнуть режим Б.Асада планировалось чисто военным методом.

У политики Москвы в Сирии есть еще один нюанс, о котором мало говорят. Это четкая приверженность принципу «не сдавать своего союзника». Такой подход резко контрастирует с позицией Вашингтона, которую он очень хорошо проиллюстрировал в период «арабской весны». И это, безусловно, увидели и оценили как союзники, так и оппоненты России в регионе Ближнего и Среднего Востока. И это также является важной характеристикой потенциального партнера по переговорам в лице Москвы. И, естественно, дополнительным стимулом для их ведения. В данном случае Москва успешно, уже на ином уровне, применяет тактику «сепаратных договоренностей» с каждой из сторон конфликта, как это делают российские военные «на земле», договариваясь о мире с каждым населенным пунктом или

племенным шейхом отдельно. И, наконец, самое основное: все три страны (Турция, Россия и Иран) принципиально заинтересованы в «подмораживании» конфликта с выходом на долгосрочное перемирие как базис для более предметных договоренностей по сирийскому урегулированию. И в данном случае анализ американцев о том, что Иран де является потенциальным «спойлером» в этом трио и не готов на долгосрочное перемирие, глубоко ошибочно. Как и то, что Тегеран настаивает на сохранении в Сирии присутствия ливанской «Хизбаллы», что очень не нравится Анкаре. Тегеран идет на финансирование присутствия «Хизбаллы» в Сирии, что обходится иранской казне очень дорого, вынужденно, дабы ликвидировать дефицит живой силы правительственных сил. В генеральных планах Тегерана – создание сирийского аналога «Хизбаллы», над чем иранские советники постоянно и усиленно работают. Безусловно, в астанинском формате также присутствует масса своих «подводных камней». Это отношение Анкары лично к Б.Асаду, фактор сирийского суверенитета и т.п. Но эти задачи решаемы, если есть основное – желание сторон договориться по конкретным направлениям. ***Это не всеобъемлющее решение сирийского конфликта, это решение локальной задачи его «подмораживания» с задачей подготовить фундамент для этого всеобъемлющего решения. Вот такие итоги вроде бы чисто военной операции по освобождению Восточного Алеппо.***

В качестве правильности политики Москвы на этом направлении следует напомнить об итогах шестого раунда переговоров в Астане в сентябре 2017 года. Россия, Турция и Иран, как гаранты перемирия в Сирии, объявили о создании четырех зон деэскалации в этой стране. Об этом сообщил министр иностранных дел Казахстана Кайрат Абдрахманов на пленарном заседании международной встречи в Астане по урегулированию ситуации в Сирии. Согласно тексту совместного заявления: «[Страны-гаранты] объявляют о создании зон деэскалации в соответствии с меморандумом от 4 мая 2017 года в Восточной

Гуте, в определенных частях на севере провинции Хомс, в провинции Идлиб и в определенных частях соседних провинций (провинции Латакия, Хама и Алеппо), а также в определенных районах на юге Сирии (на основе инициативы РФ, как гаранта астанинского процесса, с целью обеспечить соблюдение режима прекращения боевых действий, территориальную целостность Сирийской Арабской Республики и продолжать борьбу с терроризмом)». В документе подчеркивается, что создание зон деэскалации является временной мерой. «Снова отмечают, что создание зон деэскалации и полос безопасности является временной мерой, продолжительность которой первоначально составит шесть месяцев с автоматическим продлением на основе консенсуса гарантов», – поясняется в заявлении. «Для оптимизации своих усилий страны-гаранты создают совместный ирано-российско-турецкий координационный центр для согласования действий сил в зонах деэскалации». В документе отмечено, что развертывание сил контроля деэскалации трех стран-гарантов будет проходить на основе карт, согласованных в Анкаре 8 сентября, «и в соответствии с разработанным Совместной рабочей группой по деэскалации Мандатом на развертывание сил контроля деэскалации на временной основе в полосе безопасности в зоне деэскалации в провинции Идлиб и в определенных частях соседних провинций (Латакия, Хама и Алеппо) в целях предотвращения инцидентов и боевых столкновений между конфликтующими сторонами (правительством САР и формированиями вооруженной оппозиции, которые уже присоединились или присоединятся к режиму прекращения боевых действий)». Создание этих четырех зон плюс официальное создание координационного комитета явилось, собственно, главным и ожидаемым итогом этой встречи, которая на этот раз прошла без заметных срывов.

Отметим в этой связи несколько важных итогов. Во-первых, в совместный координационный комитет, который фактически заменяет собой формат ранее существовав-

шей российско-турецкой мониторинговой миссии по перемирию, полноправно и в официальном статусе вошел Иран, что делает его официальным членом переговорного процесса между сирийским режимом и оппозицией. Этот тот самый пункт, против которого ранее категорически выступали все слои вооруженной оппозиции. Если сказать проще, то это была консолидированная позиция ее зарубежных спонсоров в лице Катара, Турции и КСА. Нынешнее положение дел – это, как минимум, официальная уступка со стороны Турции (и Катара) и неофициальная – со стороны КСА. Даже несмотря на глухое и не очень недовольство Вашингтона. Признание Ирана одной из основных сил, участвующих в сирийском конфликте, таким образом, безусловно, надо внести в актив итогов этого раунда переговоров в Астане, поскольку в данном случае те же Эр-Рияд и Анкара в общем-то проигнорировали позицию Вашингтона по этому вопросу. Прежде всего, по той прозаичной причине, что из этого недовольства США ничего нельзя выжать позитивного и конкретного для решения своих насущных проблем в той же Сирии, а дальнейшее игнорирование этого факта автоматически приводит к неконтролируемому росту экспансии Ирана и ливанских шиитов. При этом включение Ирана в число членов координационного комитета официально структурирует рамки его присутствия в Сирии и локализует его.

А это само по себе дает спонсорам оппозиции четкое понимание зон иранской ответственности и границ их присутствия в Сирии с безусловным обязательством Москвы и Тегерана не нарушать их. Во-вторых, придание зонам деэскалации официально признанного двумя сторонами конфликта статуса является фиксацией дислокации их сил на тот момент времени. Естественно, в общем и целом, поскольку существует несколько местных и локальных очагов напряженности в лице полуавтономных вооруженных групп оппозиции, тех же ИГ и «Джебхат ан-Нусры», с которыми еще предстоит разбираться, но основные зоны такого мирного сосуществования ранее воюющих сторон опреде-

лены. Тем самым начинается новый этап в сирийском конфликте, который вполне оправданно можно назвать неким глобальным экспериментом в рамках поиска общего алгоритма выхода из локальных конфликтов. Он заключается в подмораживании вооруженного конфликта путем создания официальных зон присутствия оппозиционных сил с одновременным запуском механизма неформальной племенной и экономической дипломатии между группами населения в этих анклавах и в остальной части страны. Силы спонсоров в данном случае играют роль миротворцев и сил разграничения. Основной упор делается при этом именно на каналы народной дипломатии и способности, если угодно, общества самовосстанавливать нарушенные экономические и социальные связи. Отсюда важность создания местных комитетов по национальному примирению, которые, собственно, и являются официально признанным механизмом такой дипломатии.

При этом от успеха данного процесса напрямую будет зависеть время и прогресс начала каких-то переговоров о более глобальных вещах. Пока время для этого не пришло, на этом этапе стороны конфликта и население должны научиться заново жить в условиях перемирия и наладить горизонтальные торгово-экономические связи. Процесс непростой и чреват как удачей, так и фиаско, отсюда и пока шестимесячный испытательный срок, установленный в соглашении. Но если этот механизм работает, то собственно это будет, пожалуй, первым таким примером того самого принципа, о котором не устают говорить американцы – решения проблем внутри страны силами элит этой самой страны. Правда, у них до сих пор этого не получалось сделать фактически ни в одной зоне локальных конфликтов, в которых они присутствуют.

Создание механизма мониторинга зон и присутствие Анкары в качестве одного из коспонсоров предельно важно и по другой причине. Оно выводит борьбу в этих зонах за право своего доминирования над силами сопротивления между КСА и Турцией на новый виток.

Обе эти страны (одна через представительство в вооруженных группах сопротивления, другая в качестве официального коспонсора Астаны) фактически пошли на предложенную в рамках Астаны схему подмораживания конфликта, что, в общем-то, диктуется с их стороны одним принципиальным соображением. А именно: установлением своего доминирования в этих зонах, что автоматически превращает ту или иную сторону в одного из ведущих игроков в сирийском конфликте. Только при таком условии можно говорить о сохранении того же саудовского присутствия в Сирии в весомой степени. Это сразу вызвало фактическую войну между просаудовскими и протурецкими группами в том же Идлибе. А именно от итога такого внутривидового противостояния в этой провинции будет зависеть самым прямым образом расстановка сил и в других зонах деэскалации, кроме, пожалуй, так называемой «южной». В данном случае Москвой запущен классический пример известной схемы «разделяй и властвуй». Тем более, что саудовская позиция в этой ситуации более уязвима с международной точки зрения: их основной инструмент влияния в лице «Джебхат ан-Нусры» никто полномочным членом переговорного процесса не признает. Но ликвидация этой группировки как явления руками тех же турок или же их кардинальное ослабление как задача-минимум в повестке дня не стоит. И в принципе соглашение в Астане этот процесс только стимулирует. Итоги шестого раунда переговоров в Астане позволяют нам плавно перейти к глобальной теме механизма зон деэскалации, но прежде упомянем еще один аспект действий российских военных на втором этапе военной операции в Сирии. Мы имеем в виду битву за освобождение Пальмиры.

Напомним, что этот город-памятник, который входит в наследие ЮНЕСКО, освобождался сирийскими правительственными силами и российскими военными дважды. 28 марта 2016 года начальник Генерального штаба ВС РФ Валерий Герасимов сообщил, что Пальмира освобождена при участии ВКС РФ, российского спецназа и военных со-

ветников. В этот день в центре Пальмиры в 15:00 по местному времени был поднят государственный флаг Сирии. Согласно распоряжению президента России Владимира Путина, в разминировании города принял участие Международный противоминный центр Вооруженных Сил Российской Федерации, а в реставрации исторических памятников города – Государственный Эрмитаж. Архитектурно-историческую часть Пальмиры российские специалисты полностью разминировали к 21 апреля 2016 года.

Российская авиация в период с 7 по 27 марта в интересах подразделений правительственных войск в районе Пальмиры выполнила около 500 боевых вылетов, в ходе которых по террористам ИГ нанесено более 2000 авиационных ударов. ВКС РФ ежедневно уничтожали автомобильные колонны с боевиками и боеприпасами, которые пытались прорваться в Пальмиру со стороны Ракки и Дейр эз-Зора. 5 мая 2016 года симфонический оркестр Мариинского театра под руководством Валерия Гергиева дал концерт под названием «С молитвой о Пальмире» в древнем амфитеатре Пальмиры, освобожденной сирийской правительственной армией при поддержке российских ВКС от террористической организации ИГ. Концерт был приурочен ко Дню Победы и посвящен памяти казненного боевиками ИГ зрителя Пальмиры Халеда Асаада и российского офицера Героя Российской Федерации Александра Прохоренко, погибшего при освобождении Пальмиры от ИГ.

В декабре 2016 года вновь вспыхнули ожесточенные бои за Пальмиру. По сообщению издания «Аль-Маздар», 11 декабря 2016 года отряды «Исламского государства» взяли под свой контроль Пальмиру и 12 декабря 2016 года продолжили наступление в западном от Пальмиры направлении. По данным издания, террористы также захватили населенные пункты Аль-Байрат и Ад-Давва к западу от Пальмиры и нефтяное месторождение Хайян. По словам Талала Барази, губернатора провинции Хомс, в которой находится Пальмира, из города были эвакуиро-

ваны 80% населения. Подготовка к новому освобождению Пальмиры продолжалась месяц, однако сама операция заняла 24 часа.

Операцию спланировали и руководили ею российские военные советники. Основной вклад в освобождение Пальмиры внесли российская авиация и ССО. 2 марта 2017 года Пальмира была возвращена под контроль правительства Сирии. Такова официальная хронология. Если же брать эту историю применительно к теме нашего анализа, то отметим следующее. ***Участие в том или ином локальном конфликте всегда преследует помимо чисто военной цели, еще и повышение международного престижа страны (в данном случае России). Пальмира – как раз из этой темы. Резонанс от ее освобождения в международном аспекте и поднятия престижа России трудно оценить. Именно в этом случае очень ясно стала видна истинная мотивировка ввода российских войск в эту страну в контексте борьбы с современными «людоедами». После вторичного захвата Пальмиры ИГ приходилось не раз слышать от политологов и даже военных о том, что этот город стратегического военного значения не имеет. Имеет, и гораздо больше, чем военное. Локальный конфликт – это в большей части военно-политическая дипломатия, а в ней нет второстепенных участков. В этой связи надо учитывать, что в обязанности военных, помимо чисто военных задач, входит еще комплекс мер, если перейти на бюрократический язык, «по проведению мероприятий по обеспечению внешнеполитического курса страны». Если еще проще – всегда иметь в виду международный престиж России, вне зависимости от ведомственной принадлежности и функциональных обязанностей. И этот момент надо всегда учитывать Министерству обороны, Генштабу ВС РФ и оперативному командованию российской группы войск в Сирии.***

Теперь о зонах деэскалации в Сирии. Как заявил министр иностранных дел РФ С.Лавров, «В меморандуме от 4 мая 2017 года по итогам международной встречи в Астане идет речь о четырех зонах деэскалации в Сирии: северной в районе Идлиба, чуть севернее Хомса, большей части Восточной Гуты и юго-запада Сирии. Понятно, что на юго-западе без иорданцев и американцев очень трудно о чем-то договариваться. В Астане речь шла о трех других зонах». Безусловно, тема создания зоны на юге Сирии носила одну из приоритетных задач по нескольким причинам. Одна из них – это был реальный переговорный процесс с Вашингтоном, который мог бы послужить неким алгоритмом взаимодействия с американцами на сирийском направлении. Успех создания такой зоны очень серьезным образом нивелировал бы реальность организации США с привлечением Иордании наступления подконтрольных им отрядов оппозиции именно с этого направления. А такое наступление готовилось американцами очень активно, они старались с его помощью решить задачу создания своего плацдарма на юге страны по периметру ирако-сирийской и иордано-сирийской границ с дальнейшим рывком на Дейр эз-Зор. Причем в этих отрядах было много выходцев именно из этой провинции, что, по оценке американских инструкторов, должно было обеспечить блицкриг на фоне достижения договоренностей с местной племенной элитой.

Такие переговоры «о сотрудничестве» велись давно, и американцы даже закидывали на оседание в эту провинцию с этой целью свои агентурные группы из числа местных уроженцев. Кстати, наступление сирийских войск при поддержке российской авиации в направлении Дейр эз-Зора заставило американцев эти группы спешно эвакуировать с помощью вертолетов и спецназа, что стало финальным этапом этих нереализованных замыслов. В рамках этого планировалось использовать не только отряды сирийских повстанцев, которых все это время готовили в двух лагерях на иорданской террито-

рии с помощью американских, британских и других западных инструкторов, но и два батальона иорданского спецназа в качестве силовой поддержки. Успех российско-американских переговоров о создании зоны деэскалации на юге, таким образом, окончательно поставил точку на планах ЦРУ США и Пентагона силовым образом решить этот вопрос.

Окончательно, потому, что иранские инструкторы из КСИР во главе сирийской шиитской милиции несколькими фланговыми ударами сумели выйти на ряде участков к иракской и иорданской границе и тем самым поставили перед американцами и сирийскими оппозиционерами дилемму. Либо договариваться о цивилизованном пути решения этого вопроса с Москвой, либо идти на прямое боевое столкновение с иранцами и сирийскими правительственными силами, за которыми незримо и не очень стояли российские военные. Американцы выбрали второй путь, в том числе и по причине очень невысокого боевого потенциала значительной части подготовленных ими сирийских групп сопротивления. Это, кстати, косвенно подтвердил дальнейший ход событий: после отказа американцев от силового вторжения начался нарастающий процесс перехода повстанцев на сторону Дамаска. Тем более, что Вашингтон официально решил свернуть программы по подготовке и экипировке оппозиционных групп в Сирии. В этой связи полагаем более подробно остановиться на данном моменте, поскольку мотивировки американцев в этом случае очень знаковые. Перед этим, однако, отметим, что создание зоны на юге было жизненно важным аспектом действий Москвы, Тегерана и Дамаска в организации наступления на Дейр эз-Зор, поскольку это высвобождало необходимые силы и средства.

К тому же относительное перемирие на юге уже было достигнуто ранее с использованием системы локальных перемирий и достижения соглашения на эту тему с Аманом, что сыграло свою, безусловно, положительную роль в организации наступления на Восточное Алеппо.

Госсекретарь США Рекс Тиллерсон подробно прокомментировал достигнутые договоренности. Он назвал их «первым признаком того, что США и Россия способны вместе работать в Сирии». Глава Госдепартамента выразил мнение, что этот «первый успешный опыт» может быть «распространен и на другие районы». Тем не менее, по его убеждению, Москва не меньше Вашингтона заинтересована в том, чтобы Сирия стала «стабильной», оставаясь «единой». Суть соглашения предусматривает, что Россия и США обязались обеспечить соблюдение режима прекращения огня всеми группировками, которые базируются в зоне деэскалации на юго-западе Сирии, и гуманитарный доступ туда, а также наладить контакты между находящимися там оппозиционерами и мониторинговым центром, который создается в столице Иордании. Первоначально безопасность вокруг зоны деэскалации будет обеспечиваться российской военной полицией при координации с США и Иорданией. Таким образом, речь на переговорах шла прежде всего о том, что жизненно важно для Вашингтона и в принципе отвечает интересам Москвы. А если говорить проще и оставить за скобками полагающиеся в таких случаях дипломатические обороты, то была достигнута договоренность о попытке узаконить зоны влияния сторон в тех границах, которые они на тот момент контролировали на территории Сирии: со стороны Москвы через сирийские правительственные силы, отряды шиитской милиции и в очень небольшой степени отряды «Хизбаллы»; со стороны Вашингтона – через собственные силы, подразделения иорданского спецназа и лояльные оппозиционные группы, которые в своей массе были подготовлены на базе двух тренировочных лагерей в той же Иордании. Есть еще и бедуинские племена, которые традиционно проживают как на территории Иордании, так и Сирии, но часть из них и так уже примирилась с Дамаском, а часть плохо контролируется тем же Амманом, несмотря на бытующие мнения о том, что они полностью подконтрольны спецслужбам королевства.

Таким образом, был зафиксирован сложившийся на сегодня статус-кво: американцы не могут продвигаться далее по периметру иордано-сирийской границы и расширять границы своего влияния к Дейр эз-Зору (кстати, в том числе, и в связи с тем, что руководимые иранцами сирийские шиитские формирования смогли все-таки на ряде участков выйти на границу с Иорданией и Ираком и тем самым заблокировать такую ползучую экспансию), российская сторона в свою очередь будет через имеющиеся рычаги влияния пытаться убедить иранцев отказаться от практики рейдовых операций непосредственно в той зоне на сирийской территории, где базируются лояльные США группировки. США в данном контексте отказываются от нанесения ударов с воздуха по сирийским правительственным силам и их союзникам. Таким образом, ситуация на юге подмораживается.

Российская военная полиция в данном случае играет роль разграничителя между проиранскими и проамериканскими силами.

Что таким образом получили договаривающиеся стороны? США – гарантии неприкосновенности своего плацдарма в Сирии на юге, что позволяет им в общем-то относительно спокойно заниматься подготовкой лояльных им отрядов оппозиции. Напомним, что именно создание и сохранение двух таких основных плацдармов на юге и севере Сирии полагается Вашингтоном главной задачей приобретения опоры «на земле» и постепенного наращивания своего влияния на сирийском направлении. Россия с союзниками видит в этом перспективы стабилизации ситуации на юге Сирии, что позволяет решать дальнейшие задачи по расширению зон своего контроля в центре и на севере страны, особенно в районе Дейр эз-Зора.

Одновременно за счет перемирия с частью оппозиционных групп и бедуинских племен создается оптимальная база по выдавливанию и нейтрализации в этом районе просаудовских радикальных групп исламистов в лице «Джебхат ан-Нусры». Причем, скорее всего, США согласились если

не на совместные действия в этом направлении, то, по крайней мере, на нейтралитет. При этом Москва отказалась выступать «единым фронтом» с Вашингтоном по вопросу консультаций с Анкарой в деле решения курдской проблемы на севере Сирии в рамках организации зоны деэскалации в Идлибе. Кремль дистанцировался в самой возможной степени от убеждения Анкары принять вариант существования под американской эгидой некой зоны курдского контроля на севере Сирии, включая Ракку, но при этом жестко возражал против возможного наступления протурецких сил на курдский кантон Африн. Это косвенно подтвердил и глава Госдепартамента США Р.Тиллерсон, который заявил, что «Москва, Вашингтон и Амман считают юго-западную часть Сирии «более управляемой» по сравнению с другими территориями охваченной войной страны».

Отказ от давления на Анкару в этом вопросе – безусловно грамотное решение, которое позволяет возложить на США основную тяжесть разрешения всех существующих противоречий с Турцией (ровно по этой причине турецкий президент Р.Т.Эрдоган начал срочно искать встречи с Д.Трампом после его переговоров с российским президентом В.В.Путиным во время встречи G20 в Гамбурге), которые на сегодня не имеют решения по причине кардинальных расхождений между Анкарой и Вашингтоном по курдскому вопросу. И это само по себе является надежной гарантией от того, что на севере Сирии может сложиться американо-турецкий альянс, чего категорически нельзя допускать.

Таким образом, была решена самая главная проблема: Вашингтон был вынужден пойти на договоренности (пусть и локальные) с Москвой. Естественно, в большей степени от безысходности, и в этой ситуации Москва сумела сконцентрировать основной акцент предварительных согласований именно на тех направлениях, которые отвечают в большей степени ее интересам, оставляя Вашингтон в роли догоняющего. Мы подробно остано-

вились на этом моменте, поскольку в данном случае решение американцев пойти на компромисс сыграло свою роль и в аналогичных решениях Саудовской Аравии, которая пошла фактически на такие же соглашения в формате шестого раунда переговоров в Астане двумя месяцами позже в отношении зоны деэскалации в Идлибе, о чем мы уже говорили выше. И задачи при этом Москва решала примерно такие же. К тому же создание таких зон автоматически запускает процесс социально-экономической дипломатии между ними и остальной частью Сирии, что надо полагать основным механизмом налаживания консолидации подавляющей части населения страны в убеждении необходимости выходить из нынешнего кризиса исключительно путем переговоров. Ничто лучше не сможет сделать это, нежели совместное мирное проживание и взаимодействие различных групп населения по самому широкому спектру вопросов, которые определяют их повседневную жизнь. Такие, например, как приведенные в Астане спецпредставителем президента России по Сирии Александром Лавреньевым факты о том, что «студенты из контролируемых боевиками районов Восточной Гуты получили возможность каждый день на специальных автобусах отправляться на учебу в Дамасский университет». Вот именно такие моменты создают и цементируют фундамент для будущего компромисса.

Но в данном случае мы бы все-таки добавили в этот, безусловно, позитивный процесс и «ложку дегтя». Там есть свои «подводные камни», о которых надо все время помнить. Реализация инициативы о создании зон деэскалации в Сирии приведет к размежеванию оппозиции и террористов. Об этом заявил 20 июня 2017 года министр иностранных дел России Сергей Лавров. «В рамках тех усилий, которые предпринимают Россия, Турция и Иран, достигается, если они будут доведены до конца, очень важная цель – полное прекращение боевых действий между правительством Сирии и вооруженной оппозицией,

которая отмежевывалась от террористов, – сказал он. – Если инициативы о зонах деэскалации будут реализованы, то мы будем иметь, наконец-то, впервые ситуацию, когда произойдет размежевание между участниками режима прекращения боевых действий и террористами, а также теми, кто с террористами заодно, если они не хотят присоединяться к прекращению огня». «Этот баланс очень хрупкий. Но если мы все будем честными и руководствоваться целью борьбы с терроризмом, то у нас есть все основания не допустить скатывания ситуации к хаосу и непредсказуемым инцидентам», – подчеркнул С.Лавров.

В связи с этим возникает простой вопрос: что делать с теми террористическими группами, например, «Джебхат ан-Нусрой» (как бы она ни называлась), которые не просто дислоцируются в таких зонах, но в некоторых, как, например, в Идлибе, безусловно доминируют в военном и политическом плане? После переговоров в Астане они фактически приобретают статус «неприкасаемых». Второй вопрос (или, вернее, группа вопросов). Как будет сочетаться статус зоны деэскалации, который подразумевает режим перемирия, с боевыми действиями, которые будут вести в них правительственные силы с применением авиации и артиллерии? Ведь борьба с террористами подразумевает помимо ударов с воздуха, которые еще как-то можно локализовать по принципу «террорист-примилившийся», еще и наземные операции. Сам факт такой операции будет означать, что статус этой самой зоны деэскалации, в общем-то, юридически ничтожен. А кто будет контролировать «освобожденные» от террористов участки в пределах этой зоны? Если это будут сирийская армия и шиитская милиция, то это означает, что границы зоны передвинуты и, соответственно, она сама перестает существовать в пределах, первоначально очерченных в трехстороннем соглашении, основные параметры которого сейчас, как заявляет российский МИД, спешно согласовываются между Россией,

Турцией и Ираном. Или эти территории предполагается передавать под контроль «примирившимся»?

А есть ли уверенность у договаривающихся сторон в боевом потенциале таких «примирившихся»? Смогут ли они удержать эти зоны под своим контролем? Раньше не смогли, например. Более того, умеренных групп оппозиции сейчас просто не существует, они все подмяты или растворены в исламистском сегменте, будь то «Джебхат ан-Нусра» или «Исламское государство». И то, что некоторые из этих групп выступают под самостоятельными названиями, ничего не меняет по сути.

Третий вопрос. Какие критерии размежевания оппозиции и террористов? Кого российская, иранская и сирийская стороны относят к террористам, помимо сторонников «Джебхат ан-Нусры» и ИГ? Тех, кто не присоединился к режиму прекращения огня? Но таковых больше, чем принято считать, и большинство из них поддерживается Анкарой и Дохой. Например, пока вторая по боевому потенциалу и пережившая раскол «Ахрар аш-Шам» не определилась со своим участием во всех этих процессах.

Четвертый вопрос. До какого периода эти группы должны официально объявить о своем участии или неучастии в этом формате, и где и в какой форме это должно произойти? К кому будут относиться силы проамериканской коалиции в лице курдов и арабов на юге и севере Сирии? Как предполагается строить линию поведения по отношению к ним, если они не присоединятся к режиму деэскалации (о чем, собственно, их кураторы в лице американцев уже объявили еще на заре всей этой затеи)?

Пятый вопрос. Означает ли «остановка гражданской войны» в Сирии, о чем, собственно, заявляют российские официальные лица, что сторонники «Джебхат ан-Нусры» и ИГ, и другие силы, которые к перемирию не присоединятся, не являются участниками внутрисирийского конфликта, или по-простому, — гражданской войны? Тогда с кем воевали российские ВКС и их союзники в Сирии все

это время? С иностранными интервентами? Слов нет, все эти группы находятся на довольствии иностранных спонсоров, но без внутреннего недовольства абсолютного большинства суннитского населения Сирии ни о каком подобном кризисе не шло бы речи в принципе.

И собственно кризис в Сирии имеет все признаки настоящей гражданской войны на базе прежде всего межконфессионального конфликта. Именно межконфессиональные противоречия лежат в основе всей нынешней ситуации, и именно этот момент и лежит в основе создания зон деэскалации. Эти зоны правильнее называть резервациями для суннитов. Это к тому, что если мы, как призывает российский министр иностранных дел России, «будем честными», то называть эти зоны деэскалации надо именно так. И примирившихся там очень мало. Туда в основном переправляются в рамках программ «по обмену населением» (опять же по конфессиональному признаку, и об этом мы еще упомянем) те, кто вместе с режимом в Дамаске сосуществовать не хотят. Те, кто хочет, из родного дома в далекий Идлиб не переезжает. Также надо честно признать и факт того, что ни российская, ни сирийская авиация бомбить эти зоны не будут, даже если там начнет вещать главарь ИГ Абу Бакр аль-Багдади с трибуны центральной мечети. То есть сама идея создания таких зон заключается в узаконивании территорий в Сирии, которые практически де-юре (все это будет закреплено соглашением) будут свободны от любого административного контроля и управления со стороны Дамаска. И чем это не раздел страны по конфессиональному признаку? То есть то, что сейчас существует де-факто, будет существовать де-юре. Причем под исламистскими лозунгами. Как в Идлибе, например. ***И в этой связи снова постараемся быть честными и сделаем вывод о том, что сам проект создания таких зон вызван невозможностью сирийской армии и их иранских союзников «на земле» зачистить основные узлы сопротивления в том же***

Идлибе. Поэтому упор делается на то, чтобы, оставшись один на один, различные полевые командиры (а если точнее, то Турция-Катар и Саудовская Аравия) просто перегрызли друг друга в рамках борьбы за военно-политическое доминирование в границах этих зон. Если это будут протурецкие группы, то вроде бы соглашения выполняются. А если это будут просаудовские, или Анкара, Доха и Эр-Рияд снова помирятся? Тогда снова надо будет воевать, и к этому сценарию стоит готовиться уже сейчас.

Теперь еще об одном, наверное, впервые используемом алгоритме в рамках локальных конфликтов, за исключением, пожалуй, событий в бывшей Югославии. Мы имеем в виду переселение населения по конфессиональному признаку. Причем надо отметить, что в большей степени это касается суннитских боевиков и членов их семей. Этот процесс начался в большей степени без предварительного замысла (решение пришло, что называется, в процессе тогдашних российско-турецких консультаций об условиях сдачи Восточного Алеппо). И, в общем-то, после этого такой эксперимент начал применяться повсеместно. Достаточно вспомнить эвакуацию боевиков из-под Дамаска или недавний переезд сторонников «Джебхат ан-Нусры» из Ливана в район ирако-сирийской границы, который так переполошил американцев. При этом все эти противники режима отправляются в Идлиб, который превратился сейчас в основной плацдарм антиасадовских сил. Сам по себе этот алгоритм действий Дамаска нам представляется крайне важным и принципиальным, поскольку он позволяет ликвидировать очаги сопротивления и их тыловую базу. Тем самым зачищается основная сирийская территория, что дает Дамаску определенную уверенность в случае проведения там какого-либо варианта выборов, на чем настаивают в оппозиции.

Снижается и военная активность, что дает возможность на фоне перемирия запустить и механизм локальных

перемирий и племенной дипломатии, о приоритетности чего мы говорили ранее. Но самое главное – с сирийских территорий, которые, согласно установленному замыслу Москвы, Тегерана и Дамаска, должны оставаться под их безусловным контролем, вынужденно-добровольно выселяются радикально настроенные «непримиримые», с которыми договориться по ряду причин невозможно в принципе. Или пока нельзя. Никто не отменяет трансформации сознания, которая подчиняется известному закону классика «бытие определяет сознание». Но для этого нужно наладить это бытие и время. И при этих условиях язык социальной дипломатии будет работать лучше любого Си-эн-эн или «Аль-Джазиры».

Вот такое выселение своих этнических или конфессиональных противников из зон своего контроля является традиционным оружием племенной войны на Востоке. Мы не говорим сейчас, насколько это сочетается вообще с цивилизованными правилами 21 века и европейской культурой, но это полностью отвечает восточной ментальности и понятно арабскому населению. Другой вопрос, что Россия, безусловно, подрихтовала этот обычай племенной войны и ввела данный процесс в мирные рамки. Обычно такие выселения зачастую превращаются в ливанскую Сабру и Шатиллу, боснийскую Сребреницу или Руанду. Собственно, в таких алгоритмах стабилизации ситуации сочетается государственный интерес РФ и довольно архаичные местные обычаи. Их надо знать и учитывать вне зависимости от того, насколько они совпадают с западными представлениями свободы и прав человека, а также использовать в своих интересах с соответственной ликвидацией гуманитарных рисков.

Вообще, прежде чем входить в локальный конфликт в «третьем мире», надо отдавать себе отчет в том, что воевать придется во многом в реалиях 18 века. И главной ошибкой тех же американцев

в рамках их участия в локальных конфликтах было именно стремление не подлаживать ситуацию и местные нравы под свои интересы, а желание сначала сломать их с целью насильственного насаждения норм западной демократии. Это заранее обречено на провал. Даже дети мигрантов, которые вроде бы выросли в новых цивилизационных нормах в странах ЕС, зачастую не могут принять их. И огромное количество представителей этого поколения в рядах ИГ в Сирии и Ираке – достаточно яркое тому подтверждение. В этой связи западные демократии только сейчас осознают, что ущемленное чувство национального достоинства и внутреннее осознание несовершенства своей «истинно правильной религии» (почему тогда неверные придумали и сделали все то, чем с таким удовольствием пользуются «истинные мусульмане», которые мир ничем подобным давно не радуют) легко преодолевают все достоинства и экономические преимущества жизни на Западе. Причем отметим, что в ряды джихадистов в основном попадают люди из числа детей мигрантов, которые, в общем-то, состоялись на Западе как личности. Это как «военный синдром», который достаёт свои жертвы через пять, десять, двадцать лет.

Теперь еще об одном важном эпизоде: наступлении сирийских правительственных сил и их союзников при активной поддержке российских ВКС на фактически последний крупный оплот сторонников ИГ в Дейр эз-Зоре. В момент, когда пишется эта брошюра, бои в этой провинции еще идут, город, в котором идут уличные бои, фактически блокирован, сирийские войска форсировали Евфрат и продолжают двигаться к иракской границе. Таким образом, если мы прибавим к этому еще и «поступательное» наступление проамериканской коалиции на Ракку, полный разгром централизованной инфраструктуры ИГ в Сирии – это вопрос исключительно времени. Этот разгром не только подводит итог второго этапа российской военной операции в Сирии, но и самым серьезным обра-

зом усиливает позиции Москвы в рамках дальнейших международных усилий по выходу из сирийского кризиса. В реальности Россия очень наглядным образом демонстрирует сейчас правильность выбранного ею алгоритма решения подобного рода локальных конфликтов в рамках сохранения стабильности в одном из самых взрывоопасных регионов.

Основой этого подхода стала стратегия, которая за счет концентрации сил на главных направлениях того или иного кризиса компенсирует этим слабость на остальных участках и тем самым обеспечивает прогресс в целом. И, безусловно, такой вариант является очень опасной альтернативой западного подхода к этой проблеме. В данном случае мы имеем в виду прежде всего позицию Вашингтона. Это явный вызов американскому доминированию в этой сфере и очень наглядный пример основных принципов проведения реальной политики для стран региона. Особенно тем, в которых внутривнутриполитическая ситуация не отличается большой стабильностью и чревата социальным взрывом. ***Если угодно, то успех Москвы на сирийском направлении является фактическим поражением доктрины Вашингтона в отношении выработки единой позиции «цивилизованного мира» на глобальный вызов по смене старых политических элит в регионе Ближнего Востока.*** Это тот самый процесс, который называют еще «арабской весной» и который, в общем-то, окончательно дезавуировал роль США как основного архитектора ближневосточной политики просто в силу наглядной демонстрации отсутствия у американцев ясного понимания пружин этого процесса. Помимо невнятной политики по поддержке «Братьев-мусульман» в этом контексте как «единственной силы», способной прийти на смену «недемократичным» и престарелым в большей своей части диктаторам, США ничего предложить не смогли.

С чисто политической и военной точки зрения, помимо очередной дипломатической победы Кремля, восста-

новление контроля правительственных сил над Дейр-эз-Зором окончательно снимает с повестки дня вопрос о будущем режима Б.Асада и вынуждает США и их союзников искать новые алгоритмы своей политики на этом направлении. Если брать глобально, то ни в Вашингтоне, ни в Брюсселе ясной тактики и действий в рамках такого нового подхода нет. А инструменты такой политики в формате оказания влияния на развитие ситуации в Сирии у США более чем скромны. Коалиция «Сил демократической Сирии» (СДС), в общем-то, сильно локализована в общесирийском масштабе воздействия на ситуацию.

Помимо этого, поддержка такой коалиции в лице доминирующих в ней курдов с их сепаратизмом автоматически ставит Вашингтон по другую сторону баррикад в понимании их стратегии со стороны крупнейших региональных стран. Это не только Турция (и дело в данном случае не в личностных характеристиках турецкого президента Р.Т.Эрдогана; противодействие курдскому сепаратизму будет константой любого режима в Турции), но и Иордания, и Иран, и Ирак. А если нет четких инструментов воздействия на ситуацию путем распространения экспансии подконтрольных себе военных сил, то остается только вариант международной дискредитации позиции Москвы и Дамаска на публичных площадках и нанесение превентивных ударов по позициям сирийских правительственных сил и их союзников в рамках сдерживания их поступательного движения. Примерно так, как это пытались сделать США на иордано-сирийской границе, стараясь воспрепятствовать продвижению отрядов проиранской шиитской милиции. Такая реакция является наиболее логичной в нынешней ситуации, и она будет превалировать в дальнейших действиях США. К этому надо быть готовым. Особенно с учетом активизации риторики официального Дамаска и Москвы по вопросу международных обоснований пребывания американских войск на сирийской территории. Сама по себе эта тема, кстати, стала в устах министра иностранных дел РФ С.Лаврова абсо-

лютно адекватным ответом на попытки обвинить Москву и Дамаск в военных преступлениях в рамках предстоящих дискуссий в ООН. То есть основной упор в нынешней стратегии Вашингтона в Сирии в условиях безусловного превосходства Москвы в военном компоненте будет сделан на дипломатическом фронте с явным акцентированием реанимации активного участия США во всех форматах переговорного и дискуссионного процессов. И это само по себе ставит перед МИД России новые задачи. Особенно в рамках предстоящих сложных переговоров с американцами о «разделении зон влияния» в Сирии.

Но сейчас о перспективах сохранения ИГ в качестве ведущего игрока на сирийском (и иракском) направлении. Вытеснение из Ирака и Сирии боевиков террористической группировки «Исламское государство» не приведет к ее полной ликвидации. Такое мнение в сентябре 2017 года выразил американский генерал-лейтенант Стивен Таунсенд, который в течение последнего года командовал коалиционными силами, участвующими в операции Inherent Resolve («Непоколебимая решимость») против ИГ. 5 сентября на этом посту его сменил американский генерал-лейтенант Пол Фанк. «Я уверен в том, что мы можем победить в Ираке и Сирии, – отметил С.Таунсенд в интервью еженедельнику «Тайм», – Мы уже далеко продвинулись в деле уничтожения «халифата», отбив у боевиков Мосул, их «столицу» в Ираке. Это самый крупный населенный пункт, который они удерживали на захваченной территории [в Ираке и Сирии]. Мы ведем наступление на город Ракка в Сирии, провозглашенный ими столицей «халифата». «Но я не верю в то, что поражение, нанесенное «халифату», приведет к полной ликвидации ИГ, – продолжил генерал-лейтенант. – Они научились выживать, они выработают новую стратегию, перейдут к повстанческим действиям. Наблюдается существенное их присутствие в интернете, кое-кто называет это даже виртуальным «халифатом». Они будут создавать свои ячейки в других частях мира». «Нам надо нанести поражение их

идее, а не живой силе», – подчеркнул С.Таунсенд. Все-таки надо признать, что участие в реальных боевых действиях очень хорошо прочищает мозги американским генералам.

Но сейчас речь идет не о ставшей уже хорошей традицией для американских политиков и военных способности неожиданно «просветляться» сразу же после отставки, в данном случае более важны реальные перспективы искоренения «Исламского государства» как некоего нового мощного инструмента попыток местных суннитских ближневосточных элит воздействовать на развитие ситуации в мусульманском мире. В общем-то, мы уже сообщали, что ИГ – это далеко не та структура, которая преследует цель создания великого халифата. У многих экспертов и обозревателей создалось устойчивое мнение о том, что основной целью ИГ является мировая экспансия, и в этой связи они стали жертвами соответствующей риторики лидеров этого движения. Между тем ИГ – это сконцентрированная и пассионарная составляющая недовольства суннитского населения и соответственно элит своим существующим положением конкретно в Ираке и Сирии в настоящее время. Кстати, именно этой своей националистической природой ИГ кардинально отличается от просаудовской «Аль-Каиды», которая создавалась для решения задачи распространения саудовского влияния в мировом масштабе. Причем в большей степени это касается именно Ирака.

Свержение Саддама Хусейна сломало существовавшую в этой стране систему баланса сил и отодвинуло суннитов от наиболее весомых рычагов управления экономической и политической жизни страны. Сломали эту систему США своим вторжением, но ничего не предложили суннитской общине взамен. Даже после того, как «старая гвардия» С.Хусейна поверила обещаниям Вашингтона и помогла фактически истребить отряды «Аль-Каиды» в Ираке в свое время. Именно по причине этой патовой ситуации без всякой надежды на ее решение «цивилизованным» путем, то есть инкорпорации представителей

иракских суннитов во власть в полной мере через существующие политические институты, и возникло не без помощи со стороны Катара «Исламское государство», которое, повторим, надо рассматривать как национальное явление по своей природе. В данном случае многочисленные «франшизы» ИГ, которые впоследствии возникли в различных частях мусульманского мира, есть ни что иное, как аналогичные националистические движения той или иной части населения, исповедующего суннитскую ветвь ислама и стремящегося получить свое место под солнцем в рамках установления «справедливого общественного устройства». Никакой связи с инициаторами этого движения в Мосуле или Ракке в рамках финансирования или централизованного управления эти «франшизы» в своем абсолютном большинстве (за исключением, может быть, только Синая в Египте и Ливии, но это совсем другая история) не имели. Их приверженность ИГ и клятвы в верности надо рассматривать исключительно только лишь как попытку их вождей получить солидный бренд, и, что главное, использовать хорошо зарекомендовавший себя алгоритм действий по созданию оптимальной социальной и военной машины. Если говорить совсем грубо, то ИГ – это спор «хозяйствующих субъектов» в большей мере, поскольку попытка войти во власть автоматически связана с попыткой получить свой кусок экономического пирога. Джихадистская оболочка этого явления ничего в принципе не меняет. Иного просто и быть не могло, поскольку любому движению нужна общенациональная и общемусульманская идеология вне деления на коммунистов или националистов. Помимо исламистской доктрины и противопоставления старой «справедливой» модели устройства государства (насколько она была «справедливой» уже за давностью лет никто рассказать не сможет) насквозь коррумпированным нынешним государствам Арабского Востока.

Кроме того, чисто халифатская риторика помогала обеспечить приток иностранных добровольцев в ряды ИГ,

что являлось первостепенной задачей. Под чисто националистическую идею воевать из-за границы никто просто бы не пошел. И в данном случае мы укажем американскому генералу на то, что более половины личного состава ИГ – это иностранцы. А это значит, что их приток обеспечен прежде всего деньгами и в очень малой степени фанатизмом. Таким образом, лишение ИГ финансовой достаточности, что сейчас и происходит по факту путем вытеснения его с наиболее реперных точек типа нефтяных полей, ирригационных сооружений, водных и сухопутных логистических артерий, и является основой победы над этим явлением в принципе. Ровно по этой причине сторонники ИГ в основу своей деятельности и ставили цель установления контроля прежде всего над выгодными с экономической точки зрения территориями Ирака. Да и в Сирию они вторглись в большей степени для того, чтобы получить альтернативный от Багдада путь получения материально-технической поддержки, экспорта углеводородов и самой широкой контрабанды. Это легко можно увидеть по направлениям их военной экспансии. Партизаны без серьезной финансовой подпитки не могут влиять на умонастроения людей и создавать привлекательную экономическую модель. Для этого им нужна территория и легальная власть. Нападать из-за угла, конечно, могут, но не привлекать тем самым под свои знамена в массовом порядке новых рекрутов из-за границы. Остаются еще иностранные спонсоры, но ИГ настолько себя уже скомпрометировало на сегодня, что этот проект для них в лице прежде всего Катара и Турции закрыт с этой точки зрения. ***В этой связи констатируем, что ключ решения проблемы ИГ лежит главным образом в экономической сфере. То есть необходимо лишение этой группы финансовой самодостаточности путем военного поражения и обязательное сопровождение этого реализацией широкой социально-экономической автономии для суннитских районов и элит как в Ираке, так и в Сирии.***

Глава 4.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АМЕРИКАНСКОЙ ПРАКТИКИ УЧАСТИЯ В ЛОКАЛЬНЫХ КОНФЛИКТАХ

Раз мы коснулись в предыдущей главе темы американского опыта участия в локальных конфликтах, то есть смысл остановиться на его основных принципах. **Основной принцип США в данном случае состоит в приоритете политики «сдерживания», а не «нападения».** Ровно по этой причине они два года брали Мосул, долго топтались под Раккой и совершенно не знают, что делать в Афганистане. Если говорить откровенно, то американцы не хотят терять своих военнослужащих в боях. Во всех этих случаях США сталкивались с отсутствием или, как минимум, недостаточностью страноведческой проработки своего участия в конфликте и дефицитом разведданных. С агентурной разведкой и кадрами подготовленных агентов-страноведов у них откровенно плохо. Причем не первое десятилетие. Например, если говорить о вторжении в Ирак, то не надо быть большим провидцем, чтобы понять, что свергая, по сути, суннитский режим, ты одновременно усиливаешь их конфессиональных соперников в лице курдов и шиитов. А в случае с последними никто не удосужился просчитать, что с учетом шиитского Ирана по соседству это однозначно приведет к усилению иранского влияния в Ираке. Ровно так и произошло. В случае с курдами мы сейчас становимся свидетелями интересной интриги с проведением властями в Эрбиле референдума о независимости Иракского Курдистана, что закономерно вызывает панику у соседей Ирака и грозит запу-

стить региональный парад суверенитетов. Вот цена такого рода ошибок в чисто страноведческих оценках, которые надо не только заказывать у экспертного сообщества накануне таких серьезных действий, но еще и научиться их изучать и делать из предоставленной информации выводы. И понимать, что менталитет тех же курдов или шиитов ничем не отличается от менталитета суннитов. Они также будут бороться за монополию своего доминирования во власти и контроль над экономическими рычагами и не пускать на эту поляну никого постороннего. То есть в действиях Вашингтона во всех локальных конфликтах отсутствовало ясное понимание своего «второго шага», которое опиралось при этом, если перефразировать, на всемогущую руку «демократических институтов», которая сама все решит и выправит.

В этой связи, видимо, есть смысл коснуться новой стратегии президента США Д.Трампа в рамках противодействия исламскому терроризму в глобальном масштабе. США и арабские страны зоны Персидского залива намерены наращивать усилия в борьбе с терроризмом и вместе противостоять политике, с их точки зрения, вмешательства Ирана в дела государств региона. Об этом говорится в итоговом коммюнике прошедшего в Эр-Рияде в мае 2017 года саммита Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ: Бахрейн, Катар, Кувейт, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия), в котором принял участие президент США Дональд Трамп. Согласно выдержкам из документа, которые приводит телеканал «Аль-Арабия», США и аравийские монархии «решительно осуждают вмешательство Ирана в дела региона». Встреча лидеров шести стран, входящих в ССАГПЗ, с главой Белого дома прошла 21 мая в закрытом для СМИ режиме. Стороны выступили за «совместные действия по сокращению межконфессиональной напряженности и региональной нестабильности» и «наращивание совместных действий для искоренения группировки "Исламское государство"». В этом контексте достигнута договоренность о проведе-

нии раз в полгода заседаний в формате США – ССАГПЗ, посвященных совместной борьбе с терроризмом.

Вашингтон подтвердил «приверженность защите стран ССАГПЗ от любых угроз», выразил солидарность с опасениями стран региона в связи с «продолжением ракетной программы Ирана», подчеркнув, что она «противоречит резолюциям ООН». Все это, включая и предыдущие заявления Д.Трампа об иранской угрозе, необходимо рассматривать как фиксацию новой политики США на Ближнем Востоке, которая на данном этапе заключается в реанимации старого доброго подхода с опорой на привычных союзников в регионе, которые состоят, в общем-то, из совершенно разновекторных сил в лице КСА, АРЕ и Израиля. Теперь эта схема фактически закреплена де-факто. Именно эти три страны в Вашингтоне рассматривают как тот костяк, вокруг которого, собственно, и будет создаваться новая архитектура безопасности. Насколько она будет дееспособна, покажет время, но мы уже выражали свое сомнение. И оно основывается прежде всего на глубинных, совершенно различных геополитических интересах всех этих трех участников, из которых только двое (КСА и Израиль) разделяют антииранский настрой Вашингтона. Каир по этому вопросу имеет свою точку зрения и его, безусловно, в большей степени волнует активность суннитских «Братьев-мусульман». Есть большие сомнения и в единстве подходов этих стран к проблеме внутрисирийского урегулирования. Если для Эр-Рияда это опора на салафитские суннитские группы с перспективой их инкорпорации во власть на руководящих ролях, то и для Египта, и для Израиля такой вариант не подходит. При этом в принципе говорить о каком-то действенном альянсе КСА и АРЕ с Израилем просто нереально в силу палестинской проблематики. Любой претендент на лидирующие роли в арабской суннитской умме (а в амбициях КСА и АРЕ именно такой «замах») по определению не сможет без кардинальных репутационных рисков заключать какие-либо договоры или принимать участие

в программах по сотрудничеству с Израилем. При этом внутри самих главных региональных игроков существуют непреодолимые политические противоречия. Прежде всего по линии Катар-Турция, ОАЭ-АРЕ и КСА-Катар. Из всего этого следует очень простой вывод: планы Д.Трампа по созданию нового органа коллективной региональной безопасности необходимо полагать фантазиями, и большого внимания им не уделять просто в силу их абсолютной неспособности к практической реализации. В этой связи американцам не остается ничего иного, как опираться в каждом конкретном случае на конкретного союзника без всякой внятной координации между ними. То есть в Йемене работать через КСА и ОАЭ, в Магрибе и районе Африканского Рога – через ОАЭ и АРЕ с сохранением своего неарабского форпоста в виде Израиля.

Эта система ничего нового в себе не таит, она, в общем, под кальку повторяет всю систему американского присутствия в регионе после антишахской революции в Иране. Пожалуй, только Б.Обама пытался на волне «арабской весны» эту систему сдержек и противовесов трансформировать, и она отличалась от предыдущих действий всех американских президентов второй половины 20 века двумя основными моментами: отказом от четко акцентированных союзников стратегического масштаба в виде старых и скомпрометировавших себя региональных сторонников в лице диктаторов с выстраиванием вектора в пользу практически повсеместно пришедших к власти «Братьев-мусульман»; отказом от безусловной блокады Ирана. Если взять суть этой политики, то она в качестве основной задачи преследовала цель воссоздания в регионе баланса сил и противовесов по линии сунниты-шииты, который был бездумно разрушен Дж.Бушем-мл. Теперь вся эта концепция осталась в прошлом, и Д.Трамп старается перейти на старые лекала ближневосточной политики с четкими традиционными ориентирами. Но есть один нюанс. Время сейчас несколько отличается от второй половины 20 века. События «11 сентября» и даль-

нейшее участие американских военных в локальных конфликтах стали своеобразным водоразделом, после которого очень значительная часть американской политической элиты и силового блока более не верят в добрые чувства тех же Саудовской Аравии и Пакистана. Вся предыдущая история участия США в локальных конфликтах малой и средней интенсивности продемонстрировала крайнюю ненадежность этих старых союзников и, более того, выявила крайне неприглядный факт использования ими в качестве основного инструмента влияния именно пресловутый «джихадистский фактор».

И после визита Д.Трампа в Эр-Рияд в этом плане ничего не поменялось, по иному Эр-Рияд действовать просто не может. Тогда это будет просто не КСА, а что-то другое. И с этим моментом новой американской администрации придется воочию столкнуться уже в самое ближайшее время. Сложно предсказать, как на это будет реагировать импульсивный Д.Трамп, но его такие мелочи пока волнуют слабо. Его основной задачей на сегодня остается сохранение своей личной власти в США, где растут истерические настроения об импичменте, и в такой ситуации говорить о выработке какой-то реально внятной стратегии на ближневосточном направлении не приходится. И в данном случае мы снова видим воочию, что профессиональные страноведческие анализы ситуации подменяются чисто коммерческими интересами. По принципу: Иран не будет и не может покупать американское оружие, а КСА может и будет.

Если исходить из таких установок, то никакой региональной эффективной политики проводить будет невозможно. А если ее нет, то это совершенно очевидно будет самым негативным образом влиять на участие американских военных в том или ином локальном конфликте. При этом упор делается прежде всего на увеличении числа собственных военных в той или иной зоне конфликта с целью создания «зонтика безопасности» для лояльных режимов в рамках подготовки национальных

вооруженных сил и их адекватного реагирования на возникающие риски.

Эта тема в большей степени актуальна для Ирака и Афганистана. Пентагон подтвердил в апреле 2017 года, что президент США Дональд Трамп предоставил министерству полномочия изменять ограничения на численность контингента Вооруженных сил государства, дислоцированных в Сирии и Ираке. Об этом сообщил корреспонденту ТАСС 26 апреля сотрудник пресс-службы оборонного ведомства Кристофер Шервуд. «По запросу министра обороны (Джеймса) Мэттиса президент делегировал ему полномочия по управлению ВС в Ираке и Сирии», – отметил он. По словам К.Шервуда, «такое делегирование полномочий» пока не привело к изменению ограничения на численность контингента в этих странах. Такой шаг Д.Трампа «не предвещает изменений в нашей операции в Ираке и Сирии по разгрому ИГ», – пояснил представитель Пентагона. «Наша стратегия продолжает основываться на работе с местными силами и проведении всех операций в Ираке с одобрения иракского правительства», – подчеркнул К.Шервуд. Он отметил, что действия президента сделают военачальников на местах «более мобильными, адаптивными и эффективными в деле поддержки американских партнеров, а также позволят принимать решения, которые принесут пользу» военнослужащим.

В заключение К.Шервуд подчеркнул, что Д.Трамп лишь вернул главе Пентагона его прежние полномочия. «В этом нет ничего нового», – подытожил он. На данный момент в Ираке, по официальным данным, находятся 5 262 американских военнослужащих, а в Сирии – 503. Решение Д.Трампа стало еще одним шагом в расширении полномочий американских военачальников на местах. Сторонники усиления ВС США, в том числе и в Конгрессе, считают, что такой шаг президента позволит более гибко реагировать на непредвиденные события на поле боя. Иракское правительство также настаивает на необходимости военного присутствия США в регионе.

Для начала надо отметить, что Багдад пока такого желания ясно не артикулировал, а желание подзадержаться в Ираке после окончания операции в Мосуле высказывали как раз в Пентагоне. И это был характер зондирования позиции иракских руководителей. С учетом проиранского настроя Багдада и антииранской риторики Вашингтона с этим вопросом могут возникнуть сложности. Особенно, если начнется процесс консолидации с суннитскими племенами и элитой со стороны шиитского руководства Ирака. Если не с точки зрения факта самого присутствия войск США, то, по крайней мере, с точки зрения их численности. Во-вторых, в Сирии американских военных сейчас не 503, а около 2000, а в Афганистане более 13 000. И это не точные цифры, возможны и небольшие допуски в сторону увеличения. В-третьих, совершенно непонятна логика американских военных, которые трактуют последние по времени распоряжения американского президента исключительно с точки зрения увеличения инициативы местных командиров по переброске военных из одних районов Сирии в другие, где уже стоят американцы. Если бы Д.Трамп еще бы и санкционировал переброску батальонов и рот в объеме одной сирийской провинции или даже всего Ирака в целом, то США не выиграли бы вообще ни одной войны, а президент, возможно, уже бы надорвался.

В данном случае все ясно: Пентагон «дожал» нового хозяина Белого дома на предмет численного увеличения американских военных контингентов в Ираке и Сирии «в зависимости от складывающейся обстановки» при, естественно, ограничении верхнего предела. Некоторые эксперты при этом утверждают, что количество военнослужащих США в той же Сирии может быть увеличено вдвое. Позже была обнародована и новая стратегия по Афганистану, в которой также не было ничего принципиально нового. Все тот же принцип «еще одного батальона» с полным забвением страноведческих нюансов. Президент США Д.Трамп вступает на опасную дорожку

своих предшественников, которые согласно закону Паркинсона, неуклонно втягивались в латентные конфликты, поддаваясь на заверения своих генералов, типа «вот введем еще один батальон, и победа не заставит себя ждать». Так было и во Вьетнаме, так было и в Ираке, так сейчас есть в Афганистане. То же самое мы видим сейчас в Сирии.

На самом деле прежняя администрация, в том числе и ее силовой блок, очень четко оценивали все риски такой схемы, и именно поэтому так неохотно Б.Обама соглашался даже на минимальное увеличение контингентов в горячих точках, и именно по этой причине прежнее руководство Пентагона (особенно Р.Гейтс) настаивали на жестких сроках окончания той или иной операции и четком просчитывании задействованных сил и средств. И в данном случае США «как пони» бегают по кругу, повторяя в той или иной модификации старые и не оправдавшие себя алгоритмы действий. Все это накладывается на боязнь людских потерь, отсутствие нужной локальной инициативности американских военных и полное незнание местных реалий. Скажите, почему введение трех тысяч дополнительных американских военных в тот же Афганистан должно коренным образом сдвинуть с «мертвой точки» процесс подготовки национальных кадров? Эти кадры готовят уже десять лет, и при этом, по оценкам самих американцев, боеспособных частей там менее 30%. При этом в начале конфликтов и в Ираке, и в Афганистане американских военных и их союзников по НАТО там было за сто тысяч. Значит, дело не в численности инструкторов, а в чем-то другом.

Сирийский опыт участия российской армии в локальном конфликте дает частичный ответ на этот вопрос: успех в данном случае лежит в плоскости мотивации национальных вооруженных сил. Если этот принцип применить к восточным реалиям, которые американцы пытаются игнорировать, то именно вопрос биологического выживания той или иной конфессии или национальной группы

становится определяющим с точки зрения мотивации на борьбу. Боеспособность нынешней сирийской армии состоит как раз в том, что там сейчас аккумулированы представители тех конфессий и национальных групп, для которых победа суннитских радикалов подобна смерти. Для них и их семей. А это самая лучшая мотивировка, даже лучше денег. И в данном случае важно не количество солдат, а их настрой и качество. К тому же повторим главное правило успешного решения локальных конфликтов. Его сформулировал Наполеон: «Со штыками можно делать все, что угодно. Но на них нельзя сидеть».

Иностранные армии в рамках локальных конфликтов решают только одну важную задачу: они стабилизируют ситуацию путем разгрома основных узлов сопротивления и тем самым убеждают спонсоров того или иного повстанческого движения (а такие существуют практически в каждом локальном конфликте) в бесперспективности дальнейших попыток свержения правящего режима чисто военным путем. То есть создают условия для переговоров и достижения компромисса. С запуском традиционных для того или иного региона механизмов племенной и социальной дипломатии. И вот с этим вопросом, а значит, и конечной целью присутствия американцев в той или иной зоне конфликта откровенно туго.

Лишний раз это продемонстрировал уже отставной директор ЦРУ США Д.Бреннан. Россия применяет в Сирии тактику выжженной земли. С таким утверждением выступил директор Центрального разведывательного управления (ЦРУ) США Джон Бреннан. Он обвинил руководство России в том, что оно на мировой арене «играет по собственным правилам», «не подписывается под теми же правилами», что и США, в том числе применительно к «вооруженным конфликтам». «США никогда бы не стали делать ни в каком из этих военных конфликтов то, что россияне делали в Сирии касательно отчасти использованной ими политики выжженной земли, которая привела к разру-

шениям и смертям тысяч и тысяч мирных жителей», – утверждал Дж.Бреннан в выпущенном в январе 2017 года в эфир интервью телекомпании Пи-би-эс. По его словам, американской разведке было понятно еще до прибытия российского воинского контингента в Сирию, что Москва «не бросит своего давнего союзника», что она собирается приложить больше усилий к «защите этого союзника». США вели переговоры с Россией, стараясь убедить ее в том, что президент Сирии «Башар Асад является частью проблемы», а не «частью (ее) решения», – сказал Бреннан. Однако, считает он, «к сожалению, россияне представили всю оппозицию в качестве террористов». «И поэтому они предприняли эти чрезвычайно смелые и, на мой взгляд, во многих отношениях опрометчивые военные действия, которые привели к гибели столь большого числа сирийцев», – заявил Дж.Бреннан. Данное его заявление следует рассматривать, как «прощальный поклон». При этом рискуем констатировать, что ЦРУ США под руководством кадрового «востоковеда» Дж.Бреннана продемонстрировало практически полную неспособность адекватно реагировать на вызовы и угрозы, приходящие из региона Ближнего Востока. Американская разведка не смогла помочь своему правительству выработать четкий и адекватный алгоритм действий на главный вызов в виде «арабской весны» и практически полностью провалила формат борьбы с исламистской экспансией в Ираке и Сирии.

Справедливости ради надо сказать, что разведка в любом государстве является органом подчиненным, и самостоятельную политику не вырабатывает. Главная вина за «страусиную политику» США, руководство которых предпочитало наблюдать и выжидать, а не действовать, лежит на президенте Бараке Обаме. Но глава разведки всегда и во всех странах обязан предоставлять самую неприятную информацию в ее неотредактированном виде, а Дж.Бреннан грешил «подстраиванием» под официальный курс. При этом директор ЦРУ не смог сделать самого главного, ради чего его, собственно, на этот пост и

назначали, – серьезным образом усилить кадровый потенциал спецслужбы с целью повышения эффективности прежде всего агентурной разведки, а это «ахиллесова пята» вообще западного разведсообщества, и американского в первую очередь. И Дж.Бреннан переломить эту тенденцию не смог.

Теперь по сути его обвинений. Видимо, директор ЦРУ не совсем осознает понятие термина «выжженная земля». И утверждения о «тысячах убитых сирийцев» в результате действий именно российских ВКС мы также оставим на его совести. Все нынешние действия Вашингтона и Дж.Бреннана, в частности, очевидно иллюстрируют нам одно качество ушедшей администрации (да и нынешней) – она не может держать удар и проигрывать. Заявления директора ЦРУ как раз из числа таких обидчивых рефлексий. Всего, в чем он обвиняет Москву, в принципе, как раз и удалось избежать благодаря четко выстроенной схеме действий. Россия в Сирии сумела обойти все те «грабли», на которые усердно наступали американцы в рамках своего участия во всех локальных конфликтах на Ближнем Востоке и Магрибе за последние 30 лет. Москва сумела выбрать самый оптимальный формат своего участия в военных действиях, который, во-первых, смог кардинальным образом переломить ситуацию на поле боя, а во-вторых, практически полностью избежать повторения «афганского варианта». Ничего подобного США продемонстрировать не удалось, и в данном случае возникают вопросы именно к разведке, которая не смогла четко просчитать необходимый минимум силового участия американцев в том или ином конфликте с определением необходимого количества привлекаемых сил и средств. Если еще проще – американская разведка не в состоянии была четко оценить базу лояльного своим действиям населения в той или иной стране, из чего, собственно, и складывается критерий оценки предполагаемого формата участия.

Москва в Сирии ни в коем случае не использовала тактику «выжженной земли», предпочитая воздействие

силовым прессингом на реперные точки суннитской фронды. Это было оптимальной схемой действий с учетом основных принципов «Исламского государства» в отношении суннитского населения и приобретения симпатий и поддержки последнего. Снова повторим, что в основе политики ИГ и «Джебхат ан-Нусры» лежит принцип хозяйственно-социальной автономии местных суннитских племен с гарантией ее защиты со стороны этих организаций. Соответственно удары наносились по самой главной статье дохода племен – экспорту нефти. Одновременно было организовано силовое давление на основные логистические узлы антиасадовских сил в виде опорных пунктов, арсеналов и коммуникаций. Таким образом, не только нивелировался силовой базис боевиков, но достигалась более важная и принципиальная задача – подрывалась база поддержки джихадистов со стороны местных племен, которые лишались и экономических механизмов своего существования, и гарантии своей безопасности. Этот момент позволил запустить процесс мирного урегулирования на сепаратном уровне, то есть с каждым конкретным племенем или группой сопротивления. И эта практика в Сирии полностью себя оправдала. Ничего подобного и внятного американская разведка предложить своему руководству не смогла ни в одном из локальных конфликтов, куда влезали США. В Сирии Москва действовала в рамках перелома настроений в головах местной суннитской элиты, а не тотального уничтожения противника. Для последнего было бы достаточно одной бомбы, но, правда, атомной. И этот перелом в мозгах достигался выстраиванием такой картины, которая не оставляла иллюзий в отношении сохранения спокойной и сытной жизни под опекой джихадистов.

Утверждения о том, что ЦРУ США знало о планах России еще до ввода группы ВКС в Сирию, не соответствуют действительности. Этот момент американская разведка пропустила, как и не смогла просчитать возможные действия РФ на сирийском направлении. Более того,

США не смогли создать в Сирии лояльную себе силу «на земле», хотя такие возможности в самом начале кризиса были. В результате единственным монополистом в сфере сопротивления режиму Б.Асада очень быстро стали исламисты при помощи Саудовской Аравии, Катара и Турции. Это резкое усиление джихадистского сегмента в оппозиции стало еще одним просчетом ЦРУ США. В результате этих ошибок американцы были вынуждены «догонять» Москву, дабы не дать ей возможность стать «главным миротворцем» в Сирии. В результате мы наблюдаем плохо подготовленные и проваленные операции по наступлению на Ракку в Сирии и Мосул в Ираке. Вот таким, собственно, был итог работы Дж.Бреннана. Вспомним еще сетования Б.Обамы «на ошибочные данные разведки на ливийском направлении, которые привели к полной дестабилизации ситуации в этой стране», и картина, в общем, будет почти полной.

И в конце о некоторых «достижениях» американской разведки именно на сирийском направлении, по которым можно сделать глобальный вывод об ее тактике в зонах локальных конфликтов и степени эффективности работы. Согласно ряду данных, которые были опубликованы в начале 2017 года, Пентагон закупил в 2016 году в восточноевропейских странах (Болгарии, Грузии, Румынии, Сербии, Чехии и на Украине) устаревшее вооружение (автоматы АК, гранатометы, минометы) на 71 млн долларов. Американская сторона заявляла, что оружие приобретается для нужд США, на деле переправляла его в Сирию для вооружения отрядов оппозиции и «блокирования боевиков». Считалось, что это должно воспрепятствовать возвращению боевиков в те страны, откуда они прибыли в Сирию «совершать джихад». Первая военная операция США на территории Сирии случилась еще летом 2014 года и закончилась эпическим провалом. В пустыне у Ракки существовала база даже еще не ИГ, а каких-то других агрессивных бородачей, почему-то известная как «лагерь Усамы бен Ладена». На ней удерживалось множество заложников,

среди которых были не только сирийские военнослужащие, но также американские и британские граждане, которых по разным причинам судьба занесла в Сирию.

После долгого анализа обстановки ЦРУ рекомендовало осуществить штурмовую операцию по их освобождению. В начале июля в окрестностях лагеря при поддержке авиации высадились два десятка американских спецназовцев. После трехчасового боя (что само по себе провал; штурмовые операции по освобождению заложников по определению длятся считанные минуты) спецназовцы убили пятерых террористов и захватили абсолютно пустое здание, отдельно стоящее в пустыне. Никаких заложников, высокопоставленных врагов или просто полезных материалов в «лагере бен Ладена» не оказалось. Позже выяснилось, что заложники были вывезены из тюрьмы за сутки до начала операции, что породило множество вопросов к ЦРУ и его агентуре о возможных утечках информации. Через несколько дней Джихади Джон (Мухаммад Эмвази и его «группа трех» – британские арабы, называвшие себя «Битлз» и взявшие псевдонимы «Джон», «Пол» и «Ринго») на телекамеру обезглавил фотографа Джеймса Фоли, журналиста Стивена Сотлоффа, работника гуманитарной миссии Дэвида Хейнса, британского таксиста Алана Хеннинга (работал шофером в той же гуманитарной миссии) и Питера (Абдуррахмана) Кэссига – бывшего американского военнослужащего, также работавшего в некой гуманитарной миссии с базами в Бейруте и Турции, но регулярно проникавшего в Сирию – нелегально и с неясными целями.

Надо сказать, что именно казнь Кэссига вызвала тогда резкую реакцию президента Барака Обамы, который выступил прямо с борта № 1, заявив, что «его (Кэссига) вырвали из наших рядов», что дало основание считать покойного агентом ЦРУ или военной разведки. При этом он был единственным, кто в плену принял ислам и взял себе мусульманское имя. Позже всплыли и другие странные обстоятельства. В частности, стало известно, что

Джихади Джон вел переговоры и с правительством США, и с семьей Джеймса Фоли, требуя то 100, то почему-то 132 миллиона долларов выкупа. В последний раз боевики выходили на связь за неделю до штурмовой операции, но США платить отказались. Официальный представитель Пентагона контр-адмирал Джон Кирби в итоге завуалированно свалил провал на ЦРУ, хотя мог бы и застрелиться вместе с руководством ближневосточного отдела американской разведки. После этого пошло по нарастающей. Начались «наблюдательные полеты» сперва беспилотников, а затем и обычной авиации. Уже осенью президент Обама объявил о намерении бомбить ИГ на территории Сирии и – одновременно – о начале знаменитой программы обучения антиасадовских повстанцев. Но операция «обучить и оснастить» (train & equip) тоже закончилась эпическим провалом. Выбранные по наводке ЦРУ вооруженные группы бесконтрольно получали американское оружие, а затем, уже оснащенные и обученные, организовано перебежали в стан ИГ и «Джебхат ан-Нусры». Их еще долго потом называли «умеренной вооруженной оппозицией». А сотрудники ЦРУ прописались в Иордании и приграничных районах Турции, курируя так называемые центры распределения – системы снабжения того мифа, который несколько лет назывался Сирийской свободной армией и благополучно развалился у всех на глазах.

После провала с ССА ЦРУ решило сделать ставку на курдов – и это оказалось чуть ли не единственным его разумным предложением. Начало мало чем отличалось от предыдущих катастроф. Операция Timber Sycamore («Платан», или, если угодно, «Платановые дрова») была сверхсекретной и санкционированной лично Б.Обамой, а большинство основополагающих бумаг подписаны госсекретарем Хиллари Клинтон. В общих чертах операция повторяет схему, вошедшую в учебники под названием «Иран-контрас», или «афера Оливера Норта». На деньги саудовской разведки на Балканах (в первую очередь в Болгарии и Боснии) тоннами закупалось старое советское

оружие, которое затем переправлялось через Турцию и Иорданию антиасадовским силам в Сирии без разбора по части их убеждений и национальности. Предполагалось, что оружие должно поступать в основном курдам, оборонявшимся тогда от ИГ город Кобани.

Но все быстро вышло из-под контроля. Масштабы хищений поражают. Только в Иордании в ходе операции было похищено оружия и вооружений на миллионы долларов, а черный рынок Ближнего Востока и стран Залива быстро заполнился даже тяжелой техникой. Офицеры разведки скупали «Феррари», а взятки стали брать золотыми слитками – бумажные деньги их уже не интересовали. Частные мелкие дилеры тоже обогащались на глазах и принялись уничтожать друг друга в борьбе за место на рынке. В перестрелке на одной из военных баз в Иордании погибли двое местных офицеров, два американских подрядчика и один гражданин Южной Африки (куда же без них в торговле оружием). Причастных к «Платану» иорданцев пожурили да уволили, но имущество конфисковывать не стали. Такое понимание человеческих слабостей объяснялось тем, что в Эр-Рияде тогда ждали падения режима Б.Асада со дня на день, а там «хоть трава не расти». Теперь все причастные в один голос обвиняют Россию, которая вмешалась и не позволила довести до конца задуманное.

Многие явно затаили недоброе, в том числе и лично Хиллари Клинтон. Ей сильно досталось после того, как кто-то умный вывесил на сайте госзакупок правительства США тендер на поставку тонн вооружений из Болгарии в порты Ташуджу (Турция) и Акаба (Иордания), а Wikileaks начала копаться в этой истории. Считается, что администрация Б.Обамы угробила на поддержку «умеренной оппозиции» и операцию «Платан» примерно полмиллиарда долларов. Вот прекрасный образец действий американских спецслужб и военных в зонах локальных конфликтов. И смеем уверить, что такая же практика продолжается и сейчас. И в данном случае непонятно, чего там больше – бизнеса или борьбы с терроризмом.

Глава 5.

ЧТО ДАЛЬШЕ?

Нынешний этап развития обстановки в Сирии, когда еще идут финальные бои с ИГ за Ракку и Дейр эз-Зор, знаменует собой окончание активной фазы гражданской войны. Разгром сторонников ИГ там – вопрос ближайшего времени. Это совершенно не означает, что локальные стычки, бои местного значения и эпизоды минно-фугасной войны прекратятся. Безусловно, рецидивы на этом направлении будут продолжаться. Также продолжатся операции по блокированию, уничтожению или выдавливанию остаточных групп непримиримой оппозиции из ряда их оплотов под Дамаском, Хомсом и на юге страны, но в данном случае все это не будет идти ни в какое сравнение с напряженностью боевых действий в рамках фронтов и направлений за прошедшие два года.

Основным мотивом предстоящего наиболее долгого и кропотливого этапа будет работа по налаживанию горизонтальных социально-экономических связей среди различных конфессий страны. В этой связи напомним, что главной целью присутствия российской армии в Сирии была стабилизация обстановки в рамках восстановления кадрового и боевого потенциала сирийских вооруженных сил, налаживания необходимой степени координации между Дамаском и его иранскими и ливанскими союзниками в первую очередь, а также огневое прикрытие на земле и в воздухе. Эта задача была выполнена в рекордные по меркам любого локального конфликта сроки – чуть более двух лет, и после разгрома основных очагов структурированного сопротивления по-

встанцев перед любой армией в рамках локального военного конфликта всегда встает вопрос: что делать дальше, поскольку вроде бы прямые военные задачи решены. Эта тема была крайне болезненной для тех же США в Ираке и Афганистане, и после явных провалов на этом направлении в рамках стратегического планирования Пентагон в бытность министром обороны Р.Гейтса стал всегда ставить в качестве обязательного условия участия американских военных в подобного рода конфликтах конечные сроки пребывания армии в такой зоне.

Идея, безусловно, благая, но практически нереализуемая, поскольку локальный конфликт тем и отличается от классической войны, что там не существует классического военного противника, чье сопротивление оканчивается подписанием капитуляции, после чего все организованное сопротивление прекращается. При этом сам локальный конфликт практически всегда вызывается целым комплексом социально-экономических и национальных причин. В этой связи, безусловно, следует трансформировать эту задачу лимитирования пребывания военных в задачу ликвидации на первом этапе основных опорных точек сопротивления с оставлением других кардинальных решений на последующий этап развития конфликта. То есть решения об ограничении контингента или его выводе принимаются только исходя из складывающейся оперативной обстановки.

На практике выйти из любого конфликта гораздо сложнее, чем в него ввязаться просто в силу того, что если бы такие кризисы разрешались благополучно сразу же после разгрома противника в плане его централизованного сопротивления, то нужды в вводе иностранного контингента просто не существовало бы. Речь бы шла в таком случае исключительно о материально-техническом снабжении, в общем-то, боеспособных правительственных сил и помощи им в организации грамотного штабного планирования. Из этого следует только один вывод о том, что закладывать в концепцию своих действий вывод военного

контингента в тот или иной период времени является утопией. Гораздо честнее и эффективнее сразу же обозначать перед политическим руководством страны все существующие риски еще перед началом военной операции. В том числе, и путем донесения мысли о том, что войска будут безусловно в том или ином количестве и качестве присутствовать в зоне конфликта и после разгрома основных центров сопротивления.

При этом отметим, что в настоящее время в Сирии, если мы абстрагируемся от чисто военного компонента, российская группа военных создала оптимальные условия для начала процесса, если не национальной консолидации в глобальном смысле этого слова, то, по крайней мере, для начала процесса диалога между представителями различных конфессий, политических элит и населения. ***И это становится реальным прежде всего по причине того, что в головах зарубежных спонсоров оппозиции окончательно созрело мнение о том, что решение проблемы Асада не может быть реализовано чисто военным путем. Вообще наличие именно такого осознания является основной стратегической задачей армии на первом этапе своего преимущественно силового влияния на ситуацию в зонах локального конфликта.*** Связано это прежде всего с тем обстоятельством, что ни один локальный конфликт не проходит без активного участия в нем тех или иных внешних сил, которые используют одну из противоборствующих сторон (и чаще всего, естественно, оппозицию) для того, чтобы реализовать схему своего присутствия в конфликте в рамках усиления собственного влияния. Например, ни в Афганистане, ни в Ираке, ни в Йемене американцы не смогли добиться своим участием такого коренного воздействия на умы и настроения спонсоров условно противостоящих им сил.

Это особенно очевидно можно наблюдать на афганском примере, где Пентагон пытается решать эту задачу с помощью тупого наращивания воинского контингента, но

при этом абсолютно не старается изменить алгоритм расстановки сил и настроить на перелом сознания в умах спонсоров талибов в лице Пакистана и теперь еще Ирана. То есть попытки выбросить из переговорного процесса о внутриафганском урегулировании двух основных игроков (сюда же справедливо отнести и катарцев, стоящих за возникновением афганского аналога ИГ), которые просто в силу своего географического положения имеют самые серьезные интересы в Афганистане, осуществляются просто за счет силового усиления. Но для того, чтобы убедить спонсоров в бесперспективности силового варианта свержения режима в том же Кабуле, надо активно воздействовать на них чисто силовыми методами. То есть проводить серьезные наступательные операции с нанесением противнику максимального ущерба в живой силе с одновременным воздействием ровно таким же путем на базы и пути их тылового и материально-технического обеспечения. Но вот как раз этого новая стратегия США в Афганистане и не предусматривает, там готовятся в очередной раз сидеть фактически гарнизонами в крупных точках, сдерживать активность талибов ударами с беспилотников и готовить национальные кадры. То, что их готовят уже десять лет и на выходе осознают, что талибы в той или иной степени контролируют до 60% территории и в случае выхода американцев возьмут Кабул самое большее через месяц. То есть, грубо говоря, США занимаются профанацией и имитацией в рамках глобального противостояния исламистскому террору. А на зарубежных спонсоров тех же талибов они пытаются воздействовать через рычаг санкций (как в случае с Ираном и попытками пересмотреть условия сделки по ИЯП) или ограничением прямой военной помощи (как в случае с Пакистаном). При этом речи о каком-то реально эффективном силовом воздействии на талибов в той же «зоне племен» речь не идет, в принципе, просто в силу наличия у Исламабада «ядерной штуки». Другими словами, американцы не предлагают никаких новых алгоритмов вместо своей прежней провальной стратегии.

Если взять два основных варианта реально эффективных действий в Афганистане, то весь выбор между стратегиями заключается либо в капитуляции, либо в массированном наращивании воинского контингента с максимальной блокировкой пакистанской границы и проведением серьезных наступательных операций. Риски такого, в общем-то, «советского алгоритма» известны. Но есть существенная разница между состоянием и степенью боеготовности силового блока Афганистана во времена советского присутствия и нынешнего. Советский Союз сопровождал свою военную составляющую массовой реорганизацией и модернизацией промышленности, социальной инфраструктуры и подготовкой национальных кадров, в том числе и в области безопасности. То есть создавал серьезную прослойку людей, чей социальный лифт вверх был напрямую завязан на тот строй в Кабуле и союз с СССР, в развал которого тогда никто не верил. Американцы делают упор только на силовой компонент, и в их присутствие в стране навсегда и надолго мало кто верит.

В афганской стратегии США и характере их присутствия нет даже «замаха» на долгосрочность, отсюда и перманентные неудачи в формате подготовки местных силовиков. А так как по разным причинам Вашингтон не готов ни к одному из указанных выше сценариев, он занимает промежуточную выжидательную позицию, которая ничего не решает и сохраняет патовое положение. И в этой связи надо, в общем-то, честно признать, что основными моментами контртеррористической деятельности Вашингтона, и сейчас и прежде, являлось достижение с основными спонсорами террора («Аль-Каида» и ИГ соответственно) в лице прежде всего тех же КСА и Катара договоренностей «о ненападении». Что, собственно, и исполняется, поскольку только этим моментом можно объяснить отсутствие каких-либо крупных резонансных терактов на территории США после «11 сентября», а совсем не эффективностью местных служб.

В свою очередь и Вашингтон в большой степени лишь обозначает свое присутствие в зонах кризисов с некими булавочными уколами, которые могут, конечно, отправить на тот свет пару-тройку полевых командиров, но не трогают институты распространения саудовского и катарского влияния в лице крупных террористических групп целиком. Ну и, конечно, списывают при этом огромные суммы на проведение всей этой деятельности, благо печатный станок работает именно в Вашингтоне. Что же касается рекордного госдолга, то это мелочи, и на него можно не обращать внимания. А чтобы не волновать обывателей, можно просто убрать публичную вывеску о его размере с таблоида на Нью-Йоркской бирже. Нарушило эту благость в отношениях США и спонсоров исламистского террора именно начало российской военной операции в Сирии, что просто вынудило американцев влезть «по полной» в Ирак и в ту же Сирию. Опять же в рамках не столько борьбы с терроризмом, сколько в рамках глобального сдерживания России. ***Мы снова коснулись этого аспекта американской стратегии в Афганистане ровно с той целью, чтобы еще раз подчеркнуть абсолютно разноречивые алгоритмы действий России и США в зонах локальных конфликтов. Для Москвы приоритетом является наступательность и стабилизация, для американцев – выжидательность и поддержание некоего статуса-кво.***

Москва же в Сирии продемонстрировала абсолютно иную тактику и сумела минимальными силами и средствами не только нанести военное поражение ИГ, но сломать старые схемы действий в головах стратегов в Эр-Рияде, Дохе и Анкаре. Теперь роль армии состоит именно в сохранении достигнутого с целью стимулирования активизации внутреннего диалога. В этой связи вновь вернемся к переговорным форматам. Напомним, что их на сегодня три: сначала был женевский, затем формат локальных перемирий и астанинский. При этом самым основным на сегодня является локальный, затем по мере

значимости — астанинский и только после этого женевский. То есть они возникали практически ровно наоборот необходимости в них. Но эффективны сначала механизмы традиционной племенной дипломатии с соответствующей гарантией безопасности и гуманитарными интервенциями, затем к ним подключается формат Астаны, который по сути легитимизирует координацию в Сирии основных внешних участников процесса, которые имеют непосредственное прямое влияние на полевых командиров, и определяет зоны их совместной ответственности с разграничением воюющих сторон (зоны деэскалации). И уже после отработки этих механизмов в рамках проверки их эффективности есть смысл говорить о женевском формате, который, в общем-то, должен решать уже глобальные задачи послевоенного устройства Сирии в рамках строительства ее новой политической архитектуры на фоне достижения максимальной степени национального консенсуса.

Повторим еще раз, что в сирийском случае делалось ровно все наоборот, что во многом было определено желанием Москвы в максимально короткие сроки передать сирийский кризис под непосредственный «зонтик» ООН. И в данном варианте больше геополитики, чем реальной практики и целесообразности, поскольку в этом случае просто решалась задача придания этой проблеме характера международной ответственности в пик модели однопольярного принятия решений со стороны США. Вся эта ситуация очень поучительна с точки зрения возможных проектов новой конституции Сирии, необходимость разработки которой усиленно отстаивает российский МИД вкупе со специальным представителем ООН по Сирии Стаффаном де Мистурой. Вбрасывать сейчас проект такой конституции в женевский и астанинский форматы переговоров, по нашей оценке, сильно преждевременно. Именно по той причине, что ни Женева, ни Астана не доказали пока свою жизнеспособность. В случае с Астаной об этом можно будет говорить определенно только после

того, как созданная на ее полях система мониторинга функционирования зон деэскалации докажет свою эффективность. До сих пор в том же женевском формате не удалось решить ни одного серьезного вопроса, и в принципе это является нереальным по причине нежелания сил оппозиции, которые находятся под плотным контролем КСА, вообще о чем-то договариваться.

В этой связи женевский формат пока для оппозиции и ее зарубежных спонсоров играет роль просто площадки для своего международного представительства, и ничего более. ***Поэтому предлагать какой-либо проект новой конституции возможно только тогда, когда в самой Сирии будет достигнуто глобальное и устойчивое перемирие, а сами форматы переговоров начнут в рабочем порядке успешно решать чисто практические вопросы сосуществования отдельных регионов страны с Дамаском. В этой связи принципиальным является успех эксперимента с зонами деэскалации, которые являются неким инструментом будущего существования Сирии в режиме федеративного устройства.*** До этого попытки «загрузить» оппозицию проектами конституции непродуктивны и бессмысленны, поскольку напоминают установку телеги впереди лошади. А это дает критикам российского присутствия в Сирии лишние доводы в пользу своей версии о том, что Москва лихорадочно ищет пути своего достойного выхода из сирийского конфликта.

В природе любого локального конфликта лежат проблемы национального и межконфессионального противоречия. В Сирии – это ярко выраженный элемент суннитско-шиитского противостояния, а значит, пути решения кризиса лежат в плоскости достижения компромисса по разделу властных и социальных полномочий, что и стало основной причиной нынешней гражданской войны. И роль армии в данном случае состоит в содействии этому процессу. Прежде всего с точки зрения гарантии стабильности и пресечения попыток враждебных группи-

ровок со стороны оппозиции сорвать указанный процесс. И этот момент опять позволяет творчески подойти к вопросу численности российской группировки и ее качественного насыщения. ***То есть это дает поле для маневра с численностью, что предельно важно с точки зрения минимизации рисков связывания в долгоиграющий конфликт.*** Этим компонентом вообще можно управлять, причем не только исходя из директив, а прежде всего с учетом целесообразности и эффективности. Очевидно, что основными компонентами такого присутствия на предстоящем этапе будут авиация, ВМФ, а также силы спецназа и военной полиции. При этом не надо забывать и о начале долгосрочной подготовки национальных офицерских кадров в контексте оправки их на учебу в российские учебные заведения. И в данном случае дело не только в поднятии боевого потенциала вооруженных сил Сирии, но и в создании устойчивой прослойки пророссийски настроенного офицерского корпуса. И это справедливо по отношению не только к военной сфере, но и к гражданской.

При этом российской дипломатии и силовикам придется взять на себя вопросы арбитража и посредников: переговоры между суннитской и алавитской элитами наверняка не будут простыми. Просто в силу личности самого Башара Асада и его окружения, которые почувствовали себя победителями, и, возможно, деструктивной роли Тегерана в этом направлении, о чем неустанно говорят на Западе. При этом мы пока большого деструктива не ожидаем. Много в этой связи говорится о стремлении Ирана превратить Сирию в новое теократическое шиитское государство, что, в общем-то, невозможно просто в силу численности алавитов, которые едва дотягивают до двадцати процентов от всей численности населения. Для такого рода попыток эта цифра должна составлять хотя бы шестьдесят. Да и сам Дамаск такой сценарий категорически не устраивает. Возвращаясь к роли Москвы с точки зрения посредника и арбитра в рамках достижения

межконфессионального консенсуса, отметим, что при такой работе категорически не стоит повторять ошибки американцев в том же Ираке. Напомним, как они сначала руками суннитских племен в провинции Анбар ликвидировали сеть «Аль-Каиды», пообещав взамен инкорпорацию местной суннитской милиции в силовую блок Ирака, а затем Вашингтон просто умыл руки, и шиитский Багдад все эти обещания дезавуировал. Отсюда и всплеск суннитского возмущения, кульминацией которого стало возникновение ИГ.

В этой связи снова вернемся к теме зон деэскалации. В перспективе придется довольно плотно и трудно работать над этой темой. Зоны деэскалации в Сирии должны стать прообразом территорий, которые будут сотрудничать между собой и с официальным Дамаском. Об этом заявил президент РФ Владимир Путин по итогам саммита G20 в Гамбурге. «Самое главное – обеспечить в конечном итоге территориальную целостность Сирии, чтобы эти зоны деэскалации были прообразом таких территорий, которые смогли бы и между собой сотрудничать, и с официальным Дамаском», – сказал он, отвечая на вопрос ТАСС. Президент РФ отметил, что соответствующие положения были закреплены и в договоренности с США по зоне деэскалации на юге Сирии. «Мы это утвердили, в том числе и в документах об образовании зоны на юге с выходом на иорданскую границу и прилегающие Голанские высоты», – добавил Путин. Напомним, что принципиальная договоренность по обеспечению перемирия на юге Сирии в рамках находящейся здесь зоны деэскалации была достигнута на встрече президентов РФ и США Владимира Путина и Дональда Трампа 7 июля 2017 года именно на полях саммита G20 в Гамбурге.

Этот принцип «территориальной целостности» не оспаривается никем из ведущих мировых держав и ООН. В этой связи обратим внимание на уточняющую оговорку российского лидера: «в конечном счете». По факту

на сегодня зоны деэскалации остаются без контроля Дамаска со своей системой исполнительной власти и вооруженными силами. И сделано это правильно, исходя из принципа, что «политика – это искусство возможного». На сегодня (сентябрь 2017 года) главное развести конфликтующие стороны при условии сохранения перемирия, которое должно стать устойчивым. Ровно для проверки эффективности этого механизма и обусловлен испытательный срок действия этих зон в полгода. Вопрос в данном случае заключается в том, что делать в случае, если из этих зон (а это прежде всего справедливо в отношении Идлиба, где концентрируются основные силы просаудовской радикальной джихадистской группы «Джебхат ан-Нусра») начнется через некоторое время экспансия непримиримых оппозиционеров. Мы рискуем предположить, что такой вариант развития ситуации практически неизбежен просто в силу глубинных устремлений КСА в Сирии и самой природы джихадистских групп. Их основной механизм действия заключается в принципе велосипеда – на нем нельзя стоять, можно только ехать. Этот сценарий особенно приобретает актуальность в связи с тем, что на фоне самоубийственного отвлекающего удара в конце сентября «Джебхат ан-Нусры» из Идлиба, который был осуществлен исключительно по просьбе американских партнеров, стало ясно, что в Сирии на сегодня уже по факту существует альянс между США и КСА. В данном случае есть только один вариант действий – стимулирование всяческими способами противостояния между просаудовскими и протурецкими группировками с перманентным огневым воздействием на наиболее радикальные группировки. При этом нельзя подходить к опыту функционирования зон деэскалации «скопом», в каждом случае алгоритм взаимодействия с племенами, которые в них проживают, должен быть индивидуальным, и исходить надо не только из местных традиций, но и с учетом настроения их зарубежных спонсоров. В этой связи подчеркнем, что обсу-

дение некоторыми экспертами темы необходимости широкого созыва «всех народов» Сирии для обсуждения будущей политической архитектуры страны в принципе имеет право на жизнь.

Но здесь никогда не надо торопиться (особенно на Востоке) и ставить телегу впереди лошади. Сначала необходимо время для проверки эффективности уже реализованных схем (локальные перемирия, зоны деэскалации, мониторинговые комитеты РФ, Ирана и Турции, и т.п.), и только после того, как будут сделаны необходимые выводы и корректировки, только после того, как заработают горизонтальные социально-экономические связи, вот только после этого можно говорить о созыве какого-то общенародного сирийского собрания. Прежде чем вообще говорить о технических аспектах такого мероприятия, надо четко ответить на вопрос: «Сколько представителей суннитских племен можно привлечь на это собрание?». Если эта цифра менее 80%, то оно просто не имеет никакого смысла.

Россия сейчас развернула на фоне военных успехов широкую программу гуманитарной помощи и реанимации социальной инфраструктуры в разных районах страны. Это, безусловно, правильный вариант действий, но при этом сразу отметим, что в данном случае не надо повторять советский опыт и заниматься сплошной благотворительностью. Вся наша военная и иная помощь должна в обязательном порядке конвертироваться в те или иные выгоды для российского бизнеса и бюджета. В том числе, и в рамках обязательного владения российским бизнесом долями в наиболее перспективных отраслях сирийской экономики. Любая помощь должна потом идти в зачет арендных платежей за использование военных баз в Тартусе и Хмеймиме. Другими словами, экономическому блоку в российском правительстве также придется поучаствовать в сирийской кампании с точки зрения разработки оптимального алгоритма схем взаимозачета и присутствия там российского капитала.

Таким образом, общим алгоритмом действий российской стороны в Сирии после разгрома основных сил ИГ и ликвидации их структурированного сопротивления становится настраивание механизма консолидации между основными группами главных конфессий страны в рамках налаживания горизонтальных социально-экономических связей между ними. В том числе, как через уже существующие инструменты, так и путем создания новых, исходя из складывающейся оперативной обстановки. Группа ВКС и приданные ей силы при таком варианте начинают выполнять роль главного гаранта этих процессов не только через силовое воздействие на непримиримый сегмент оппозиции и радикальные группировки, но и через мониторинговые, посреднические и гуманитарные миссии. И в данном случае военным придется заняться такой деятельностью вплотную просто по причине того, что в существующих сейчас механизмах локальных примирений и функционирования зон деэскалации классическая дипломатия не работает. Она может работать только в условиях Женевы или Астаны, но никак не в Хомсе, Идлибе или Дейр эз-Зоре, что называется «на земле».

«Неожиданный» визит 11 декабря 2017 года в Сирию президента РФ В.В. Путина, который объявил об окончании военной операции в этой стране и частичном выводе российского воинского контингента, четко обозначил окончание первого этапа этой кампании. И безусловно, с предельно позитивными итогами: ситуация в Сирии стабилизирована и разгромлена самая сильная по боевому потенциалу джихадистская оппозиционная группировка в лице «Исламского государства». Без всяких натяжек подчеркнем, что на фоне последних по времени аналогичных опытов тех же США в Ираке или Афганистане российский пример свидетельствует со всей очевидностью, что современные классические армии в рамках локальных

конфликтов безусловно могут успешно действовать и противостоять крупным партизанским формированиям. Более того, они в рамках этих конфликтов в состоянии успешно решать вопрос подготовки всеобъемлющего базиса для мирного выхода из подобного рода кризисов.

В этой связи очень важно подчеркнуть, что армия во время своих действий в таких форматах не решает проблему целиком и полностью, она лишь подготавливает необходимые и оптимальные условия для ее решения. Именно по той причине, что суть решения такого рода конфликтов лежит в определяющей степени в вопросе восстановления или корректировки нарушенной по той или иной причине местной системы баланса сил и противовесов. А восстанавливается она только путем достижения компромисса между различными внутренними элитами. Это мы особенно выделяем в рамках тех критических оценок операции российской армии внутри России или за рубежом, основным смыслом которых является попытка либо обесценить военный успех российской стороны («до окончательного разгрома ИГ еще далеко»), либо попросту украсть его («ИГ разгромили США и их союзники по коалиции»). При этом такого рода оценки противоречат сами себе. Поясним. Вновь напомним, что основным итогом первого этапа военной кампании в Сирии является не разгром «Исламского государства» в том классическом понимании этого слова, который обычно представляют на примере той же гитлеровской Германии. В локальных конфликтах такой сценарий вообще исключен.

ИГ, в принципе, никуда не делось: просто из состояния централизованной структурированности оно перешло в состояние полураспада. То есть в результате действий правительственных сил и их союзников при российской поддержке ИГ потеряло физический контроль над крупными городами, значительной частью нефтяных месторождений, ирригационных сооружений, объектами речной и сухопутной логистики и переместилось в сельские рай-

оны, где бывшие и выжившие сторонники ИГ собственно до сих пор и пребывают в ожидании. Особенно восточнее Евфрата. Но именно это обстоятельство решило важную проблему – ликвидировало внешнюю привлекательность ИГ как нового примера «социального справедливого исламского государства на принципах шариата» и одновременно резко и кардинально минимизировало приток новых рекрутов из-за рубежа в силу отсутствия денег на их содержание.

Если угодно, – была подорвана сама идея возможности существования модели конфессионального «национал-социализма», где идея расовой исключительности была заменена идеей исключительности суннитской ветви ислама. И это можно было сделать и было сделано в основном силами российских военных. Но само явление ИГ как выплеск крайней степени недовольства суннитов при абсолютном недоверии ко всем основным мировым игрокам в рамках защиты их статуса в Ираке и Сирии пока не исчезло. И решить эту проблему исключительно военным путем невозможно. Военным путем можно только создать благоприятную базу для проведения переговоров о компромиссе в рамках завоевания у суннитов доверия к России как международному гаранту защиты их интересов, что и было сделано. Что собственно и зафиксировал В.В.Путин своим визитом в Сирию.

Помимо этого, еще одним принципиальным итогом первого этапа урегулирования сирийского кризиса при активном участии российских военных является констатация факта всем заинтересованным международным силам о том, что свергнуть Б.Асада военным путем не получится. Таким образом, на сегодня именно фигура сирийского президента является подтверждением этого факта и, более того, – успех на фронтах свидетельствует о том, что говорить о будущем устройстве Сирии надо исключительно с ним. Он основной партнер для всех сил в рамках любых переговоров. На этом аспекте опять же со всей очевидностью акцентировал внимание всего

международного сообщества президент РФ В.Путин, когда специально разговаривал с Б.Асадом накануне сочинского саммита и после этого уже в Сирии. Теперь основной этап борьбы в рамках сохранения целостности государства и мирного выхода из кризиса лежит в области больше военно-дипломатической или классической дипломатической активности представителей российского государства.

В первом случае – это последовательный процесс локальных перемирий со всеми его гуманитарными составляющими с выходом в конечном счете на формат мероприятий по мирному урегулированию общесирийского масштаба (тот же Конгресс сирийского национального диалога), то есть формирование консенсусной базы для этого среди подавляющей части сирийского населения. Во втором случае – противостояние попыткам Запада и представителей аравийских монархий «украсть» у России победу и создать условия для «мирного» свержения Б.Асада. Напомним в этой связи, что основным условием «объединенной» сейчас под крылом Эр-Рияда сирийской оппозиции для участия в женевском формате переговоров является уход Б.Асада и снижение иранского военного присутствия в стране. И примечательно в данном контексте солидарное саудовско-американское требование того, чтобы единственным форматом переговорного процесса по урегулированию сирийского конфликта была только исключительно Женева, но это поле битвы уже для российского МИДа. При этом на втором этапе урегулирования сирийского кризиса у российских военных остается и еще одна задача – силами оставшегося контингента (прежде всего авиации) поддерживать достигнутый уровень стабильности в стране с содействием правительственным силам и их союзникам в решении задач по зачистке территории Сирии от оплотов джихадистских «непримиримых» группировок с «сжиманием» их присутствия исключительно в выделенной для этого «резервации» в Идлибе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой брошюре мы постарались показать, что успех участия страны (в данном случае России) в локальном конфликте напрямую зависит от сплава военного и страноведческого компонентов. В этой связи отметим, что несомненный успех российской армии в Сирии (а на сентябрь 2017 года структурированное сопротивление ИГ фактически разгромлено, а под контролем сирийских правительственных сил находится в разной степени 85% территории) стал возможным прежде всего потому, что, наверное, впервые в постсоветской истории военное и политическое руководство прислушивалось к рекомендациям российского экспертного сообщества и соответственно строило свою тактику, исходя и из этого компонента участия в локальном конфликте. Сирийская кампания, помимо больших дивидендов в отработке прежде всего чисто военных механизмов воздействия на ситуацию и апробирования в реальных боевых условиях тактических схем, действий отдельных родов войск, военной техники и даже отдельных боеприпасов, по нашей оценке, продемонстрировала, что успех на поле боя в этих реалиях во многом зависит от правильно выстроенной стратегии действий именно со страноведческой и политологической точки зрения. Этот момент просто позволяет решать поставленную задачу оптимальным составом вооруженных сил с минимизацией рисков втягивания в конфликт и соответственно потерь.

Это ровно то, что Москве удается пока делать в Сирии, и упорно не удается Вашингтону в том же Афганистане. А это опять же обязывает с большим вниманием отнестись к теме подготовки квалифицированных кадров

в этой области. Сейчас практически каждый университет считает своим долгом иметь у себя «международную кафедру», и в этой связи отечественный рынок труда сейчас буквально завален огромным числом невостребованных политологов и международников. При этом когда доходит до ситуаций необходимости в действительно квалифицированном анализе, выясняется, что реальных специалистов в этой области можно пересчитать по пальцам. Это свидетельствует не только о качестве такого обучения, но и об отсутствии структур, в которых такие специалисты должны затем работать.

В этой связи надеемся, что ситуация с кадровым потенциалом в указанной области будет меняться, поскольку мы очень постарались продемонстрировать в данной брошюре, что солдат с автоматом – это только инструмент в зоне локального конфликта. И насколько этот инструмент будет успешно работать, во многом зависит от правильно выстроенной схемы действий, исходя прежде всего из страновой специфики в том или ином регионе. И эту специфику надо знать. При этом очень бы не хотелось, чтобы арабистов начинали готовить только после того, как на горизонте возникает Сирия, а курдоведов – после начала (не дай бог, но все идет к тому) региональной арабо-курдской войны. Поэтому надеемся, что сама сирийская кампания сослужит России, помимо всего прочего, еще одну важную службу – не только заставит государственные структуры развернуться лицом к российскому экспертному сообществу, но и задуматься о реанимации ближневосточной и вообще страноведческой российской школы, которой, между прочим не одна сотня лет от роду.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА *

1995 г.

1. **А.З.Егорин:** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко:** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально-экономического и общественно-политического развития" (совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас):** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян:** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин:** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко:** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко:** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко:** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина:** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев:** "Объединенные Арабские Эмираты".

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.
17. **Н.М.Мамедова**: "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".
18. "Турция: современные проблемы экономики и политики". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".
20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко**: "Рынки Ближнего Востока".
21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов**: "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко**: "Экономика переселенческого общества (совместно с ИВ РАН)".
25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян**: "Военный и военно-экономический потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (информационно-аналитический справочник, совместно с ИВ РАН).
26. **Л.И.Данилов**: "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".
27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.
29. **К.А.Капитонов**: "Ближний Восток в лицах".
30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.
31. **К.З.Хамзин**: "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".
32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев:** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."

34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).

36. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 6.

37. **Г.И.Гучетль:** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии" (совместно с ИВ РАН).

38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Государство Катар: проблемы развития".

39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке". Материалы конференции. Москва, 04.02.99 г.

40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

41. **В.А.Ушаков:** "Иран и Мусульманский мир".

42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.

43. **Е.Я.Сатановский:** "Экономика Израиля в 90-е годы".

44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).

45. **Е.С.Мелкумян:** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".

46. **В.В.Кунаков:** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".

47. **А.И.Яковлев:** "Саудовская Аравия: пути эволюции" (совместно с ИВ РАН).

48. **М.А.Сапронова:** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989–1999)" (совместно с ИВ РАН).

49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.

50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник (совместно с ИВ РАН).
52. **М.Р.Арунова**: "Афганская политика США в 1945–1999 гг." (совместно с ИВ РАН).
53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.
54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (совместно с РАЕН).
55. **С.Э.Бабкин**: "Движения политического ислама в Северной Африке" (совместно с ИВ РАН).
56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.
57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (Совместно с Институтом Африки РАН).
58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
59. **Аль-Харири Мухаммад**: "Налоговые системы Сирии и Египта".
60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко**: "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки" (совместно с Институтом Африки РАН).
61. **К.И.Поляков**: "Исламский фундаментализм в Судане".
62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей (Совместно с Иерусалимским университетом и Открытым университетом Израиля).

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
65. **Е.Я.Сатановский**: "Израиль в современной мировой политике".
66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник**: "Султанат Оман" (совместно с ИВ РАН).
67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.

68. **А.Г.Вирабов:** "Алжир: кризис власти" (Кризис общественного строя Алжира и перспективы его либерализации) (совместно с ИВ РАН).
69. "Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке".
Сборник статей (совместно с Академией геополитики и безопасности).
70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов:** "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".
71. **К.И.Поляков:** "Арабские страны и ислам в России (90-е годы XX века)".
72. **Зезв Гейзель:** "Политические структуры Государства Израиль"
73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.
74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.
75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.
76. **С.Э.Бабкин:** "Религиозный экстремизм в Алжире".
77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей, (совместно с ИВ РАН).
78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.
80. **Н.Ю.Ульченко:** "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)" (совместно с ИВ РАН).
81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.
83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров:** "Египет в последней трети XX века (Опыт либерализации экономики и политической системы)" (совместно с ИСАА, МГУ).
85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.

86. **Р.Р.Сикоев:** "Талибы (религиозно-политический портрет)" (совместно с ИВ РАН).
87. "Востоковедный сборник". Выпуск четвертый.
88. "Армия и власть на Ближнем Востоке". Сборник статей.
89. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 15.
90. **М.П.Гучанин:** "Турция и США: основные этапы торгово-экономического сотрудничества".
91. **С.М.Задонский:** "Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения".
92. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 16.

2003 г.

93. **С.В.Бондаренко, А.А.Ткаченко:** "Нефть и газ Египта и Алжира на рубеже XX–XXI вв."
94. **Д.Полисар:** "Выбирая диктатуру. (Ясир Арафат и формирование органов власти палестинской администрации)". Перевод А.Д.Эпштейна.
95. "Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы". Сборник статей (совместно с ИВ РАН, ИСАА).
96. **Алек Д.Эпштейн:** "Бесконечное противостояние. (Израиль и арабский мир: войны и дипломатия, история и современность)".
97. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Кувейт: Контуры экономических перемен" (совместно с ИВ РАН).
98. **О.В.Плешов:** "Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане" (совместно с ИВ РАН).
99. "Ирак: первые итоги, выводы, уроки". Сборник.
100. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 17.
101. **М.З.Ражбадинов:** "Радикальный исламизм в Египте" (совместно с ИВ РАН).

102. "Иракский кризис. Международный и региональный контекст".
Материалы "круглого стола" ИСАА. Апрель 2003 г.
103. "Иран и СНГ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
104. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 18.
105. "Саудовская Аравия: эволюция режима и пределы возможного в политическом развитии" Сборник статей.
106. **Г.Г.Косач, Е.С.Мелкумян:** "Внешняя политика Саудовской Аравии". Приоритеты, направления, процесс принятия решения".
107. "Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (совместно с РАЕН).
108. **В.М. Ахмедов:** "Сирия на рубеже столетий. Власть и политика" (совместно с ИВ РАН).
109. **В.П.Юрченко:** "Египет: проблемы национальной безопасности".
110. "Востоковедный сборник". Выпуск пятый.
111. "Российско-саудовские отношения: проблемы и перспективы" (по материалам круглого стола).
112. "Ирак под американским управлением: демократизация или вьетнамизация» (по материалам круглого стола).
113. "Арабо-израильский конфликт: старые проблемы и новые планы". Сборник статей.
- 114 **Е.И.Уразова:** "Экономическое сотрудничество Турции и турецких государств СНГ" (совместно с ИВ РАН).
115. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 19.
116. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 20.
117. **М.С.Сергеев:** "Берберы Северной Африки: прошлое и настоящее"
118. **А.Р.Аганин, З.А.Соловьева:** "Современная Иордания".

2004 г.

119. **Владимир (Зезв) Ханин:** "«Русские» и власть в современном Израиле".

120. "Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе". Сборник статей и документов под редакцией **Алека Д.Эпштейна**.
121. **А.О.Филоник, А.И.Вавилов:** "Саудовская Аравия: поиски внутренней гармонии" (совместно с ИВ РАН).
122. **Е.И.Миронова:** "Алжир: смена приоритетов развития" (совместно с Институтом Африки).
123. "Иракский кризис". Аналитические записки.
124. "Терроризм". Сборник статей.
125. "Ислам на современном Востоке. Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
126. **И.А. Новиков:** "Оружие массового поражения на Ближнем Востоке" (совместно с информационно-аналитическим центром "Акцент").
127. "Иран и Россия". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
128. "Офицерский корпус ближневосточных государств". Сборник.
129. "Россия и США на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
130. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 21.
131. "Армия, ВТС, ОМП на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
132. "Проблемы Ближнего Востока. Аналитические записки".
133. "Курдский вопрос на рубеже тысячелетий" (круглый стол 19.02.2004).
134. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 22.
135. "Турция в новых геополитических условиях". Материалы круглого стола, март 2004 г. (совместно с ИВ РАН).
136. "Израиль и арабо-израильский конфликт. Аналитические записки".
137. "Иран. Аналитические записки".

138. **А.В.Федорченко, О.А.Зайцева, Д.А.Марьясис:** "Израиль в начале XXI века".
139. **И.А.Матвеев:** "Национальная и общеарабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке".
140. "Современный Исламский Восток и страны Запада". Сборник статей.
141. **А.В.Гасратян:** "Проблемы социально-экономического развития Ливана (1970–2000 гг.)".
142. **В.П.Юрченко:** "Сирия: проблемы национальной безопасности. (Военная политика и военное строительство в период правления ПАСВ 1963–2004 гг.)"
143. "Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии". (Сборник статей и документов) под редакцией **Алека Д. Эпштейна**.
144. «Афганистан в начале XXI века». Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
145. **М.З.Ражбадинов:** "Египетское движение «Братьев-мусульман»" (совместно с ИВ РАН).
146. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 23.
147. «Сирия. Проблемы внутривнутриполитической стабильности и внешней безопасности» (материалы круглого стола, 21 сентября 2004 г.).
148. «Ирак: 100 дней переходного правительства».
149. "Востоковедный сборник". Выпуск шестой.
150. "Иран после парламентских выборов" (Круглый стол 27.04.2004 г.). Сборник статей.
151. **Б.В.Долгов:** "Исламистский вызов и алжирское общество" (совместно с ИВ РАН).
152. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 24.

2005 г.

153. **М.К.Занбуа, А.О.Филоник:** "Формирование производственной инфраструктуры в Сирии (1946–2004)"
154. **Р.Г.Ланда:** "Политический ислам: предварительные итоги".
155. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика".
156. **О.В.Плешов:** "Ислам и политическая культура в Пакистане" (Совместно с ИВ РАН).
157. "Ислам и общественное развитие в начале XXI века" (Совместно с ИВ РАН).
158. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 25.
159. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 26.
160. **А.В.Рясов:** "«Левые» на Арабском Востоке: ливийский опыт".
161. **И.М.Мохова:** "Западное Средиземноморье: проблемы интеграции".
162. **Н.З.Мосаки:** "Курдистан: ресурсы и политика". Часть 1, Часть 2 (Совместно с ИВ РАН).

2006 г.

163. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль в эпоху «пост-сионизма»: наука, идеология и политика".
164. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Вокруг размежевания: общество и политика Израиля в 2005 году".
165. "Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
166. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 27.
167. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 28.

^{*} Примечание: Институт переименован в 2005 г.

168. **Л.Н.Руденко:** "Проблемы привлечения иностранных инвестиций в арабские страны в условиях глобализации" (Совместно с ИВ РАН).
169. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Королевство Бахрейн" (Совместно с ИВ РАН).
170. "Востоковедный сборник". Выпуск седьмой.
171. **А.Г.Бакланов:** "Ближний Восток: «Дорожная карта» региональной безопасности".
172. **Алек Д. Эпштейн:** "Почему провалилась «Дорожная карта»?".
173. **Д.А.Нечитайло:** "Международный исламизм на Северном Кавказе".
174. **М.А.Сапронова:** "Иракская конституция в прошлом и настоящем" (Из истории конституционального развития Ирака).
175. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильская война против «Хезболлы» и формирование новых контуров ближневосточной политики".
176. "Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
177. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 29.
178. "Современная Турция: проблемы и решения". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
179. **С.Ю.Серёгичев:** "Судан: исламо-традиционализм и армия".

2007 г.

180. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 30.
181. "Государство Израиль: политика, экономика общества". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
182. **К.В.Вертяев:** "Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XXI века)" (Совместно с ИВ РАН).
183. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 31.
184. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 32.
185. **М.Н.Гусев:** "Исламский фактор в Юго-Восточной Азии. Роль внешних сил".

186. "Востоковедный сборник". Выпуск восьмой.
187. **Г.Г.Косач:** "Саудовская Аравия: внутривосточные процессы «этапа реформ» (конец 1990–2006 гг.).
188. **Д.А.Марьясис:** "Израиль в системе международных экономических отношений (1985–2005 гг.)" (Совместно с ИВ РАН).
189. **Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева:** "Лига арабских государств и интеграционные процессы в арабском мире" (Совместно с ИВ РАН).
190. **Алек Д. Эпштейн:** "ХАМАС в региональной политике".
191. **С.Н.Саруханян:** "Ядерный фактор в российско-иранских отношениях".
192. **В.П.Юрченко:** "Военная политика и военное строительство в странах Арабского Востока (конец XX – начало XXI века)".
Справочно-аналитическое издание. Часть 1 и часть 2.
193. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 33.

2008 г.

194. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 34
(Совместно с ИВ РАН).
195. **Г.А.Меламедов, Алек Д. Эпштейн:** "Дипломатическая битва за Иерусалим. Закулисная история" (Совместно с МГУ, ИСАА, Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
196. **В.В.Куделев:** "«Аль-Каида»: структуры, союзники и покровители".
197. **Г.Г.Косач:** "Саудовский дипломатический корпус: этапы эволюции и источники формирования".
198. **М.А.Сапронова:** "Правительство и парламент в арабских странах (правовой статус и политическая практика)".
199. **Е.С.Мелкумян:** "Регион залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество" (Совместно с ИВ РАН).
200. **Е.А.Кудров:** "Конфликт в Дарфуре: основные причины и тенденции".

201. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться" (Совместно с Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
202. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 35 (Совместно с ИВ РАН).
203. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 36 (Совместно с ИВ РАН).
204. "Турция накануне и после парламентских и президентских выборов 2007 г." Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
205. **И.А.Свистунова:** "Иракский фактор во внешней политике турецкой республики (1990–2007 г.).
206. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 37 (Совместно с ИВ РАН).

2009 г.

207. **Алек Д. Эпштейн:** "Антитеррористический террор".
208. **В.В.Евсеев, В.И.Сажин:** "Иран, уран и ракеты".
209. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 38 (Совместно с ИВ РАН).
210. **А.Б.Подцероб:** "Ислам во внутренней и внешней политике стран Магриба".
211. **В.В.Куделев:** "Аль-Каида" и война в Ираке".
212. "Ближний Восток: вызовы XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
213. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильяне и палестинцы: от конфронтации – к переговорам и обратно" (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
214. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 39 (Совместно с ИВ РАН).
215. **В.И.Месамед:** "Иран-Израиль: от партнерства к конфликту".
216. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 40 (Совместно с ИВ РАН).

2010 г.

217. **Ю.С.Кудряшова:** "Турция и Европейский Союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия".
218. **И.И.Стародубцев:** "Топливо-энергетический комплекс Турции и энергетический фактор в российско-турецких отношениях". (Совместно с МГИМО)
219. "Турция в условиях новых внутренних реалий". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
220. **Ю.В.Зинькина:** "Коптская община современного Египта: Проблемы и перспективы".
221. **В.Чернин:** "Ближневосточный фронт. Израильское поселенчество: история и современность". (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
222. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 41 (Совместно с ИВ РАН).
223. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 42 (Совместно с ИВ РАН).
224. **В.И.Месамед:** "Иран в Центральной Азии: два десятилетия диалога"

2011 г.

225. "ШОС и страны Ближнего и Среднего Востока (К 10-летию образования ШОС)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
226. **Алек Д. Эпштейн:** "Россия и Израиль: трудный путь навстречу" (Совместно с Центром содействия гуманитарному образованию общества «Право Мира»).
227. **Алек Д. Эпштейн:** "Генезис и закат "левого" Израйля".
228. **Д.О.Бирюков:** "Правовое регулирование рынка ценных бумаг государств Ближнего Востока".
229. **Н.А.Кожанов:** "Экономические санкции против Ирана: цели, масштабы, возможные последствия введения".
230. Турция после референдума 2010 года (Межвузовская студенческая конференция. Москва, 17 февраля 2011 г.) (Совместно с МГИМО).

231. **С.Ю.Серёгичев:** "Современный Судан: от единства к разделу" (Совместно с РГГУ).
232. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 43 (Совместно с ИВ РАН).
233. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 44 (Совместно с ИВ РАН).
234. "Современный Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
235. **Н.З.Мосаки:** "Курдистан и курдский вопрос политики запада и России (90-е годы XX века – начало XXI века)". (Совместно с ИВ РАН).
236. **И.И.Стародубцев:** "Трансформирующаяся Турция" (Совместно с МГИМО).

2012 г.

237. **Алек Д. Эпштейн:** "Государство Израиль перед вызовом исламизма: «арабская весна» и ее влияние на еврейское государство".
238. **С.В.Алейников:** "Политическая ситуация и проблемы национального применения в Сомали".
239. **А.В.Салийчук:** "Экономическая либерализация и макроэкономическая результативность Египта, Иордании и Туниса" (Совместно с ИВ РАН).
240. **Алек Д. Эпштейн, Евгений Варшавер:** "В диалоге с врагом (переговоры об освобождении израильских граждан, захваченных палестинскими и ливанскими боевыми организациями)".
241. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 45 (совместно с ИВ РАН).
242. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 46 (совместно с ИВ РАН).
243. **В.И.Месамед:** "Израиль в Центральной Азии: грезы и реальность".
244. "Турция в период правления Партии справедливости и развития" (совместно с ИВ РАН).

245. "Санкции и их влияние на Иран" (совместно с ИВ РАН).
246. **М.Р.Арунова:** "ШОС и афганская проблема" (совместно с ИВ РАН).
247. **Зеев Гейзель:** "Политические структуры Государства Израиль".
Издание 2-е (совместно с Мосты культуры/Гешарим).
248. "Афганистан и Пакистан: современное состояние и перспективы развития". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

2013 г.

249. **А.Р.Аганин:** "Племена, кланы и семейства Катара".
250. **Эльдар Касаев:** "Россия-Турция: современное состояние и возможный сценарий развития экономических связей".
251. **Н.П.Подгорнова:** " Проблема Западной Сахары. Миф и реальность".
252. **Алек Д. Эпштейн:** "От межблокового противостояния – к формированию «партии власти». Тенденции развития израильской общественно-политической жизни в свете итогов выборов в Кнессет XIX созыва и создания нового правительства страны".
253. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 47 (Совместно с ИВ РАН).
254. **Г.Г.Косач:** "Саудовская аравия: политические процессы 1990-х – 2000-х гг."
255. **А.Р.Аганин:** "Племена и кланы иорданского хашимитского королевства".
256. **В.В.Евсеев:** "Перспективы иранской ядерной программы при президенте Хасане Роухани".

2014 г.

257. **Н.П.Подгорнова:** " «Арабская весна» в странах Магриба".
258. **Е.С.Мелкумян:** "Кувейт в 2000-е гг.: внутривполитическое развитие и внешняя политика".
259. **Н.П.Подгорнова:** "Мавритания между прошлым и будущим".

260. **М.А.Сапронова:** "Египет: 90 лет конституционных трансформаций (1923–2013 гг.)".
261. **С.В.Алейников:** "Сомалийские племена. Справочник".
262. **Е.Е.Чулковская:** "Турецкая диаспора Германии: между Анкарой и Берлином".
263. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Партийно-политические структуры и электоральный процесс в Израиле в начале XXI века".
264. **Алек Д. Эпштейн:** "Ближайшие союзники? Подлинная история американо-израильских отношений". Т. 1-2 (совместно с Мосты культуры/Гешарим).
265. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 48 (Совместно с ИВ РАН).
266. **Алек Д. Эпштейн:** "От антитеррористической операции – к войне: Израиль и исламистское вооруженное сопротивление летом 2014 года".
267. **Р.Р.Субханкулова:** "О нефтегазовой отрасли Ирака".
268. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Третий Израиль": русскоязычная община и политические процессы в еврейском государстве в начале XXI века".
269. **В.В.Куделев:** "Аль-Каида в странах Исламского Магриба" и др. в Северной Африке (Хроника событий)".

2015 г.

270. **Н.П.Подгорнова:** "Проблема Западной Сахары в политике Алжира".
271. **Ю.Б.Щегловин:** "Размышления о борьбе с терроризмом".
272. **В.И.Месамед:** "Иран и немусульманские страны Южного Кавказа (Армения и Грузия)".
273. **Н.П.Подгорнова:** "Политика Франции в странах Северо-Западной Африки".
274. **М.А.Сапронова:** "Электоральный процесс после «Арабской весны»".

275. **Н.В.Жадовец:** "Формирование национальной инновационной системы Израиля (1985–2012 гг.)".
276. **В.М.Ахмедов:** "Роль исламского фактора в общественно-политическом развитии арабских стран Ближнего Востока и его эволюция в условиях сирийского восстания (90-е гг. XX – начало XXI вв.)".
277. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 49 (Совместно с ИВ РАН).
278. **Е.Э.Успенский:** "Инвестиционный климат в арабских странах в конце XX – начале XXI века".
279. **С.В.Алейников:** "Современное Сомали".

2016 г.

280. **Г.Г.Косач:** "Российско-саудовские отношения: политический аспект (1990–2015 гг.)".
281. **Н.П.Подгорнова:** "Страны Магриба в поисках оптимального пути развития".
282. **М.Чернин:** "Арабское население Израиля и палестинских территорий: происхождение, клановая и конфессиональная структура" (совместно с Мосты культуры/Гешарим).
283. **Алек Д. Эпштейн:** "Горизонты и миражи палестинской государственности" (совместно с Мосты культуры/Гешарим).
284. **Ю.Б.Щегловин:** "Размышления об «Исламском государстве»" (запрещено в России).
285. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Проблема реформы политической системы Израиля в свете предпосылок и итогов выборов в Кнессет XX созыва".
286. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 50.
287. **Е.А.Якимова:** "Государство Израиль и страны Балтии: между прошлым и будущим".
288. **В.И.Месамед:** "Феномен белорусско-иранских отношений".

2017 г.

289. **М.В.Казанин:** "Китай-Пакистан: военно-техническое и экономическое сотрудничество в начале XXI века".
290. **А.А.Кузнецов:** "Политический процесс в Ливане на рубеже XX-XXI веков".
291. **А.Р.Аганин:** "Племена, кланы и семейства Кувейта".
292. **А.Д.Манафова:** "Нефтяная политика Ирака 2003–2016 гг.".
293. **С.С.Балмасов:** "Опыт решения миграционных проблем в странах Аравийского полуострова".
294. **П.П.Рябов:** "«Арабская весна» по-йеменски".
295. **М.В.Казанин:** "Сирийский конфликт: оценки китайских специалистов".
296. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 51.

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI
AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio–economic and political development in the Arab World".
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
4. "The Contemporary Middle East" (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf
countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI-th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and
A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by
A.Filonik and N.Rogozhina
12. "The Arab World in the end of the XX-th century" (collection
of essays). In association with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
13. "The Contemporary Middle East" № 2 (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**
15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
16. "The Contemporary Middle East" № 3 (collection of essays)
17. "Iran in the XX-th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
18. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
19. "The Syrian Arab Republic"
20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**
21. "The Contemporary Middle East" № 4 (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
27. "The Contemporary Middle East" № 5 (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"

29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**
30. "The contemporary Saudi Arabia"
31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**
32. "Afghanistan: War and Problems of Peace" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**
34. "Iran: Evolution of Islamic Rule" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
36. "The Contemporary Middle East" № 6 (collection of essays)
37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**
39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
40. "The Environment and Development in the Arab World" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
42. "The Contemporary Middle East" № 7 (collection of essays)
43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**

44. "Evolution of political Systems in the East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**
49. "The Contemporary Middle East" № 8 (collection of essays)
50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"
52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**
53. "Political Elite in the Middle East"
54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences
55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**
56. "The Contemporary Middle East" № 9 (collection of essays)
57. "The Arab World: Islam and Reforms" (collection of essays)
58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**
60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States" by **V.Azatian and A.Tkachenko**
61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**
62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
64. "Islam and Policy" (collection of essays)
65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**
66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**
67. "The Contemporary Middle East" № 10 (collection of essays)
68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**
69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays)
In association with the Academy of Geopolitics and Security
70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State Creation" by K.Polyakov and A.Hasyanov
71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**
72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**
73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)
74. "The Contemporary Middle East" № 11 (collection of essays)
75. "Russia in the Middle East" (conference papers)
76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**
77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
78. "The Contemporary Middle East" № 12 (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13 (collection of essays)
80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Ultchenko**

81. "Muslims in the West" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences
82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)
83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**
85. "The Contemporary Middle East" № 14 (collection of essays)
86. "Taliban (the Religious and Political Profile)" by **R.Sikoev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
87. "Oriental Records" № 4 (collection of essays)
88. "Army and Power in the Middle East" (collection of essays)
89. "The Contemporary Middle East" № 15 (collection of essays)
90. "Turkey and USA: main Stages in Trade and Economic Cooperation" by **M.Guchanin**
91. "The Nuclear Program of Iran and Russian-American Relations" by **M.Zadonsky**
92. "The Contemporary Middle East" № 16 (collection of essays)

2003

93. "Oil and Gas in Egypt and Algeria on the Verge of Two Centuries." by **S.Bondarenko and A.Tkachenko**
94. "Electing Dictatorship: Why Palestinian Democratization Failed" by **D.Polisar**
95. "Russia-Turkey Relations: History, present State and Perspectives" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa

96. "An Everlasting Confrontation. Israel and the Arab World: Wars and Diplomacy" by **A.D.Epstein**
97. "Kuwait: Contours of Economic Changes" by **A.Filonik and V.Isaev**
98. "Islam, Islamism and nominal Democracy in Pakistan" by **O.Pleshov**.
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa
99. "Iraq: First Results, Conclusions, Lessons" (collection of essays.
100. "The Contemporary Middle East" № 17 (collection of essays)
101. "Radical Islamism in Egypt" by **M.Rajbadinov**
102. "Crisis in Iraq. International and Regional Context"
103. "Iran and CIS" (collection of essays)
104. "The Contemporary Middle East" № 18 (collection of essays)
105. "Saudi Arabia: Evolution of Regime and Possible Limits in Political Development" (collection of essays)
106. "Saudi Arabia External Policy" by **G.Kosach and E.Melkumyan**
107. "Syria at the Turn of the Centuries. Power and Politics" by **V.Ahmedov**
108. "Afghanistan and Neighboring Countries" (collection of essays)
109. "Egypt: Problems of National Security (1952–2002.)" by **V.Yurchenko**
110. "Oriental Records" № 5 (collection of essays)
111. "Russian-Saudi Relations: Problems and Perspectives" (collection of essays)
112. "Iraq under the American Administration: democratization or «vietnamization»"
113. "Arab-Israeli Conflict: Old Problems and New Plans" (collection of essays)

114. "The Economic Co-operation between Turkey and the Turkic States of the CIS" by **E.Urazova**
115. "The Contemporary Middle East" № 19 (collection of essays)
116. "The Contemporary Middle East" № 20 (collection of essays)
117. "Berbers of North Africa: Past and Present" by **M. Sergeev**
118. "Contemporary Jordan" by **A.Aganin and Z.Solovieva**

2004

119. "The «Russians» and Power in the State of Israel" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**
120. "Peaceful Settlement of the Palestine–Israeli Conflict: Three Years after Camp David and Taba Talks"(essays and documents) Edited by **Alek D. Epstein**
121. " Saudi Arabia: Search for Inner Harmony" by **A.Filonik and A.Vavilov**
122. "Algeria: Change of Priorities in Development" by **E.Mironova**
123. Analytical records. "Iraqi Crisis"
124. Analytical records. "Terrorism"
125. "Islam in Contemporary Orient. Region of Middle and Near East, South and Central Asia". (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
126. "Weapon of Mass destruction in the Middle East" by **I.Novikov**
127. "Iran and Russia" (collections of essays)
128. "Officer Corps in the Middle Eastern States" (collections of essays)
- 129 Analytical records. "Russia and USA in the Middle East"
130. "The Contemporary Middle East" № 21 (collection of essays)

131. Analytical records. "Army, Weapon of Mass Destruction, Military and Technical Cooperation in the Middle East"
132. Analytical records. "Problems of the Middle East"
133. "Kurdish Question at the turn of the Millennia"
134. "The Contemporary Middle East" № 22 (collection of essays)
135. "Turkey in the New Geopolitical Conditions (documents of the Round Table, March 2004)"
136. Analytical records. "Israel and Arab-Israeli Conflict"
137. Analytical records. "Iran"
138. "Israel in the beginning of the XXI-th Century" by **A.Fedorchenko, O.Zaitzeva, D.Mariyasis**
139. "Contemporary Islamic East and European Countries" (collection of essays)
140. "National and Pan-Arab Components of the Syrian Policy in the Middle East (1946–2003)" by **I.Matveev**
141. "Problems of Social-economic Development of Lebanon (1970–2000)" by **A.Gasratian**
142. "Syria: problems of national security" by **V.Yurchenko**
143. "Palestine-Israeli conflict in the mirror of public opinion and international diplomacy" (collection of essays) Edited by **Alek D. Epstein**
144. "Afghanistan in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays)
145. "Egyptian movement of «Muslim brothers»" by **M.Rajbadinov**
146. "The Contemporary Middle East" № 23 (collection of essays)
147. "Syria. Problems of Internal Political Stability and External Security" (documents of the Round Table, 21 September 2004)"
148. "Iraq: 100 days of transition"

- 149. "Oriental Records" № 6 (collection of essays)
- 150. "Iran after Elections" (documents of the Round Table, April 2004)
- 151. "Islamic challenge and the Algerian society" by **B.Dolgov**.
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 152. "The Contemporary Middle East" № 24 (collection of essays)

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF MIDDLE EASTERN
STUDIES

2005

153. "Creating of productional infrastructure in Syria" by **M.Zanbua and A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
154. "Political Islam: preliminary results" by **R.Landa**
155. "Israel and the problem of Palestinian refugees: history and policy" by **Alek D. Epstein**
156. "Islam and political culture in Pakistan" by **O.Pleshov**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
157. "Islam and social development in the beginning of XXI-th Century". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
158. "The Contemporary Middle East" № 25 (collection of essays)
159. "The Contemporary Middle East" № 26 (collection of essays)
160. "«Leftists» in the Middle East: Libyan experience" by **A.Rjasov**
161. "Western Mediterranean: problems of integration" by **I.Mokhova**
162. "Kurdistan: resources and policy" Part 1, Part 2 by **N.Mosaki**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2006

163. "Israel in the era of post-zionism: science, ideology and policy" by **Alek D. Epstein**
164. "On the situation with delimitation: society and policy in Israel in 2005" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**
165. "Afghanistan, Iran, Pakistan: time of elections and changes" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

166. "The Contemporary Middle East" № 27 (collection of essays)
167. "The Contemporary Middle East" № 28 (collection of essays)
168. "Globalization and capital investments process in the Arab World" by **L.Rudenko**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
169. "Kingdom of Bahrain" by **V.Isaev, A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
170. "Oriental Records" № 7 (collection of essays)
171. "The Middle East: «The Road Map» and regional security" by **A.Baklanov**
172. "Why did «The Road Map» fail?" by **Alek D. Epstein**
173. "International Islamism in the Northern Caucasus" by **D.Nechitailo**
174. "The Iraqi Constitution in the past and in the present" by **M.Sapronova**
175. "The War of Israel against «Hesbollah» and creation of new contour of the Middle Eastern policy" by **Alek D. Epstein**
176. "The Kurdish problem in the Western Asia in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
177. "The Contemporary Middle East" № 29 (collection of essays)
178. "The Modern Turkey: problems and solutions" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
179. "The Sudan: the Islamic traditionalism and army" by **S.Seregichev**

2007

180. "The Contemporary Middle East" № 30 (collection of essays)
181. "The state of Israel: policy, economy, society" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

182. "The Kurdish problem in Turkish policy (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **K.Vertiaev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
183. "The Contemporary Middle East" № 31 (collection of essays)
184. "The Contemporary Middle East" № 32 (collection of essays)
187. "The Islamic factor in South-East Asia. The role of external forces" by **M.Gusev**
186. "Oriental Records" № 8 (collection of essays)
187. "Saudi Arabia: political processes and "Stages of Reform" (the end 1990–2006)" by **G.Kosach**
188. "Israel inside the world economic relations" by **D.Mariyasis**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 189 "The League of the Arab states and international process in the Arab world" by **L.Rudenko, Z.Solovieva**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
190. "HAMAS in the regional policy" by **Alek D. Epstein**
191. "The nuclear factor in Russian-Iranian relations" by **S.Sarukhanjan**
192. "The military policy and force development in the Middle East (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **V.Yurchenko**
193. "The Contemporary Middle East" № 33 (collection of essays)

2008

194. "The Contemporary Middle East" № 34 (collection of essays)
195. "The diplomatic battle for Jerusalem. Behind-the-scene story" by **G.Melamed and Alek D. Epstein**. In association with the Institute of Asian and African Studies, Moscow State University and Gishrey Tarbut Association
196. "Al-Qaeda: the structure, the allians and the sponsors" by **V.Kudelev**

197. "Saudi Arabian diplomatic corps: stages of evolution and sources of formation" by **G.Kosach**
198. "Government and parliament in the arab countries (legal status and political practice)" by **M.Sapronova**
199. "The Persian Region: conflicts, compromises, cooperation" by **E.Melkumyan**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
200. "The conflict in the Darfur Province: main reasons and tendencies" by **E.Kudrov**
201. "Israel and (un)controlled territories: to leave or stay" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association
202. "The Contemporary Middle East" № 35 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
203. "The Contemporary Middle East" № 36 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
204. "Turkey before and after 2007 parliamentary and presidential elections" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
205. "The Iraqi Factor in the foreign policy of the Republic of Turkey (1990–2007)" by **I.Svistunova**
206. "The Contemporary Middle East" № 37 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2009

207. "Antiterroristic terror" by **Alek D. Epstein**
208. "Iran, uranium and rockets" by **V.Evseev, V.Sazhin**

209. "The Contemporary Middle East" № 38 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
210. "Islam in internal and external policy of Magrib" by **A.Podcerob**.
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
211. "Al-Qaeda and the war in Iraq" by **V.Kudelev**
212. "The Middle East: challenges of the XXI-st century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
213. "Israelites and Palestinians: from confrontation to negotiations and back to the point" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association
214. "The Contemporary Middle East" № 39 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
215. "Iran-Israel. From partnership to conflict" by **V.Mesamed**
216. "The Contemporary Middle East" № 40 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2010

217. "Turkey and EU: history, problems and prospects for cooperation" by **U.Kudrjashova**
218. "Turkey's fuel and energy complex and oil and gas industries in Russian-Turkish relations" by **I.Starodubtcev**
219. "Turkey in the context of new internal circumstances" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
220. "Coptic community in contemporary Egypt: problems and prospects" by **U.Zinkina**
221. "Middle Eastern frontier. Israeli settlement: history and modernity" by **V.Chernin**

222. "The Contemporary Middle East" № 41 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
223. "The Contemporary Middle East" № 42 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
224. "Iran in Central Asia: two decades of dialogue" by **V.Mesamed**

2011

225. "SCO and The Middle Eastern Countries (ten years of activity)" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
226. "Russia and Israel: the hard road to each other" by **Alek D. Epstein**. In association with "The Law For Peace" Society
227. "The genesis and fall of «leftist» Israel" by **Alek D. Epstein**
228. "The legal regulation of the equity market in The Middle Eastern Countries" by **D.Birjukov**
229. "Economic sanctions against Iran: goals, scales, possible consequences of implication" by **N.Kozhanov**
230. "Turkey after the 2010 referendum" (Interacademic student conference. Moscow, February 17 2011). In association with the Moscow State Institute of Foreign Relations
231. "The Contemporary Sudan: from unity to division" by **S.Seregichev**.
In association with the Russian State University for the Humanities
232. "The Contemporary Middle East" № 43 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
233. "The Contemporary Middle East" № 44 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
234. "The contemporary Afghanistan and neighboring countries" (collection of essays) In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

235. "Kurdistan and Kurdish question in Western and Russian policy (90s of the XXth century – the beginning of the XXIst century)" by **N.Mosaki**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
236. "The transforming Turkey" by **I.Starodubtsev**. In association with the Moscow State Institute of Foreign Relations

2012

237. "The State of Israel and the challenge Islamism: «the Arab spring» and its impact of the Jewish state" by **Alek D. Epstein**
238. "Political situation and problems of national reconciliation in Somalia" by **S.Aleinikov**
239. "Economic liberalization and macroeconomic efficiency of Egypt, Jordan and Tunisia" by **A.Saliychuk**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
240. "In dialogue with the enemy (talks on liberation of Israeli citizens seized by Palestinian and Libyan fighting organizations)" by **Alek D. Epstein and Evgeniy Varshaver**
241. "The Contemporary Middle East" № 45 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
242. "The Contemporary Middle East" № 46 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
243. "Israel in Central Asia: dreams and reality" by **V.Mesamed**
244. "Turkey under the rule of The Justice And Development Party". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
245. "Sanctions and their impact on Iran". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
246. "SCO and Afghan problem" by **M.Arunova**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
247. "Political structures of the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**. 2nd edition. In association with Bridges of Culture/Gesharim

248. "Afghanistan and Pakistan: current situation and perspectives of development" (collection of essays)

2013

249. "Tribes, clans and families in Qatar" by **A.Aganin**

250. "Russia – Turkey: current situation and a possible scenario of development of economic relations development " by **E.Kasaev**

251. "Problem of Western Sahara: myth and reality" by **N.Pogornova**

252. "From inter-block confrontation towards formation of "the party of power". Tendencies in the Israeli political and social life in the light of results of elections to the Knesset of the 19th convocation and creation of the country's new" by **Alek D. Epstein**

253. "The Contemporary Middle East" № 47 (collection of essays)

254. "Saudi Arabia: political processes in the 1990-2000" by **G.Kosach**

255. "Tribes and clans in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **A.Aganin**

256. "Perspectives of the Iranian nuclear program under the President Hassan Rouhani" by **V.Evseev**

2014

257. " «The Arab spring» in the Maghreb countries" by **N.Podgornova**

258. "Kuwait in the 2000th: home political process and foreign policy" by **E.Melkumian**

259. "Mauritania between the last and the future" by **N.Podgornova**

260. "Egypt: 90 years of constitutional transformations (1923–2013)" by **M.Sapronova**

261. "The Somalian tribes. Reference book" by **S.Aleinikov**

262. "Turkish diaspora in Germany: between Ankara and Berlin" by **E.Chulkovskaya**

263. "Political structures and electoral process in Israel in the beginning of XXI century" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**

264. "Closest allies? The real history of American-Israeli relationship"
T. 1-2 by **Alek D. Epstein**. In association with Bridges of
Culture/Gesharim
265. "The Contemporary Middle East" № 48 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
266. "From antiterrorist operation towards the war: Israel and Islamist armed resistance in summer of 2014" by **Alek D. Epstein**
267. "On oil and gas production in Iraq" by **R.Subkhankulova**
268. " «The Third Israel»: Russian-speaking community and political process in the Jewish state in the beginning of XXI century" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**
269. " «Al-Qaeda in the space of Islamic Maghreb» and others in North Africa (Chronicle of events)" by **V.Kudelev**

2015

270. "Problem of Western Sahara and in Algerian policy" by **N.Podgornova**
271. "Thoughts about struggle with terrorism" by **Ju.Scheglov**
272. "Iran and non-Muslim countries of South Caucasus (Armenia and Georgia)" by **V.Mesamed**
273. "Policy of France in the countries of the South-West Africa" by **N.Podgornova**
274. "Electoral process after the «Arab Spring»" by **M.Sapronova**
275. "The formation of National innovation system of Israel (1985–2012)" by **N.Zhadovec**
276. "The role of the Islamic factor in the socio-political development of Arab countries and its evolution in terms of the Syrian uprising. (90th XX – beginning of XXI)" by **V.Akhmedov**
277. "The Contemporary Middle East" № 49 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

278. "Investment climate in the Arab countries in the end of XX – XXI centuries" by **E.Uspenskiy**

279. "The contemporary Somali" by **S.Aleinikov**

2016

280. "Russian-Saudi relations: a political aspect (1990-2015)" by **G.Kosach**

281. "The Arab Maghreb in a search for optimal way of development" by **N.Podgornova**

282. "The arab population of Israel and Palestinian territories. Origin clan and confessional structure" by **M.Chernin**. In association with Bridges of Culture/Gesharim

283. "Horizon and mirages of the Palestinian statehood" by **Alek D. Epstein**. In association with Bridges of Culture/Gesharim

284. "Thoughts about the Islamic State" by **Ju.Scheglov**

285. "Problem of Israeli political system reform in the light of prerequisite and results of election campaign to the XX Knesset" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**

286. "The Contemporary Middle East" № 50 (collection of essays)

287. "The states of Israel and the Baltic states between past and future" by **E.Yakimova**

288. "Phenomenon of Belarus-Iran relationship" by **V.Mesamed**

2017

289. "China – Pakistan: cooperation military-technical and economic fields in the beginning of the XXI century" by **M.Kazanin**

290. "Political process in Lebanon in the turn of the XXI century" by **A.Kuznetsov**

291. "Tribes, clans and families in Kuwait" by **A.Aganin**

292. "Iraqi oil policy in the 2003–2016" by **A.Manafova**

293. "Experience of the Arabian Peninsula States in tackling migration problems" by **S.Balmasov**

294. "The Arab Spring" in Yemani way" by **P.Rjabov**
295. "Conflict in Syria: assessments of Chinese experts" by **M.Kazanin**
296. "The Contemporary Middle East" № 51 (collection of essays)

Для заметок

Научное издание

Ю.Б. Щегловин

**РАЗМЫШЛЕНИЯ
О СИРИЙСКОМ КОНФЛИКТЕ**

Подписано в печать 23.03.2018 г.

Формат 60х90/16.

Печать офсетная

Бумага офсетная №1

Объем 14 уч. изд. л.

Тираж 200 экз. Тип. Зак. № 395

Первая оперативная типография
115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., 12